



ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований



3 (38)

журнал выходит четыре раза в год

**ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**
№ 3 (38), 2018

Научный журнал. Издаётся с 1968 г.
Выходит 4 раза в год.
ISSN 2306-5826

Главный редактор

д.и.н. К.Ф. Дзамихов

Редакционный совет

Акад. РАН *В.И. Тишков* (*председатель*);
член-корр. РАН *Х.И. Амирханов*; акад. РАН *Н.Н. Казанский*;
акад. РАН *А.Б. Куделин*; член-корр. РАН *В.В. Наумкин*;
д.и.н. *Ю.А. Петров*; д.и.н. *В.В. Трепавлов*

Редакционная коллегия

д.и.н. *Б.Х. Бгажноков*, д.ф.н. *Б.Ч. Бижоев*, д.ф.н. *Ж.М. Гузеев*,
д.ф.н. *А.М. Готов*, к.и.н. *А.Г. Кажаров*, к.и.н. *З.М. Кешева*,
к.ф.н. *Д.М. Кумыкова* (*ответственный секретарь*), д.ф.н. *Х.Х. Малкондуев*,
к.ф.н. *Л.Х. Махиева*, к.и.н. *Р.Г. Ошироев*, к.и.н. *Д.Н. Прасолов*,
д.ф.н. *Х.Т. Тимижев*, к.и.н. *В.А. Фоменко*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
Тел.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru



BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute
for the Humanities Research



3 (38)

the journal comes out four times a year

**BULLETIN (VESTNIK)
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH
№ 3 (38), 2018**

Scientific journal. Published since 1968
Published 4 times a year.
ISSN 2306-5826

E d i t o r - i n - c h i e f

Doctor of History *K.F. Dzamikhov*

E d i t o r i a l c o u n c i l

V.I. Tishkov (*chairman*), Member of the Russian Academy of Sciences;
H.I. Amirkhanov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences;
N.N. Kazansky, Member of the Russian Academy of Sciences;
A.B. Kudelin, Member of the Russian Academy of Sciences;
V.V. Naumkin, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences;
U.A. Petrov, Doctor of History; *V.V. Trepavlov*, Doctor of History

E d i t o r i a l b o a r d

Doctor of History *B.H. Bgazhnokov*; Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*;
Doctor of Philology *Zh.M. Guzeev*; Doctor of Philology *A.M. Gutov*;
Doctor of History *A.G. Kazharov*; Candidate of History *Z.M. Kesheva*;
Candidate of Philology *D.M. Kumykova* (*exec. secretary*);
Doctor of Philology *H.H. Malkonduev*; Candidate of Philology *L.H. Makhliyeva*;
Candidate of History *R.G. Oshroev*; Candidate of History *D.N. Prasolov*;
Doctor of Philology *H.T. Timizhev*; Candidate of History *V.A. Fomenko*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Institute for the Humanities Research KBSC RAS
Ph.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Бгажноков Б.Х.</i> Пашенное земледелие и хлебные злаки в традиционной культуре кабардинцев	7
<i>Дзуганов Т.А.</i> Номенклатура Таманского импорта: опыт исследования истории культуры потребления Черкесии (середина XVIII в.)	23
<i>Кожев З.А.</i> Битва на Малке (1641 г.): историография и источники	32
<i>Кармов А.Х.</i> Продовольственный кризис в Кабардино-Балкарии в начале 20-х годов XX в.	38
<i>Прасолов Д.Н.</i> Съезды доверенных кабардинцев и балкарцев в материалах периодической печати	48

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

<i>Тетуев А.И.</i> Влияние средств массовой информации на этнополитические процессы в Кабардино-Балкарии в период системной трансформации российского общества	55
--	----

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Бижоев Б.Ч.</i> Осетинизмы в словарном составе кабардино-черкесского языка	67
<i>Гузеев Ж.М.</i> Принципы разграничения однокоренных слов в карачаево-балкарском языке	72
<i>Аппоев А.К.</i> Интертекстуальность карачаево-балкарских паремий и сказок о животных	78
<i>Афаунова А.А.</i> Лингвокультурологический аспект в изучении междометий кабардино-черкесского языка	83
<i>Мусуков Б.А., Махиева Л.Х.</i> Формально-семантические особенности союзов и союзных слов в современном карачаево-балкарском языке.....	89
<i>Хежева М.Р.</i> Семантические особенности функционирования числительных щэ «сто» и мин «тысяча» в кабардино-черкесском языке	97
<i>Алхасова С.М.</i> Особенности национально-культурной специфики в поэтическом переводе	104
<i>Болатова (Атабиева) А.Д.</i> Характер авторской интерпретации архаического мифа в прозе А. Теппева	111
<i>Гутов А.М.</i> К разграничению жанров адыгского народного эпоса	119
<i>Гергокова Л.С.</i> Сюжетно-мотивный состав карачаево-балкарских быличек о лешем	125
<i>Гутова Л.А.</i> Фольклор в трудовом воспитании (на материалах животноводческого цикла адыгского фольклора)	134

CONTENT

HISTORICAL SCIENCE

<i>Bgazhnokov B.H.</i> Tilled agriculture and grain cereals in the traditional culture of the kabardians	7
<i>Dzугanov T.A.</i> Nomenclature of Taman imports: experience of studying the history of the culture of consumption of Cherkessia (the middle of the XVIII century)	23
<i>Kozhev Z.A.</i> Battle at Malka (1641 y.): historiography and sources	32
<i>Karmov A.H.</i> Food crisis in the Kabardino-Balkaria in the first years of the 20 th century	38
<i>Prasolov D.N.</i> Congress of entrusted kabardians and balkars in periodicals materials	48

PROBLEMS OF MODERN SOCIETY DEVELOPMENT

<i>Tetuev A.I.</i> Influence of mass media on the ethnopolitical processes in Kabardino-Balkaria in the period of system transformation of the russian society	55
--	----

LINGUISTICS. LITERARY CRITICISM

<i>Bizhoev B.C.</i> Ossetinisms in the vocabulary of the kabardian-circassian language	67
<i>Guzeev Zh.M.</i> Principles of distinction of single-root words in karachay-balkarian language	72
<i>Appoev A.K.</i> Intertekstually of karachay-balkarian paremius and tales about animals	78
<i>Afaunova A.A.</i> Linguoculturological aspect in studying of kabardian-circassian interjections	83
<i>Musukov BA., Makhieva L.Kh.</i> The formal and semantic features of conjunctions and connective words in modern karachay-balkar language	89
<i>Khezheva M.R.</i> Semantic features of the functioning of numerals "one hundred" and "one thousand" in the kabardian-circassian language	97
<i>Alkhasova S.M.</i> The features of the national cultural specifics in poetic translation	104
<i>Bolatova (Atabieva) A.D.</i> The nature of the retransmission of archaic myth in A. Teppeev's prose	111
<i>Gutov A.M.</i> About the differentiation of the genres of adyghe national epos	119
<i>Gergokova L.S.</i> Plot and motive composition of karachay-balkar cossacks about leshy	125
<i>Gutova L.A.</i> Folklore in labor education (on the livestock cycle materials)	134

УДК 394 (470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-3-38-7-22

ПАШЕННОЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И ХЛЕБНЫЕ ЗЛАКИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ КАБАРДИНЦЕВ

Бгажноков Барасби Хачимович, доктор исторических наук, заведующий сектором древней истории и археологии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), E-mail: bbarasbi@yandex.ru

Представлена общая характеристика традиций пашенного земледелия кабардинцев, их места в культуре первичного производства кабардинских черкесов. Отмечается, что хозяйственный уклад, сложившийся в Кабарде, можно определить как земледельческо-скотоводческий, при котором необходимо отдать должное синергизму и сравнительно высокому развитию каждой из этих двух отраслей, но нет оснований говорить о бесспорном приоритете земледелия или скотоводства. Дается краткая характеристика системы переложно-залежного, подвижного земледелия и основных хлебных злаков – проса, ячменя, кукурузы. Особое внимание уделяется их месту в языковом сознании и традиционной культуре питания адыгов, а также – в традиционных религиозно-магических представлениях. Подчеркивается, что преобладание проса в сельскохозяйственном производстве адыгов было связано не с отсталостью земледелия в Черкесии. Главные причины выбора такой формы хозяйствования: 1) характер черкесских земель и угодий, 2) высокие полезные свойства пищи, приготовленной из пшена, 3) глубокое духовно-нравственное содержание, которым наполнялась эта пища.

Ключевые слова: кабардинцы, черкесы, Северный Кавказ, зерно, зерновые, просо, ячмень, организация весенних и полевых работ, аграрные праздники.

Древние корни и специфика земледельческой культуры кабардинцев

Культура первичного производства кабардинцев и других черкесских народностей складывалась под влиянием благодатной природы Северного Кавказа, на плодородных землях его степей, предгорий и гор.

Наличие этих зон обусловило сравнительно высокое развитие двух главных видов хозяйственной деятельности: пашенного земледелия и отгонного скотоводства. При этом сложно структурированное и хорошо организованное скотоводство в своем развитии нисколько не уступало земледелию. Иногда кабардинцев относят даже к числу тех групп черкесского народа, которые занимались преимущественно скотоводством¹. Такое мнение, возобладавшее среди советских историков, нашло отражение в двухтомной «Истории Кабардино-Балкарской АССР»². Однако согласиться с этим можно лишь отчасти. На наш взгляд, хозяйственный уклад, сложившийся в Кабарде с древних времен, должен быть определен как *земледельческо-скотоводческий*. Соответственно традиционный хозяйственный быт и уклад кабардинцев и черкесского народа в целом следует рассматривать с учетом тесного, четко выверенного взаимодействия земледелия и скотоводства. Иначе говоря, это тот случай, когда необходимо отдать должное синергизму и сравнительно высокому развитию каждой из этих форм или отраслей сельскохозяйственного

производства, но нет серьезных оснований говорить о явном преобладании и бесспорном приоритете одного из них.

Такое положение породило разные, порой противоречащие друг другу оценки хозяйственного уклада адыгов. К примеру, Т. Лапинский, который долгое время жил в Западной Черкесии считал, что «преимущественное занятие адыга – земледелие, которое дает ему и его семье средства к жизни»³. В то же время И.Ф. Бларамберг подчеркивал, что в Черкесии скотоводство является «самой важной статьёй их хозяйства», что «по числу скота оценивается богатство семьи»⁴. Даже в Западной Черкесии, где скотоводство, казалось, менее развито, чем земледелие, для обеспечения только экспортных нужд, адыги, по оценке В.К. Гарданова, «должны были содержать ежегодно более 6 млн. овец»⁵. Но при этом, как сказано, важно учитывать постоянно действующую внутреннюю связь и взаимозависимость земледельческого и скотоводческого хозяйства черкесов. Высокий уровень организации скотоводства и коневодства (в том числе отгонного) в Западной Черкесии и в еще большей степени в Кабарде оставался в течение многих столетий не только одним из главных условий столь же высокого развития пашенного земледелия, но и закономерным следствием, результатом этого развития.

В основе пашенного земледелия лежала, как известно, хорошо выверенная и отработанная в течение многих веков система переложно-залежного типа, действовавшая в той или иной форме во всех областях равнинной и предгорной Черкесии⁶. Пашня использовалась под посевы обычно 6–12 лет. Затем ей давали отдых на 8–10, 5–6 лет, в течение которых земля использовалась поочередно под выпас скота и сенокос, то есть для нужд скотоводов и скотоводческого хозяйства. Дополнительно к этому практиковалась определенная очередность культур, используемых для засева одного и того же участка. По данным, относящимся к XIX столетию, первый год засевали его, как правило, просом, второй год пшеницей, третий год кукурузой, четвертый год ячменем или овсом⁷.

Еще в начале XIX в. Г.Ю. Клапрот достаточно точно описал основные черты переложно-залежной системы в Черкесии. «Система земледелия, коей следуют черкесы, – очень проста, так как они никогда не удобряют землю. Весной они сжигают всю траву на земле, кою они решили засеять, таким вот образом земля и получает свое единственное удобрение. Земля затем один раз подвергается вспашке, после чего семена боронятся деревьями, лишенными своей листвы. Они засевают один и тот же участок земли два или три последующих года и, когда та истощается, расчищают новый участок. Когда они таким вот образом истощают почву на расстоянии в несколько верст вокруг села, то переселяются со всеми своими пожитками на новое место»⁸.

О том же спустя тридцать лет писал И.Ф. Бларамберг. «Земледелие у черкесов весьма примитивное, так как они не удобряют землю. Весной траву на участке, который должен быть засеян, выжигают, и пепел – это единственный вид применяемых удобрений; затем землю вспахивают, высевают семена и боронят с помощью веток дерева с листвой на них. Их плуг похож на тот, что применяется на Украине; в плуг впрягают несколько пар быков. Один и тот же участок земли обрабатывается в течение двух-трех лет подряд, а когда земля истощается, и падают урожаи, переходят на другой участок. Как только земля оскудеет вокруг аула радиусом в несколько верст, жители со своим скарбом перебираются на новое место, на неиспользованные до сих пор участки земли»⁹.

Практика переложно-залежной системы земледелия сложилась на Северном Кавказе, видимо, очень давно еще во времена расцвета майкопской культуры. И также точно, как в древности дополнялась и находилась в тесном взаимодействии с подвижным или отгонным скотоводством, способствуя повышению его возможностей. Для нужд скотоводов выделяла община поля для пастбищ *хьунлэ*, сенокосные угодья – *мэкьунлэ*, с участием всех жителей села

строили загоны для скота, стригли овец, таврили лошадей, готовили необходимое снаряжение для пастухов и чабанов, отправляющихся на летние и осенне-зимние стоянки и т.д.

Особо отметим в данной связи, что у кабардинцев обычно в конце мая – начале июня почти весь скот переправляли на альпийские луга, где огромные табуны коней, тучные стада овец и крупного рогатого скота паслись до сентября. Затем чабаны и пастухи возвращались на равнину и вновь отгоняли значительную часть откормленных за лето животных еще дальше на север в степи Предкавказья, на летние пастбища, известные под названием Курей и Сотей. В течение короткого времени зимней стужи (январь, февраль, начало марта) животных держали в крытых загонах. Затем переводили на подножный корм, а уже в конце мая готовили к очередному перегону на альпийские луга, где почти весь скот жителей Кабарды находился, как сказано выше, до конца августа – начала сентября.

Все эти передвижения сопровождалось созданием временных, а часто и постоянных поселений, хуторов, станов, как в степях, так и в горах Кабарды, на ее огромных рубежных территориях.

С переложно-залежной системой земледелия и подвижным скотоводческим хозяйством органически связаны, как мы видим, регулярные переносы кабардинских и всех других равнинных черкесских хозяйств и поселений, включая сюда и переносы с истощенных земель, на другие – залежные или целинные¹⁰. Следует сказать при этом, что к переходу на новое место жительства тщательно готовились. Важной частью такой подготовки считалось масштабное очищение покидаемого хутора или села и его окрестностей от мусора, от всех отходов и остатков жизнедеятельности. Обычно все, что из этого можно было собрать, сжигалось. По-видимому, это делалось не только в гигиенических, но и магических целях. Иногда, по тем же соображениям, вслед за этим весь отслуживший участок распахивали, что было особенно характерно для равнинной и предгорной части Кабарды.

Мы убеждаемся, таким образом, что хорошо отработанная в течение многих столетий система подвижного земледелия и землепользования определяла во многом общий характер внутренней организации и использования экзистенциального пространства Черкесии. И была, безусловно, достаточно разумна и эффективна.

Во-первых, благодаря регулярному переходу с истощенных земель на плодородные, целинные и залежные эта система способствовала повышению урожая зерна, эффективности сельскохозяйственного производства в целом.

Во-вторых, она удачно дополняла столь же подвижное, динамичное отгонное скотоводство, развивала сходные во многом традиции, обычаи и навыки наилучшего распределения и изменения места и времени осуществления хозяйственной деятельности.

В-третьих, подвижное земледелие позволяло покинуть загрязненную отбросами территорию и перейти на чистое, не загрязненное место. В целом это значительно улучшало санитарные условия жизни населения, становилось достаточно простой и надежной защитой от распространения инфекций, дополняя множество других, распространенных и неукоснительно соблюдаемых в Черкесии общих правил гигиены и связанных с ними способов и средств предотвращения болезней.

Заметим также, что в период Кавказской войны навыки подвижного земледелия и скотоводства были использованы для ухода черкесских поселений и войск из под удара наступавшей русской армии. Царским генералам долго и не всегда удавалось приспособиться к маневрам и быстрому перемещению намеченных для захвата и грабежа черкесских сел в другие, скрытые и лучше защищенные места. Достаточно вспомнить в этой связи осуществленный в 1822 г. стремительный, даже не замеченный царскими военачальниками переход 15 тыс. кабардинцев по северной кромке Главного Кавказского хребта за Кубань, на берега

Зеленчука, Урупа и Лабы, где очень скоро они расселились в воссозданных на этом месте 62 селах¹¹.

В дополнение ко всему сказанному следует сказать, что в период феодализма связанные с переложно-залежной системой переносы кабардинских сел с места на место производились неизменно с разрешения, под руководством и по прямому указу феодала-вотчинника¹², который, в свою очередь, согласовывал свое решение с другими соседними владельцами. Кроме того владельцы сел принимали прямое участие в подготовке к пахоте, севу, жатве и уборке урожая, а также в организации перегона скота на горные (летние) и осенне-зимние (степные) пастбища, осуществляя общее руководство всем процессом сельскохозяйственного производства. В частности, только с их согласия, в назначенный ими день и по их сигналу крестьяне выходили на пахоту, сев, жатву, приступали к перегону скота на летние и осенне-зимние пастбища. Только с его разрешения, после выполнения всех поставленных задач возвращались домой.

Под прямым руководством владельца села весной и осенью осуществлялся выезд вооруженного отряда в поле для присмотра за работой крестьян и их охраны от нападений соседних феодалов.

Обычно это были хорошо вооруженные отряды, организованные и действовавшие по типу мужских союзов¹³, совмещая охрану своих подданных и надзор за их работой с охотой на диких животных и наездничеством. В описании кабардинского народа, составленном в мае 1748 г., есть прямое указание на этот счет: «Владельцы их весной и в осень во время сева и собирания хлеба выезжают в поле и прикрывают работу своих подданных; и каждый владелец с своими узденями имеет особливый стан в скрытых и крепких местах, откуда и на воровство, и по их для добычи ездят на Кубань и в другие горские места, они ж тогда стреляют аленай и диких коз и собаками травят зверей. И для всего того в поле бывают месяца по два и больше и меньше»¹⁴.

О том же, но без указания на использование княжеско-дворянской охраны для охоты и набегов писал С. Броневский. «Князья и дворяне, – пишет он, – разъезжали по полям конновооруженные как для надзирания за сельскими работниками, так и для прикрытия работников, и живут месяца по два в лагерях (кошах) со всею воинской предосторожностью»¹⁵. Вслед за С. Броневским аналогичным образом описывает этот институт И.Ф. Бларамберг: «Во время уборки урожая и сенокоса князья и дворяне, вооруженные до зубов, объезжают верхом свои поля как для того, чтобы проследить за работами, так и для того, чтобы защитить своих крестьян; в течение месяца или двух они остаются на полях, принимая всевозможные военные предосторожности»¹⁶.

По-видимому, в XIX в. в институте мужских союзов весь акцент сместился на защиту земледельцев и скотоводов, занятых своим делом на полях и пастбищах Кабарды. При этом наездничество все еще сохранялось, трансформируясь в форму вооруженного противостояния княжеско-дворянских отрядов набегам российских войск.

Не исключено, таким образом, что некоторые базовые принципы сложившихся в Черкесии форм первичного производства уходят своими корнями в «подвижно-оседлое» земледелие майкопской культуры¹⁷. Отсюда часто встречающаяся в литературе оценка сложившейся у черкесов, и особенно у кабардинцев, системы земледелия как весьма архаичной, почти первобытной¹⁸. С этим можно согласиться. Но только лишь в том смысле, что сравнительно высокий уровень традиционного земледелия сложился у черкесов в глубокой древности, возможно, еще во времена расцвета майкопской культуры. И затем поддерживался и развивался вплоть до начала XX в.

В то же время и, пожалуй, в первую очередь эта система была хорошо продумана и организована как наиболее пригодная для экологической ниши Кабарды,

для плодородной Кабардинской равнины. Простираясь на многие сотни километров в предгорьях Кавказа, она удачно дополнялась хорошо приспособленными для отгонного скотоводства запасными горными и степными районами на юге и севере Кабарды.

В плане историческом, по своим корням, уходящим в майкопскую культуру, эта система была, повторяем, архаичной. Но в то же время, экономически выверенной и целесообразной, наилучшим образом приспособленной к обширным ровным пахотным угодьям кабардинцев¹⁹. Переложно-залежная система земледелия в Кабарде позволяла не только удовлетворять в полной мере потребности ее жителей в хлебе, но и в большом количестве накапливать излишки сельскохозяйственного производства, чтобы сбывать их практически всем соседним народам. По сложившейся традиции зерно, производившееся кабардинцами сверх собственных нужд, скупали (либо обменивали на мелкий и крупный рогатый скот и продукты животноводства) горские народы Кабарды – ингуши, осетины, балкарцы, карачаевцы, и кроме того, в большом количестве – ногайцы также, включенные в социально-экономическую систему Кабарды.

С конца XVI в. в большом количестве закупали хлеб у кабардинцев и русские поселенцы.

Главным условием возникновения и сохранения традиций перелога и залежа оставалось обилие земель. В XIV–XVII вв. территория Кабарды занимала громадную для рамок Кавказа территорию. Она достигала временами свыше 100 тыс. кв. км при сравнительно малой для такой территории численности кабардинцев – в пределах 500–700 тысяч жителей. При этом пашни, сенокосы, пастбища и леса Кабарды вплоть до устья Терека на востоке, развалин Маджар на севере, Малой Лабы на Западе, Кавказского хребта на юге занимали огромные пространства. «Удаляясь на многие десятки и даже сотни верст от поселений»²⁰, они составляли материально-ресурсное пространство страны, своего рода рубежные территории, используемые регулярно для хозяйственных нужд²¹.

Разрушение традиционной системы земледелия

С утратой восточных земель в низовьях и устье Терека в XVII – начале XVIII вв. и затем в ходе русско-кабардинской войны 1763–1825 гг. территория Кабарды уменьшилась более чем в 10 раз, а численность в 10–15 раз. В 1804 г. по данным И.Ф. Бларамберга, «в Большой Кабарде проживало 30 тысяч семей, а в Малой Кабарде – 15 тысяч семей»²². Это означает, что, несмотря на кровопролитные сражения предыдущих трех десятилетий, в Кабарде оставалось даже по самым скромным подсчетам около 500–600 тысяч жителей. Однако в результате экспансии русских войск и эпидемии чумы 1810–1812 гг., а затем и в ходе ожесточенных сражений 1822–1825 гг., численность кабардинцев резко уменьшилась и фактически Кабарда (как одно из самых значительных государств Кавказа) прекратила свое существование.

В конце 20-х – начале 30-х гг. XIX в. численность кабардинцев составляла лишь около 50–60 тыс. человек. Включая сюда около 15 тысяч жителей, бежавших в неподконтрольную Российской империи Западную (Закубанскую) Кабарду, где на берегах Зеленчука, Урупа, Малой и Большой Лабы они образовали автономную «Хаджиретскую Кабарду». Она состояла, как сказано выше, из 62 аулов, что позволяет думать, что численность так называемых беглых кабардинцев по разным причинам сильно занижалась всеми, кто об этом писал, в том числе и Хан-Гиреем.

Резко сократился вследствие этого и объем пашни, нарушив сроки и порядок действия переложно-залежной системы. Во многих селах из-за недостатка пашни посевным угодьям не давали отдыха по 20–30 лет. К минимуму была сведена

не только площадь залежных земель – *вэныжь, хьэсэнІэжь*, заметно снизилось к тому же и ее качество. По понятным причинам резко ухудшились вместе с тем все, в том числе и санитарные условия жизни и деятельности остатков кабардинского населения. От холода, голода и болезней умирали тысячи, десятки тысяч мирных жителей.

В начале XIX в., в разгар русско-кабардинской войны, из-за скученности населения, вынужденного бежать от царских войск в леса и горы, в Кабарде, как сказано выше, разразилась чума, унесшая сотни тысяч жителей. Используя это обстоятельство, царские генералы стремились окончательно сломить сопротивление Кабарды. Русские войска уничтожали на захваченных кабардинских землях запасы хлеба и сена, захватывали и присваивали себе огромные табуны лошадей и стада крупного рогатого скота. Беспощадно убивали не только защищавших свою землю воинов, но и в массовом порядке мирное население, включая детей, женщин, стариков²³. По мнению Т.Х. Кумыкова, именно тогда родилась пословица *Емынэм къелар Хьумбалеім ехьыж* – «Что осталось от чумы, река Хумбалеі (Камбилеевка) унесла». В ней отражены трагические события 1810 г., когда после длившейся несколько лет эпидемии чумы, резко сократившей численность кабардинцев, на них, воспользовавшись этим, обрушились войска Булгакова и других царских генералов и, достигнув реки Камбилеевки, уничтожили на своем пути 200 селений²⁴.

Катастрофа Кавказской войны отразилась, естественно, и на культуре земледелия кабардинцев. Во второй половине XIX столетия в сфере землевладения и землепользования произошли кардинальные изменения, создававшие неразбериху, разного рода курьезные ситуации. К примеру, в Большой Кабарде ощущался большой недостаток рабочей силы, способной заниматься земледелием, так как подавляющее большинство крестьян было уничтожено. По этой причине некоторые владельцы были лишены возможности освоить в полной мере даже ту, мизерную часть пашни, которая оставалась в их распоряжении. И потому иногда продавали (нередко, из-за переселения в Турцию) или сдавали ее в аренду казакам и горским племенам. Это была, конечно, вынужденная мера, которая стала прямым следствием **геноцида** и **этноцида** кабардинского народа в войне и, как продолжения этого геноцида – последовавшего за этим их массового выселения в Турцию. Поэтому едва ли правомерно, вслед за Б.А. Калоевым, рассматривать действия некоторых кабардинских владельцев в этих условиях как один из «признаков слабого развития земледелия в Большой Кабарде»²⁵.

Не хочу акцентировать внимание на том, насколько уместны такого рода обобщения. Подчеркну только еще раз, что в данном конкретном случае, также как и во всех других подобных ситуациях, речь может идти лишь о последствиях поражения черкесов в Кавказской войне, их геноцида и изгнания в Турцию. То есть о том, что вся традиционная, хорошо налаженная система хозяйствования и обращения с землей была либо подорвана, либо безвозвратно исчезла вместе с ее создателями и носителями.

Применительно к Западной Черкесии, подробно рассказывает об этом И.Н. Клинген в своем капитальном труде «Основы хозяйства в Сочинском уезде»²⁶. Этноцид черкесов автор рассматривает не только как национальную трагедию этого народа. Намеренное отлучение адыгов от родной земли, которую они любовно, умело, с большим знанием дела использовали в различных сферах материального и духовного производства, он рассматривает как утрату бесценного опыта и навыков хозяйствования в природно-климатических условиях Северо-Восточного Причерноморья, как масштабную экологическую катастрофу, которая пагубно отразилась на культурном ландшафте обезлюдившей территории Западного Кавказа.

Это касается, конечно, не только земледелия, но неразрывно связанного с ним животноводства. Достаточно сказать, что совершенно расстроилась система пользования пастбищами. И это понятно. Степные пастбища Кабарды – Курей и Сотей были отрезаны и заняты русскими поселенцами. А горные пастбища в южных районах Кабарды и Черкесии перешли в руки казны. Поэтому, по словам И.Х. Калмыкова, сельские общества вынуждены были арендовать у российских властей свои собственные летние пастбища²⁷. Ссылаясь на сведения Н. Динника²⁸, он пишет также, что в условиях складывающихся капиталистических отношений этим пользовались некоторые состоятельные лица. Скупив (взяв в аренду) на определенный срок у казны пастбищные земли, они сдавали их потом за более высокую цену в аренду сельским обществам.

Хлебные злаки

Среди полевых культур первое место занимали с древнейших времен просо – ху, ячмень – хьэ. Причем именно просо стало со временем преобладающим в сельскохозяйственном производстве, а хлеб (паста) и другие продукты и блюда из пшеницы **основными** в рационе питания черкесов. Пшено использовалось также как лучший корм для лошадей, которых в адыгской культурной традиции воспринимали как благородные создания, связанные с человеком узами братства, товарищества, даже родства²⁹.

В небольшом количестве выращивали также полбу – *гъаиэ*, мягкие сорта пшеницы – *гуэдз*. Овес – *зэнтхъ* возделывали, как полагает Л.И. Лавров, по крайней мере с периода раннего средневековья. «Во всяком случае, – пишет он, – адыгское название овса (зантхъ) относится к числу старых самобытных терминов, не поддающихся толкованию при помощи иранских, картвельских и тюркских языков, хотя этот же термин в несколько измененном виде был заимствован от адыгов осетинами, сванами и балкарцами»³⁰.

Черкесское название овса вошло и в словарный фонд карачаевского языка³¹.

С XVIII в. начали возделывать кукурузу. Очень быстро этот злак распространился во всей Черкесии. Наряду с просом он стал восприниматься как «национальный» хлебный злак, получив название «богатырского проса» – *нартыху*, что связано, по мнению И.Х. Калмыкова с большой по сравнению с просом, величиной зерен кукурузы³², но, возможно, и со сравнительно большой урожайностью этого злака. Вслед за кабардинцами кукурузу стали производить соседние народы. Об этом свидетельствует, судя по всему, заимствование адыгского названия кукурузы – *нартыху* абазинами, карачаевцами, ногойцами³³, а также, как нам известно, – балкарцами.

Несмотря на разнообразие хлебных злаков и наибольшее распространение в обозримом прошлом проса и кукурузы, подавляющее число черкесских терминов и слов, связанных, так или иначе, со злаковыми растениями, с их производством, переработкой, использованием в пищу, имеет в своей основе формант *хьэ*, являющийся изначально названием ячменя, ср.:

хьэ-дзэ – «семя», «зерно», *хьэ-цүлүй* – «рожь», *хьэ-цэпэцэ* – «колосовые (злаковые, хлебные) растения», *хьэсэ* – «участок пахотной земли», «посевное поле», «грядка», *хьэсэпIэжь* – «залежь», «залежная земля», *гъатхэпэ хьэ-сэ* – «весенний сев», *бжьы-хьэ-сэ* – «осенний сев», *хьэ-м* – «ток», *хьэ-мэиш* – «гумно», *хьэ-уазэ* – «солома», *хьэ-вэ* – «скирда», «стог», *хьэ-жыгъэ* – «мука», *хьэ-кьурт* – мука из жареной кукурузы, *хьэ-бывэ* – поминальная пища, включавшая в себя ячмень и (или) пшено, *хьэ-лу*, *хьэ-тыкь* – «чурек» (маленькая лепешка обычно из кукурузной или ячменной муки), *хьэ-лыгъу* – «хлеб», «сдобный хлеб», *хьэ-лыгъуанэ* – «бублик», *псы-хьэ-лывэ* – «вареники», *хьэ-ламэ* – вареная лепешка из просяной или кукурузной муки, *хьэ-лывэ* – «пирог», «пирожок», *хьэ-лджей*

(*хьэлжсьей, хьэ-джей*) – хлеб из ячменной или кукурузной муки, *хьэ-гулывэ* – «ячменный суп», *хьэ-нтхьупс* – «суп» (из пшена, дробленой кукурузы и др.).

Помимо всего прочего, эти факты свидетельствуют о том, что в языке и языковом сознании черкесов закрепилось представление о том, что самой древней земледельческой культурой является ячмень. По-видимому, ячмень использовали активно еще в период неолита при переходе от присваивающего к производящему хозяйству, когда климат в местах расселения протоадыгских племен (Северная Анатолия и Кавказ) был суровым и позволял вызревать в течение лета только этой культуре. В любом случае, приведенные выше данные черкесского языка ставят под большое сомнение утверждение, согласно которому «в отличие от горных зон региона (северо-кавказского – *Б.Б.*) на равнине ячмень никогда не был преобладающей культурой»³⁴.

В черкесском языке элемент *хьэ*, вообще говоря, является обозначением всего живого на земле. В том числе растений и особенно хлебных злаков, что отдаленно напоминает лексическую систему русского языка, в которой название ячменя и других зерновых культур – «жито» связано со словом «жизнь». Однако языковое сознание адыгов идет в этом отношении еще дальше. Семантика *хьэ* лежит в основе множества слов, используемых для выделения живой природы из неживой. Отсюда слово *Тхьэ* – «Бог» с внутренней формой «творец жизни» и наполненное таким же, религиозным, содержанием обозначение Бога плодородия: *Тхьэгьэлэдж* – «Бог (творец) растений»³⁵.

Имя Бога плодородия было прямо связано с культом пищи и использовалось как синоним слова «хлеб». За накрытым столом, чтобы подтвердить свои слова клятвой, брали в руки кусок хлеба и говорили: *Тхьэуэ мыр зи Тхьэгьэлэдж!* – «Этим Богом Тхагаледжем клянусь!». Строго соблюдалось правило, по которому, накрывая стол, ставили на него сначала традиционную пасту из пшена – аналог хлеба. Начиная трапезу, положено было сначала взять в правую руку кусочек пасты и поблагодарить Бога за ниспосланную пищу. Поэтому участник праздничного застолья мог быть даже наказан за то, что приступая к еде, взял в руки мясо или рюмку водки, вместо пшенной пасты.

Но приведенные выше данные языка свидетельствуют о том, что ячмень, а не просо является у черкесов самой древней земледельческой культурой, которую предки черкесов и других народов Кавказа возделывали, по-видимому, еще в период неолитической революции, в самом начале эпохи производящего хозяйства.

Судя по всему, еще в доисторические времена ячмень и блюда из ячменя легли в основу культуры питания протоадыгских племен и определили некоторые специфические и очень важные черты древней религиозной системы и мифологии. В этой системе верховное божество Тха (Тхашхо) и особенно Бог плодородия Тхагаледж, воспринимались как покровители пашенного земледелия. Тхагаледж один из самых значительных богов языческого пантеона черкесов. Его представляют обычно как первого и великого пахаря и жнеца, удивлявшего нартов своими умениями, знаниями, могучей силой. А именно: способностью пахать так быстро, что нарты на своих быстроногих конях не могут нагнать его плуга, собирать громадный урожай проса, в котором, сто жмень в одном снопе, сто снопов в одном стоге, сто стогов в одном возе, сто возов в одной скирде. И восемьсот скирд в общей сложности³⁶.

Мы видим, что в нартском эпосе, который сложился в основе своей в эпоху кобанской культуры, речь идет во всех случаях о севе, уборке и употреблении в пищу проса, а не ячменя. По всей вероятности, уже в период бронзового и железного века у предков черкесских племен ячмень уступает свое место просу. В качестве главной земледельческой культуры просо заменило собой ячмень, возможно,

еще в период расцвета майкопской культуры. Находки проса в захоронениях и на городищах позднего бронзового века свидетельствуют о том, что этот злак сохранил за собой первенство и в последующее время.

По мнению В.А. Городцова и А.В. Арциховского, просо было основной зерновой культурой в северокавказских степях уже в начале II тыс. до н.э., когда здесь распространились и тесно взаимодействовали с северокавказцами первые племена катакомбной и срубной культуры³⁷.

Подчеркивается вместе с тем, что не только в районах Предкавказья и Поволжья, но и во всей Южной России просо под влиянием кавказского культурного течения стало основной земледельческой культурой. Об этом, как отмечается, свидетельствует тот факт, что в днепровских, донецких и волжских погребениях катакомбной культуры при покойниках находят часто просо и никогда не находят других злаков³⁸. Встречаются при погребениях и зернотерки. С этим столкнулся еще в начале XX в. В.А. Городцов. В катакомбных захоронениях в районе Донца он обнаружил на дне многих сосудов заупокойную (напутственную) пищу. В одних случаях это было темнубурое, в других желтоватое вещество. «Темнубурое вещество, – пишет Городцов, – имело вид засохшей крови и перегорелого, пересохшего мяса, за каковые оно и принимается. Желтое вещество походит на мелкий песок, но, при более внимательном изучении, в нем узнавались зерна проса или пшена»³⁹.

Аналогичные находки В.А. Городцова, Н.В. Анфимова⁴⁰ и др. в Приазовье, Крыму, на Кубани в городищах железного века свидетельствуют о том, что просо было основной земледельческой культурой местных жителей с давних времен. Но наряду с этим они занимались возделыванием ячменя, полбы, конопля, мягких сортов пшеницы, бобовых, о чем свидетельствует произведенный в 1935 г. К. Флякбергом анализ научной литературы о находках хлебных растений на городищах античной эпохи⁴¹.

При этом пшеница в районах, прилегающих к Азовскому и Черному морям, производилась, главным образом, только для торговых целей. По словам С. Флякберга, это был «период широчайшего экспорта пшеницы с Юга России, включая Крым, в Малую Азию и Грецию»⁴². В то же время местные, меото-сарматские племена, как свидетельствуют античные историки, для своих собственных нужд производили, главным образом, только просо. О просе, как об основной пище меотов и савроматов сообщает, например, римский писатель конца II – начала III в. н.э. Клавдий Элиан⁴³.

По-видимому, меотские племена (по преимуществу предки адыгов) использовали пшено и хлеб из пшена – пасту, как основной в рационе питания и в большом количестве возделывали просо не только в Приазовье, но и на просторах Кубани. Не зря в адыгской мифологии именно просо постоянно упоминается как священный злак, преподнесенный нартам (за их подвиги) в дар Богом плодородия Тхагаледжем. Народ, в свою очередь, всячески подчеркивал почтение своему любимцу Тхагаледжу. По каждому сколько-нибудь значимому случаю и особенно во время пахоты, сева, жатвы ему приносили кровавые жертвы, прославляли в гимнах, тостах, молитвах, клялись его именем с куском хлеба в руках. После уборки проса в его честь оставляли в поле один сноп под названием *Тхьэгъэлэдж* и *пхыр закъуэ* – букв. «сноп Тхагаледжа» и просили его не оставлять их и впредь без урожая. При изготовлении пасты из проса нового урожая, хозяйка брала отдельно пригоршню пшена и бросала в котел, сопровождая словами *Тхьэгъэлэдж* и *Ихьэ* – «Тхагаледжева доля»⁴⁴.

Просо или пшено находят постоянно и на северокавказских поселениях средневекового периода, включая также и Крым. Так, в 1937 г. в ходе раскопок под руководством Н.И. Репникова близ деревни Черкес-Кермен, где в период средневековья жили, по всей вероятности, черкесы, были обнаружены семена проса и

конопли. Их нашли в подвале жилища XIII в. вместе с обломками глиняных сосудов⁴⁵. В 1935 г. экспедиция под руководством М.И. Артамонова нашла семена проса и ячменя на дне зерновой ямы, расположенной на месте, где стоял город Саркел хазарского периода⁴⁶. В окрестностях этого города, особенно в низовьях Дона, по мнению М.И. Артамонова, по всей вероятности, также жили черкесы. Сообщается, в частности, что погребения, на которые наткнулись жители Багаевской станицы, они приписывали (ссылаясь на местные предания) черкесам⁴⁷.

Аналогичные находки в местах, связанных с обитанием черкесов, были сделаны археологами и в последующее время⁴⁸. И это свидетельствует в целом о том, что на протяжении, по крайней мере, последних 4–5 тысячелетий просо оставалось главной земледельческой культурой адыгов и многих других народов Юга России и Предкавказья.

Не случайно в черкесском языке корень *мэи*, означающий «просо на корню», в соединении с корнем *мэкъу* – «сено» лег в основу ключевых терминов, соотносимых с сельскохозяйственным производством в целом. Ср.: *мэкъумэшыщІэ* – «земледелие», «земледелец, крестьянин», *мэкъумэи* – «урожай зерновых», «сельское хозяйство». В этих конструкциях отражаются и некоторые, главные особенности традиционной культуры земледелия черкесов, в том числе органическая связь переложно-залежной системы с заготовкой сена и, следовательно, с нуждами скотоводов, которые обеспечивали народ не только полноценной мясной пищей и превосходными скакунами, но и основной тягловой силой, используемой для плужного земледелия. Считалось, вместе с тем, что скотоводство, в свою очередь, не может развиваться успешно без знаний, умений и навыков переложно-залежной системы, земледельческого труда в целом.

Таким образом, в традиционном хозяйстве и в самом сознании адыгов не было резкого разделения труда земледельцев и скотоводов. Кабардинский земледелец – *мэкъумэшыщІэ* был одновременно и достаточно опытным скотоводом – *Іэщыхъуэ*. И это нашло отражение даже в мифологии, где покровитель земледельцев Тхагаледж и покровитель скотоводства Амыш представлены как братья, один как хлебопашец, а второй как чабан⁴⁹. Третьим братом называют иногда Тлепша – Бога железа и кузнечного ремесла, что связано, видимо, с огромным значением железа и кузнечного ремесла в развитии земледелия и скотоводства. При этом наибольшей силой, добротой, благородством наделяют, безусловно, Тхагаледжа, которого представляют обычно как могучего пахаря, иногда как старца «с белой до пояса бородой и с золотым посохом в руке»⁵⁰.

Пшено и кукуруза в культуре питания адыгских народов

В период средневековья, а затем и нового времени пшено оставалось доминантой всей традиционной культуры питания адыгов. В то же время ячмень имел лишь вспомогательное значение как корм для скота и лошадей, в редких случаях как основа для приготовления ритуальных блюд.

Из круто сваренного пшена, как сказано выше, готовили пасту и в большинстве своем ели ее, нарезаая кусками как хлеб, жарили хлеб из просяной муки – *ху мэжаджэ*. Практически каждый день готовили и ели пшениный суп – *ху хьэнтхъус*, заправленный кислым молоком или сметаной, добавляли нарезанный маленькими кусочками сыр. На десерт подавали иногда *эжу* – пшено, обжаренное в смеси топленного сливочного масла с орехом и медом.

Учитывались все полезные свойства пищи, приготовленной из пшена: поддержание сил и энергии организма, предотвращение ожирения, старения, усиление лактации у кормящих матерей и т.д. Считалось, что мясо, необходимое для

поддержания жизненных сил, имеет наилучший эффект лишь в соединении с пастой, приготовленной из пшена. С пастой или с супом из пшена ели также сыр, различные виды овощей. Особое внимание уделялось роли пшена в становлении детского организма, в том числе и в формировании у роженицы полноценного грудного молока. В недавнем прошлом, в дом, где родился ребенок, в течение нескольких недель женщины со всей округи приносили сваренный на молоке пшенный суп и поили этим супом роженицу, объясняя ей пользу, которую в ее положении приносит такой суп. Это блюдо так и называлось: *фыз лъхуа хъэнтхъупс* – «хантхупс для роженицы».

Заметим в данной связи, что в настоящее время выявлены многие свойства пшена, оказывающие благотворное влияние на организм человека. Среди них способность регулировать уровень гемоглобина в крови, улучшать внешний вид за счет стимуляции питания клеток кожи и выработки коллагена, поддерживать мышечный тонус, улучшать реакцию и внимательность, снабжать организм жизненно необходимыми минеральными веществами: фолиевой кислотой (необходимой для беременных и кормящих матерей), цинком, железом, фосфором, селеном, фтором, кремнием и т.д. Кроме того, пшено обладает, как выясняется сейчас, хорошими антиоксидантными свойствами.

Особо следует сказать, что из пшена готовили знаменитый черкесский хмельной напиток *мэхъсымэ* (в русск. транскр. «махсыма»), аналог древнеиндийской сомы и иранской хаомы⁵¹. Махсыма был признан повсеместно чудодейственным средством, способствующим поддержанию тонуса и жизненных сил, успеху во всех важных делах и начинаниях. Его пили обычно во время праздничных пиров, сообщая, по кругу, рассматривая данный детально разработанный и сложный ритуал как священнодействие. Священным и богоугодным считался и сам этот напиток, название которого восходит, как видно, к индоиранскому *sauma* – *сома* (иранский аналог – *хаома*), опьяняющему напитку, который в Древней Индии выжимали из стебля горного растения *сома*. Индийцы считали этот напиток священным, божественным и называли обычно «млековидным», «золотоцветным».

Как видно, по этой причине и у черкесов махсымэ называли «светлым (белым) хмельным напитком» – *фадэ хужь*. Противопоставляя его, тем самым, водке как «темному (черному) хмельному напитку» – *фадэ фльыцлэ* и медовухе – *фадэ пльыжь*⁵². Не исключено, вообще говоря, что термин *махъ-сымэ* изначально санскритский, в котором первый компонент *махъ* восходит к слову *machi* – «великий», а второй к *soma* – названию растения, из которого изготовлялся священный напиток в Древней Индии.

Махъсыма – это, таким образом, сложнопроизводное слово с буквальным значением «Великая (божественная) сома».

Еще одно сходство черкесского махсыма с индоиранским сома в том, что он ассоциировался с субстанцией, в которой пребывает само божество. У индийцев это Бог Сома⁵³, у черкесов Бог плодородия Тхагаледж. У черкесов, если к столу подавали махсыма, то обычно говорили *Тхъэгъэлэджыр къытехъащ* – «Тхагаледж явился». В повседневном общении вполне уместным считалось использовать имя Тхагаледж вместо махсыма, например: *Тхъэгъэлэдж дегъафэ* – «Выпьем Тхагаледж»; *Тхъэгъэлэдж дефащ* – «Тхагаледж выпили» (Патов А.Х., 1896 г.р., Бесленей, Карачаево-Черкесия). Гегуако – распорядители народных праздников, держа в руках чашу с махсымой, начинали свою речь со слов: *Тхъэуэ мыр зи Тхъэгъэлэдж* – «Бог этот Тхагаледж!» (Хапамцивов Ж.Х., 1901 г.р., Зеюко, Карачаево-Черкесия).

Черкесский Тхагаледж (также как и индийский Сома) рассматривался как друг и спаситель людей, как главный и объединяющий всех присутствующих персонаж всякого застолья. Согласно замыслу черкесских коллективных трапез и пиров,

отпивая из круговой чаши напиток, ассоциирующийся с Богом, участники застолья приобщались к его силе и могуществу, обретали ясность ума и бодрость духа, непоколебимую уверенность в преодолении всех препятствий на пути к удаче.

Наконец, особо следует сказать о традиционной адыгской халве – *хьэлыуэ*, «халыуа», основу которой составляла просяная мука с медом. Обычно халву готовили и подавали по случаям праздничных торжеств и траурных (поминальных) обрядов и ритуалов. И это все еще живая и широко распространенная традиция. В то же время, халыуа в составе черкесской кухни является таким же древним блюдом, как и напиток махсыма. Не исключено, что из адыгской кухни это лакомство вместе с его названием было заимствовано многими другими народами Евразии, в том числе и некоторыми индоевропейскими.

Блюда из пшена считались, как правило, наиболее престижной, изысканной, божественной пищей. Не зря в традиционных черкесских тостах Боги языческого пантеона предстают неизменно как почетные гости дома, в котором проходит торжество, как участники праздничных трапез и застолий. Без традиционной адыгской пасты садиться за стол (будничный, праздничный, поминальный – без разницы) считалось не вполне приличным, недостойным взрослого, благородного человека, настоящего адыга.

Особым, благоговейным отношением к пшенице и блюдам из пшена адыги разительно отличались и отличаются сейчас от других народов мира. Отличаются, в том числе, и от народов Северного Кавказа, у которых просо практически не производилось, и, соответственно, блюда из пшена в рацион питания не входили. Вследствие этого пшено, по утверждению этнографов, выступало в роли одного из важных «этнических маркеров адыгского мира»⁵⁴. Но дело не только в этом. Большое и символическое, ценностно-нормативное значение имели блюда и напитки, приготовлявшиеся из пшена, среди которых особое место занимали паста, заменявшая хлеб, махсыма, как священный напиток и традиционная халва.

Из всего вышеизложенного следует, что на протяжении многих тысячелетий пшено и блюда из пшена оставались неотъемлемой частью религиозной культуры черкесов.

В адыгском нартском эпосе Тхагаледж не зря выступает как покровитель растений. Его почитали повсеместно как Бога плодородия, подарившего людям первые семена проса. Как первого земледельца, научившего возделывать этот злак на просторах Северного Кавказа⁵⁵. Вот почему все хлебные злаки, но особенно просо и вместе с ним блюда из проса, так или иначе ассоциировались у адыгов с Тхагаледжем и были наполнены глубоким религиозным и нравственным содержанием и смыслом. С образом Тхагаледжа, как было сказано выше, был связан и весь процесс выращивания проса, начиная с пахоты и сева, заканчивая жатвой и уборкой урожая. Обращение к нему перед пахотой и во время пахоты, перед севом и затем во время уборки урожая создавали ощущение прямого, зримого участия Тхагаледжа в труде и результатах труда земледельцев.

Собственно, этими верованиями и традициями и также, конечно, высокими полезными свойствами пищи, приготовленной из пшена, объясняется во многом тот факт, что объем производимого адыгами проса значительно превышал объем всех других полевых культур. Одним словом, религиозно-магические, мифологические представления и образы, так или иначе связанные с пашенным земледелием, только усиливали рациональные основания возделывания проса как главного хлебного злака в Черкесии. Поэтому в любом случае не вполне справедливы, мягко говоря, постоянно повторяющиеся высказывания некоторых этнографов считавших, что преобладание проса в числе возделываемых в Черкесии хлебных злаков, является признаком отсталости земледелия в этой стране.

Следует отметить в данной связи, что у кабардинцев даже во второй половине XIX в. объем производимого проса достигал 80–90% от всех других хлебных злаков. Так, согласно архивным данным, из общего количества хлеба, собранного в Кабарде в 1867 г., 88% составляло просо, 8% – кукуруза и только 4% – пшеница⁵⁶. То же самое наблюдалось и у западных адыгов. Согласно годовому отчету Лабинского военного округа за 1867 г., местные адыгские племена (хатукаевцы, темиргоевцы, бжедуги и др.) производили и употребляли в пищу преимущественно просо и часть кукурузы.

Показательно, что получив название «нартского (богатырского) пшена» – *нартыху*, кукуруза быстро распространилась среди черкесов и была окружена почти таким же ореолом святости, как и пшено. В повседневный обиход вошли кушанья из кукурузной муки: *мэрэмысэ* или мамалыга, *хьэлу* – лепешки, отодвинувшие на второй план лепешки из пшена и ячменя. Из кукурузной муки готовили многие семьи даже пасту, как аналог пасты из пшена, а также традиционный хмельной напиток махсымэ. Любимым блюдом черкесов стали кроме того вареные и особенно жареные початки кукурузы, а также супы из дробленой кукурузы – *нартыху зтеуда хьэнтхъус*. В обычной черкесской семье, вследствие этого, кукуруза должна была находиться всегда, что называется, под рукой. Вот почему вплоть до 50-х гг. XX в. приусадебные участки адыгов засеивались почти целиком кукурузой.

Существует, видимо, связанное с ролью кукурузы в домашнем хозяйстве мнение, согласно которому «в первое время кукуруза была огородной культурой. Ее сеяли на приусадебных участках наряду с огородными культурами и употребляли только в жареном виде. Затем сфера ее применения расширилась. Благодаря своим качествам кукуруза постепенно заняла одно из первых мест в адыгском полеводстве»⁵⁷.

Судя по всему, очень скоро объемы производства и потребления кукурузы резко и многократно возросли и настолько, что она стала выращиваться не только для собственных нужд, но и для продажи соседним народам, в том числе и заморским. По свидетельству Т. Лапинского, в Западной Черкесии кукурузу закупали в большом количестве турки. Ср.: «В последнее время получило весьма большое распространение возделывание кукурузы – отчасти по причине большого плодородия этого вида хлебного злака, урожаи которого здесь очень высокие, отчасти же потому, что турецкие хлеботорговцы охотнее всего покупают кукурузу и лучше всего за нее платят»⁵⁸.

Данные XIX в. свидетельствуют, таким образом, о том, что для собственных нужд в питании адыги сеяли главным образом только просо и кукурузу и в небольшом количестве ячмень и полбу. Все другие хлебные злаки, в том числе рожь и пшеницу, они практически «не употребляли, а пускали исключительно на продажу»⁵⁹. Может быть, этим объясняется адыгское название пшеницы – *гуэдз*, которое ассоциируется со словом *гуэдзэ* – «добавление, довесок, излишек». По-видимому, такое соотношение хлебных злаков – традиция, сложившаяся у черкесов давно, во всяком случае, еще в бронзовом веке. Проверенная временем, она была обеспечена обилием плодородных равнинных земель, предрасполагая к переложно-залежной системе, к изобретению и применению тяжелого плуга, единственно возможного для вспашки целинных и залежных земель, степей Предкавказья и Юга России.

Возделывание проса, в качестве главного хлебного злака, в наибольшей степени отвечало как условиям такого типа земледелия, так и сложившейся культуре питания кабардинцев и черкесского народа в целом.

Примечания

1. *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1967. С. 82.
2. История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 134.
3. *Лапинский Т.* Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995. С. 55.
4. *Бларамберг И.Ф.* Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. С. 72–73.
5. *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). С. 93.
6. Там же. С. 81.
7. *Баранов Е.* По вопросу о формах землевладения у кабардинцев // Терские ведомости, 1891, 22 августа; *Мамбетов Г.Х.* Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии (вторая половина XIX – 60-е гг. XX в.). Нальчик, 1971. С. 13–14.
8. *Клапрот Ю.Г.* Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 гг. Нальчик, 2008. С. 225.
9. *Бларамберг И.Ф.* Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. С. 71.
10. *Алексеева Е.П.* Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI–XVII вв. Черкесск, 1957. С. 53; *Меретуков М.А.* Поселения у адыгов // Сборник статей по этнографии Адыгеи. Майкоп, 1975. С. 43.
11. См. названия этих аулов в книге: *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 169–170.
12. *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX в.. Нальчик, 1994. С. 59–60.
13. *Бгажноков Б.Х.* Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983. С. 118–122.
14. Описание кабардинского народа, сочиненное в мае 1748 г. // Кабардино-русские отношения. Т. 2. Док. № 119. С. 160.
15. *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 2. С. 133–134.
16. *Бларамберг И.Ф.* Кавказская рукопись. С. 71.
17. *Корневский С.Н.* Галюгай I – поселение майкопской культуры. М., 1995.
18. *Максимов Е., Вертепов Г.* Туземцы Северного Кавказа. Вып. 1. Осетины. Ингуши, Кабардинцы. Владикавказ, 1892. С. 172.
19. *Османов М.О.* Традиционные типы и система земледелия Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала, 2008. С. 212–213.
20. История Кабардино-Балкарской АССР (С древнейших времен до Великой Октябрьской революции). М., 1967. Т. 1. С. 133.
21. *Бгажноков Б.Х.* Историческая этнография и география Черкесии // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2005. Вып. 12. С. 17–18.
22. *Бларамберг И.Ф.* Кавказская рукопись. С. 129.
23. *Мальбахов Б.К.* Кабарда в период от Петра I до Ермолова (1722–1825). Нальчик, 1998.
24. *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965. С. 57.
25. *Калоев Б.А.* Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981. С. 85.
26. *Клинген И.Н.* Основы хозяйства в Сочинском округе. СПб., 1897.
27. *Калмыков И.Х.* Черкесы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1974. С. 76.
28. *Динник Н.* Горы и ущелья Кубанской области // «Записки Кавказского отдела Русского географического общества». Тифлис, 1885. Т. XIII. С. 22.
29. Отсюда, возможно, закрепившееся в черкесом языке обозначение лошади – *шы*, букв. «брат», которое легло в основу названий этого животного во многих других языках Евразии.
30. *Лавров Л.И.* Адыги в раннем средневековье // Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик, 1955. Вып. 4. С. 25.
31. *Калмыков И.Х.* Черкесы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1974. С. 86.
32. Там же.
33. Там же.
34. *Калоев Б.А.* Земледелие народов Северного Кавказа. С. 80.

35. Бгажноков Б.Х. Культ собаки и семантика хэз в языковом сознании черкесов // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2016. № 1 (28). С. 17.
36. Шортанов А.Т. Адыгская (черкесская) мифология и культы. Нальчик, 2016. С. 116–117.
37. Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде // Труды XII Археологического съезда. М., 1902. Т. I. С. 182–192.
38. Арциховский А.В. Основы археологии. Изд. второе. М., 1955. С. 74.
39. Городцов В.А. Бытовая археология. Курс лекций. М., 1910. С. 268.
40. Городцов В.А. О результатах археологических исследований Елизаветинского городища и могильника в 1934 г., «Советская этнография», 1935, № 3; Анфимов Н.В. Меотские поселения восточного Приазовья (Сообщение о новых материалах) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. Л., 1950. Вып. 34. С. 85–96; Он же: Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1951. № 23. С. 144–154.
41. Фляксберг К. Археологические находки хлебных растений в областях, прилегающих к Черному морю // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М.–Л., 1940. Вып. VIII.
42. Фляксберг К. Указ. соч. С. 117.
43. Элиан Клавдий. Пестрые рассказы. III. 39.
44. Шортанов А.Т. Адыгская (черкесская) мифология и культы. С. 123–124.
45. Фляксберг К. Указ. соч. С. 118.
46. Там же.
47. Артамонов М.И. Средневековые поселения на Нижнем Дону // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. М., 1935. Вып. 131. С. 114.
48. Прокопенко А.Ю. О земледельческой культуре Центрального Предкавказья в середине – второй половине I тыс. до н.э. // Археология и этнология Северного Кавказа. Вып. 3. С. 75–85; Минаева Т.М. К истории земледелия на территории Ставрополя // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1960. Вып. 10; Лебедева Е.Ю. Результаты исследования палеоботанических материалов с меотских памятников Прикубанья // Боспорский сборник. М., 1994; Она же: Новые данные о земледелии на Среднем Дону в скифское время // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М., 2001.
49. Адыгэ Гуэрыуатэхэр (Адыгский фольклор). 1-нэ том. Налшык, 1963. Н. 65.
50. Кантария М.Ф. О некоторых пережитках аграрного культа в быту кабардинцев // Ученые записки АНИИ. Этнография. Майкоп, 1968. Т. 8. С. 356.
51. Бгажноков Б.Х. Махсыма в застольном этикете черкесов // Вестник Адыгейского государственного университета. Майкоп, 2017. Вып. 4 (209).
52. Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 гг. Нальчик, 2008. С. 225.
53. Рогозина З.А. История Мидии, второго Вавилонского царства и возникновения персидской державы. СПб., 1903. С. 55–57.
54. Губжоков М.Н. Система питания западных адыгов и ее эволюция в период Кавказской войны // Культура и быт адыгов. Майкоп, 2001. Вып. 9. С. 94.
55. Мижгаев М.И. Тхагаледж // Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1992. Т. 2. С. 534.
56. Кумыков Т.Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. С. 63.
57. Калмыков И.Х. Черкесы. Историко-этнографический очерк. С. 86.
58. Латинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. С. 55.
59. Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981. С.93.

TILLED AGRICULTURE AND GRAIN CEREALS IN THE TRADITIONAL CULTURE OF THE KABARDIANS

Bgazhnokov Barasbi Hachimovich, Doctor of History, head sector of the ancient history and archeology of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), bbarasbi@yandex.ru, kbigi@mail.ru

Here is presented the general characteristic of traditions of tilled agriculture of the kabardian circassians, their places in the culture of primary production of the circassian people. It is noted that the way which has developed in Kabarda can be defined as agricultural and cattle breeding at which it is necessary to pay tribute to synergism and rather high development of each of the called types of managing, but there are no bases to speak about an indisputable priority of agriculture or cattle breeding. The short characteristic of system of swidden farming, mobile agriculture and the main grain cereals is given: millet, barley, corn. Special attention is paid to their place in language consciousness and the traditional culture of food of the adyghe and also – in traditional religious and magic representations. It is emphasized that the prevalence of a millet in agricultural production of Adyghe has been connected not with backwardness of agriculture in the Kabarda. Main reasons of the choice of such form of managing: 1) character of the circassian lands and grounds, 2) high useful properties of the food cooked from millet, 3) deep spiritual and moral contents which filled this food.

Keywords: kabardians, circassians, North Caucasus, tilled agriculture, grain cereals, millet, barley, organization of spring and field works, agrarian holidays.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-3-38-7-22

**НОМЕНКЛАТУРА ТАМАНСКОГО ИМПОРТА:
ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
ПОТРЕБЛЕНИЯ ЧЕРКЕСИИ
(СЕРЕДИНА XVIII в.)**

Дзуганов Тимур Аликович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), dzughanov@mail.ru

В статье исследуются особенности и характер черноморского направления торговли Черкесии в середине XVIII в. Предпринимается попытка анализа номенклатуры импорта и ее влияния на изменение культуры потребления черкесского общества в этот период. Устанавливается, что к середине XVIII в., в Черкесии сформировалась устойчивая категория потребителей предметов роскоши, ориентированных на турецкие товары и, соответственно, турецкий рынок. Ассортимент и цены на импортируемую мануфактурную продукцию, позволяет предположить, что основным потребителем данных товаров являлась аристократическая элита страны. Отмечается, что что в отчеты Пейсонеля не попали данные по наиболее значительной после Тамани торговле на Черноморском побережье – от нынешней Анапы до Сочи. Предполагается, что совокупные объемы товарооборота Черкесии через черноморские порты Тамани, Атчу, Агаджи, Суджука, Каплу и др., как минимум, превышали 2 миллиона рублей серебром. Делается вывод, что к середине XVIII столетия транзитная торговля через таманский порт была востребована, в большей степени, социальной верхушкой черкесского общества. К этому времени, внутри этой социальной категории сформировался устойчивый спрос на предметы роскоши, обеспечение которого и стало основной специализацией таманского импорта. Объемы и спецификация ввозимых товаров позволяют примерно установить численный состав данной категории потребителей, которая приблизительно равнялась 8–10 тыс. покупателей.

Ключевые слова: Пейсонель, Черкесия, Турция, Россия, Тамань, номенклатура, торговля, импорт, рынок, роскошь, аристократические элиты, культура потребления.

Карл Пейсонель (1727–1790 гг.) – видный французский ученый, дипломат известен своими работами, посвященными торговле на Леванте и Черном море. В общей сложности, провел на Востоке двадцать лет, из них четыре года в Крыму. Все это время Пейсонель тщательно собирает из всех возможных источников сведения о черноморской торговле. Накопленный им материал послужил в дальнейшем основой для нескольких работ, снискавших ему славу в научных кругах. Совмещая дипломатическую службу с защитой торговых интересов страны, Пейсонель заложил основы экономической политики Франции в Причерноморье.

Материалы исследований состояния коммерческих отношений в Причерноморском регионе убедили молодого консула в целесообразности расширения французского участия на этом динамично развивающемся рынке. В своих отчетах и письмах Двору он настойчиво продвигал идею необходимости освоения черноморского рынка. Подчеркивая эту мысль, К. Пейсонель настаивал: «Дружба с Портой может предоставить нашей торговле большие масштабы, гарантируя нам свободную навигацию в Черном море.

Это даст возможность Франции открыть свои колонии, свою промышленность, свое производство соли»¹. Его усилия в значительной мере способствовали присоединению Турции к Амьенскому договору в 1802 г., тем самым, открыв французскому торговому флоту доступ в Черное море.

Особенный интерес для ученых – кавказоведов представляет его «Трактат о торговле на Черном море» опубликованный в 1878 г. В нем «подводился итог многолетнему изучению торговых отношений в Черноморском бассейне»². Данные, содержащиеся в этой работе, до сих пор являются важнейшим источником информации для всех исследователей, занимающихся историей Черкесии второй половины XVIII в. Эти сведения представляют исключительную ценность, так как ни один другой источник XVIII в. не дает подобного материала и заслуживают безусловного доверия; они основаны как на его личных многолетних наблюдениях, так и (что особенно важно) на данных о торговых пошлинах, взимаемых в портах Крыма и Северо-Западного Кавказа, находившихся под суверенитетом крымского хана³.

Приводимые Пейсонелем сведения отображают состояние черкесской торговли, сложившееся к началу второй половины XVIII столетия. На сегодняшний день, это наиболее подробное описание черноморской торговли черкесов данного периода, известное науке.

Ежегодный торговый оборот таманского порта, в первом приближении, выглядит весьма значительным. По подсчетам И.Н. Клингена, опирающихся на данные Пейсонеля, общий объем внешней торговли Черкесии, только через Тамань, в указанный период достигал примерно 1600 тыс. рублей серебром по ценам того времени⁴. Достоверность этой цифры вряд ли может быть подвергнута сомнению, так как в своих сообщениях о внешней торговле Черкесии Пейсонель использовал, хотя и не вполне совершенный, но все-таки относительно систематический учет, который велся таможенными чиновниками крымского хана в Тамани.

Анализируя эти сведения об объемах торговли, не следует также забывать, что таманский порт являлся транзитным для большинства народов, населявших Восточный Кавказ в этот период, и товары, поступавшие через указанный пункт, направлялись не только к черкесам, но и их ближайшим соседям, поэтому размеры собственно черкесской торговли в общем удельном весе коммерческих операций, должны быть несколько ниже рассчитанной Клингеном цифры.

Вместе с тем, необходимо помнить, что в отчеты Пейсонеля не попали данные по наиболее значительной после Тамани торговле на Черноморском побережье – от нынешней Анапы до Сочи. По всему этому побережью у устья рек и в небольших бухточках находились многочисленные стоянки для мелких торговых судов, служившие в то же время и пунктами обмена черкесской продукции на привозные товары. Точное исчисление размеров торговли этих мелких каботажников затруднено в связи с полным отсутствием документов о ней, тем не менее, можно предположить, что совокупные объемы товарооборота Черкесии через черноморские порты Тамани, Атчу, Агаджи, Суджука, Каплу и др., как минимум, превышали 2 миллиона рублей серебром.

Свои результаты исследований черкесского рынка, К. Пейсонель представил в виде таблицы – росписи товаров с соответствующими комментариями. Вся таблица содержит около 80 наименований товаров, ежегодно ввозимых в Черкесию и 25 экспортируемых. Особенный интерес для исследователя представляет перечень импортируемых товаров, так как эти материалы позволяют реконструировать некоторые материальные потребности черкесского общества середины XVIII в.

Для облегчения обработки данных, весь импорт, исходя из его стоимости и фактического назначения, условно можно разделить на три категории: предметы роскоши, ориентированные на удовлетворение потребностей знати; полуфабрикаты и сырье для ремесленников; товары для народного хозяйства, причем удельный вес последней ничтожно мал.

Открывает список импортируемой в Черкесию продукции мануфактура. Всего в нем присутствует 18 наименований, как в виде заготовок, так и готовой продукции. Это, преимущественно, ткани – ситец, тафта, шелк. Подробно указан перечень изделий – одеяла, простыни, передники, пояса и проч. Однако сразу обращает на себя внимание скромный ассортимент и относительно небольшие объемы этих поставок. Так, материи из Бруссы ввозилось всего 200 штук, а шелка из Магнезии – около 7 тыс. кусков, одеял – до 500 штук в год. Купальных простынь – до 600 штук, матерчатых поясов из Гербо – 400. Также ограниченными, в масштабах всей Черкесии, выглядят поставки дюльбента или кисеи для женских покрывал, всего заявлено 1000 кусков в год⁵. В связи с этим, обращает на себя внимание как ограниченное количество этих мануфактурных изделий, что, впрочем, можно объяснить их дороговизной, так и устойчивый спрос на них – эти товары импортируются ежегодно. Следовательно, к моменту составления отчета французского консула – середина XVIII в., в Черкесии сформировалась устойчивая категория потребителей предметов роскоши, ориентированных на турецкие товары и, соответственно, турецкий рынок. Ассортимент и цены на импортируемую мануфактурную продукцию, ясно указывают на конечного адресата – аристократическую элиту страны. То же самое можно сказать и о большинстве других товаров, импортируемых через черноморские порты Черкесии в 50-х гг. XVIII столетия. Их конечным потребителем могла выступать только состоятельная верхушка аристократии. Учитывая ассортимент товаров и их стоимость, можно с уверенностью предположить, что именно на удовлетворение потребности в роскоши этой социальной страты и была ориентирована импортная торговля Тамани. Трудно себе представить, что такой специфический и дорогой товар как, например, 3–4 тыс. фесок из Франции и Туниса, ежегодно ввозимых в Черкесию по данным Пейсонеля, пользовался спросом у мелких дворян и крестьян, тем более, был бы им по карману. По крайней мере, нами не выявлено ни одного документа, свидетельствующего в пользу этого. Но учитывая зафиксированную французским торговым консулом регулярность поставок, нет сомнения, что эти 3–4 тыс. фески находили своего покупателя. Следовательно, в Черкесии и на территории ее ближайших соседей имелось не менее 3–4 тыс. состоятельных аристократов, готовых ежегодно потреблять такое количество этого импорта. Сюда же, по-видимому, необходимо присовокупить кубанских ногайцев, встроенных в черкесскую торговлю. Сам Пейсонель комментируя этот момент писал: «Импортная и экспортная торговля ногайцев включена в подробности, которые я дал относительно торговли Черкесии, частью которой она и является»⁶. Соответственно, импорт рассчитывался на правящую верхушку Черкесии и Ногайской орды.

Полученные результаты подтверждаются анализом других пунктов из перечня импорта.

Помимо указанного, если верить таблице, в Черкесию ежегодно ввозилось: от 4 до 5 тыс. пар крымских сапог; 5 тыс. пар катир (обувь); от 2 до 3 тыс. седельных ленчиков из Бахчисарая и Каффы; от 2 до 3 тыс. тебенков (часть упряжи, покрывающая бока лошади); 3 тыс. пар стремян; от 3 до 4 тыс. лошадиных удили т.д.⁷ Туда же следует отнести импорт ружейных стволов, порох, крымские луки, и прочий дорогостоящий товар, который явно был рассчитан на более состоятельных клиентов.

Как уже отмечалось выше, простой подсчет дорогостоящих товаров, позволяет определить число состоятельных клиентов, готовых ежегодно потреблять эту продукцию. Анализ ее объемов и себестоимости убеждают нас, что их число достигало никак не менее 3–4 тыс. мужчин и, как минимум, такого же количества женщин, основного опосредованного покупателя большинства этих товаров.

Изучение ассортимента импортной продукции позволяют сделать вывод, что значительная часть таманского транзита формировалась в расчете на состоятельных покупателей из числа высшей черкесской знати. Большая часть ввозимой

мануфактуры предназначалась для удовлетворения потребностей в товарах и предметах роскоши самых взыскательных модниц. Подтверждением тому служат зафиксированные ежегодные поставки в Черкесию: 200–300 пшемтал – киркалем (передников) из Солоник; 1000–1500 передников из Каира⁸; до 15000 самшитовых и роговых гребней; от 2000 до 3000 весьма дорогостоящих пакетов ниток для шитья различных цветов⁹ и проч. При чем, сегмент торговли, рассчитанный на женщин, вовсе не ограничивался вышеперечисленным списком.

Отдельной статьей проходит импорт косметики, который судя по объемам, был востребован не только знатными аристократками. Пейсонель сообщает, что в Черкесию ежегодно ввозилось от 200 до 300 ок румян и белил, называемых киршен¹⁰. Это составляет, примерно, от 250 до 350 кг. и было рассчитано, приблизительно, на 20–30 тысяч покупательниц. Ссылаясь на информаторов, торговый консул утверждает, что все местные женщины, черкесские, абазские и кубанских ногайцев употребляют их (румяна и белила) в большом количестве¹¹. Этот комментарий вызывает определенные сомнения. Черкешенки, абазинки и ногайки, о которых идет речь, в XVIII в. еще не имели такой устойчивой традиции. Косметика использовалась ими в случаях крупных народных или семейных праздников. Упоминания об использовании черкешенками косметики в этот период встречаются крайне редко.

Вместе с тем, некоторые данные этнографии подтверждают это сообщение французского консула. Специалистами-этнографами зафиксирована довольно интересная традиция, имеющая отношение к черкесским народным игрищам, продолжавшая встречаться у бжедугов вплоть до начала XX в. Речь идет о выборе «королевы красоты» на народных празднествах. По словам Бгажнокова, длительное время занимавшегося этой проблемой: «Не случайно, что бы зрителей не ввел в заблуждение макияж (пудра, румяна, подведенные сурьмой брови), девушек заставляли умыться. Судя по сообщениям информаторов, в начале XX в. у бжедугов это был едва ли не обязательный компонент рассматриваемой церемонии»¹². Описание этого обряда относится к 1914 г. и подтверждает вероятность использования черкешенками косметики, в дни больших народных празднеств и в более ранний период. К тому же, не позже XVIII столетия среди черкесов распространяются присказки и поговорки, посвященные косметике и ее чрезмерному употреблению «Краснощекая (румяная, нарумяненная) словно анатолийская лисица (имея в виду турецких модниц)», «глаза сверкают, словно анатолийская сурьма» и др.

И хотя в этих присказках речь идет собственно о турецкой косметике, ввоз которой подтверждает французский консул, мы располагаем также косвенными данными о поставках французской косметической продукции в Черкесию, но тремя десятилетиями позже того времени, когда Пейсонель находился в Крыму. Так парижская Gazette De Franse в октябре 1887 г. сообщала на своих страницах о принятии Декрета Двора от 20 сентября 1887 г. о запрете на производство и экспорта в Черкесию грима (румян, губной помады). Они были признаны вредными для здоровья¹³. Этот документ, по сути, свидетельствует об устойчивых поставках косметики из Франции в Черкесию в промышленных объемах. Участие Двора в столь щекотливом вопросе должно говорить о степени важности для французских парфюмеров-коммерсантов этого направления торговли.

К предметам роскоши, исходя из стоимости и отсутствию прямой практической значимости, могут быть отнесены также: сандаловое дерево, ладан, кофе, маслины и проч¹⁴. Все вышеперечисленное могло быть востребовано лишь в самых богатых домах и служить, помимо прочего, маркером социального статуса. И если табак, ввозимый в Черкесию в это период еще можно признать товаром, пользующимся спросом представителями разных социальных слоев, то дорогой крымский сафьян, мыло из Смирны, а также дорогие сорта бумаги не оставляют сомнений в социальном и имущественном статусе своего конечного потребителя.

Объемы поставок вышеупомянутых и других, не менее экзотических для Черкесии середины XVIII столетия товаров, подпадающих под определение «роскошь», подтверждают наше первоначальное предположение о наличии в стране, по меньшей мере, в 3–4 тыс. наиболее платежеспособных клиентах из числа высшей аристократии. Приобретение этих предметов должно было служить для окружающих, как уже отмечалось, показателем высокого социального статуса покупателя, своеобразным проявлением «демонстративного расточительства», в одежде, и, особенно, в повседневной жизни. В связи с этим, весьма любопытен обзор пищевой продукции, поступавшей ежегодно через таманский порт. Открывает этот список кофе мокко, которого ежегодно ввозилось от 30 до 40 тюков. Пейсонель делает примечание, что кофе из Франции «тоже имеет успех», намекая, по-видимому, на необходимость расширения поставок этого продукта¹⁵. Далее упоминаются от 450 – до 550 кг. перца, от 250 – до 350 кг. «имбиря, из которого местные жители изготавливают крепкий напиток с медом» и другие пряности¹⁶. К услугам местной аристократии турки ежегодно поставляют от 11 до 16,5 т. «сушеных винных ягод различного качества» и такое же количество черного винограда, около 4 т. черных маслин, до 33 т. нардена – сиропа из гранатов. Незначительность объемов поставок свидетельствует об отсутствии широкого спроса на эти товары. Вместе с тем, их периодичность подтверждает наше предположение о наличии в Черкесии этого периода устойчивой социальной категории, готовой тратить немалые средства на их приобретение.

Ассортимент, объемы, и самое главное, дороговизна этой части таманского импорта, также не оставляют сомнений в том, на кого он в конечном итоге был рассчитан.

Существенная разница ввозимого сырья и готовой продукции (12 наименований – сырье и полуфабрикаты, 6 – готовая продукция) объясняется тем, что вышеупомянутая черкесская аристократия в этот период хоть и предпочитала одеваться в одежду из импортных, более высококачественных материалов, но все же изготовленную местными ремесленниками в соответствии с собственными (черкесскими) национальными канонами моды и практичности. Задача по окончательной доработке ввозимых полуфабрикатов и изготовлению конечной продукции ложилась, в основном, на плечи местных мастериц. Общеизвестно, что существовавшее в Черкесии разделение труда в домашнем производстве, отводило женщинам исключительную роль в изготовлении не только одежды и разнообразной утвари, но и большинства предметов первой необходимости¹⁷. Академик Паллас, посетивший Черкесию в конце XVIII в., комментируя мастерство местных женщин в изготовлении тончайшего сукна и одежды из него, отмечал, что их еще с детства приучают вязать, плести позументы, шить платья¹⁸.

По свидетельству Дюбуа де Монпере, посетившего Кавказ несколько позднее российского академика, женщины в каждой черкесской семье были заняты изготовлением большинства предметов первой необходимости¹⁹.

Мастерство черкесских мастериц поражало современников и производило впечатление даже на искушенных европейцев. Примером тому наглядно служит любопытный эпизод, описанный автором трактата. В Крыму, при встрече с сыном главного казначея, Пейсонель увидел на нем «белую одежду» изготовленную черкесского чекменя, «до такой степени прекрасной, что я принял ее за французское сукно, и мне стоило большого труда отказаться от своего заблуждения» – отмечает француз²⁰.

При детальном изучении списка ввозимого сырья и полуфабрикатов становится ясно, что большая его часть попадала в руки черкесских мастериц, так как именно они в условиях натурального хозяйства, обеспечивали потребности членов своей семьи в одежде, предметах первой необходимости и проч. и тем самым, влияли на ассортимент и объемы этого вида импорта в Черкесию.

Вместе с тем, в процессе изучения представленной номенклатуры видно, что определенная часть сырьевых поставок была ориентирована на нужды местной кустарной промышленности. Как правило, это сырье, потребляемое на месте в Тамани. Двенадцать лавок – красилен, имевшиеся по сообщению Пейсонеля в это время в городе, являлись основным заказчиком импортируемых в Черкессию красильных веществ, общим весом более 600 кг. Так же, на нужды ремесленного производства, в Черкессию в середине XVIII столетия ежегодно ввозилось, в пересчете на современную весовую систему, около 125 кг. ртути, столько же свинца, 250 кг. стали, полторы тонны железа²¹.

Обращает на себя внимание сравнительно небольшой удельный вес этой части импорта. По – видимому, малые объемы этих поставок объясняются тем, что они были призваны обеспечить потребности в сырье ремесленников самой Тамани и близлежащих окрестностей. И было бы ошибочным, на наш взгляд, на основании этих данных строить предположение об уровне развитии ремесла и ремесленного производства в масштабах всей Черкесии. Как отмечалось выше, Пейсонель не располагал данными об объемах торговли мелких турецких каботажников, по всему черкесскому побережью, потому эти цифры и не попали в его отчет. Кроме того, нельзя забывать о бурно развивающихся торговых отношениях кавказских народов с Российской империей в этот период. Потребности других провинций Чересии в сырье и в товарах первой необходимости обеспечивались в большей степени именно благодаря этим связям.

Как известно, уже к первой половине XVIII в. важнейшими центрами торговли России на Кавказе становятся Кизляр и Моздок. Торговцы из этих городов регулярно выезжали для торга в поселения Черкесии и Кабарды. Особенно их привлекали аулы Большой и Малой Кабарды, становившиеся на время местом встречи купцов из разных регионов, нередко из Турции и Персии. Так, в 1744 г. из Кизляра в Кабарду выехало «разных людей с торгом более 100 человек». В 1781 г. купец из Моздока в своем донесении моздокскому коменданту указывал, что в предыдущем году его брат, в торговых целях ездивший Кабарду, вез с собой товаров на 700 рублей. Другой, более удачливый моздокский купец в этот же период «..имел торг в Малой Кабарде... на две тысячи пятьдесят рублей на восемьдесят копеек»²².

Важную роль в торговле России с черкесами, кабардинцами и другими горскими народами играл Георгиевский редут, где «раз в неделю отправляли большие торги, называемые базарами. На них съезжались черкесы, ногайцы, татары... Они покупали у приезжающих из России купцов и армян медную и железную посуду и другие товары первых потребностей, так же пшеницу и разный хлеб от тамошних переселенцев. Продавали же масло, просо, лошадей, рогатый скот и овец»²³.

Иначе говоря, для Черкесии в XVIII в. развитие торговых отношений с северным соседом становится приоритетным направлением. Происходит процесс вытеснения Россией турецкого капитала с черкесского рынка. Это становится все более очевидным по мере продвижения империи на Кавказ. Купечество Оттоманской Порты изначально допустило ошибку, сознательно удовлетворившись узким сегментом рынка. Сделав ставку, прежде всего, на состоятельных клиентов, они значительно теряли в масштабах сбыта. Вся торговля, по сути, сводилась к удовлетворению потребности в товарах роскоши небольшой социальной прослойки. Как показали дальнейшие события, турки тем самым, допустили серьезный просчет и создали все необходимые условия для расширения Русско – Черкесских экономических связей.

К середине XVIII в., набирающая обороты Российская мануфактурная промышленность была готова поставлять на рынки Черкесии широчайший ассортимент своих товаров по доступным ценам. Пейсонель, оказавшийся в самом центре разворачивающихся событий, отмечает: «Черкесы еще не покорены русскими и сохраняют до сих пор признак свободы, но так как Тамань, Темрюк, Атчу и Каплу

являющиеся рынками, куда они имели обыкновение привозить свои товары и покупать себе все необходимое, находятся в конце концов в руках русских, то ясно, что вся торговля Черкесии окажется в конце концов в руках русских ...»²⁴.

В отличие от своих основных конкурентов, вынужденных доставлять товары морем, а потому закладывая расходы на транспортировку и риски в их стоимость, русские купцы имели возможность осуществлять торговые операции сушей, что естественно, делало их предприятие более выгодным. Турецкие коммерсанты и в дальнейшем продолжали ориентироваться в своих предприятиях на состоятельную клиентуру, значительно уступая русским в мобильности, неумолимо теряя при этом позиции на местном рынке.

В приводимом Пейсонелем перечне присутствует только один товар, который без всяких натяжек мог быть востребован исключительно в сельском хозяйстве – это германские косы, которых ежегодно ввозилось до 35 тыс.²⁵ В предыдущем разделе своего трактата, посвященном торговле Крымского ханства, Пейсонель, относительно реимпорта немецких кос, четко разделяет поставки этой продукции к ногайцам и черкесам. Из сообщения автора вытекает, что ногайцы их покупают в большом количестве непосредственно в Крыму. Черкесы же, по его словам, получают «значительное количество этих изделий» на прямую через Тамань²⁶. Не приходится сомневаться, что эти 35 тыс. предназначались непосредственно черкесским хозяйствам.

Как известно, черкесское крестьянское хозяйство, вплоть до реформ 60-х гг. XIX в. продолжало оставаться натуральным, следовательно, в описываемый период черкесы все необходимое, в том числе и орудия труда, производили самостоятельно. Опять же, в силу дороговизны, далеко не каждый черкесский крестьянин мог позволить себе приобрести данный товар. Значительно дешевле, а потому и рациональнее, было приобрести этот сельхозинвентарь у сельского кузнеца. Естественно, что качество местной поделки было заведомо ниже импортного немецкого, как и срок эксплуатации. Импортные косы могли использоваться в хозяйстве значительно дольше, значит число зажиточных крестьянских хозяйств Черкесии, куда ежегодно ввозилось до 35 тыс. этих изделий немецких металлургов, даже учитывая возможный реимпорт соседям, по нашему мнению, приблизительно равнялось 100 тыс. Вместе с тем, эти расчеты числа зажиточных крестьянских хозяйств Черкесии в этот период получены эмпирическим путем, и являются в определенной степени условными, а потому вполне могут быть уточнены и исправлены по мере выявления новых источников.

Подводя общие итоги можно констатировать, что к середине XVIII столетия транзитная торговля через таманский порт была востребована, в большей степени, социальной верхушкой черкесского общества. К этому времени, внутри этой социальной категории сформировался устойчивый спрос на предметы роскоши, обеспечение которого и стало основной специализацией таманского импорта. Объемы и спецификация ввозимых товаров позволяют примерно установить численный состав данной категории потребителей. По нашему мнению, импортная продукция была рассчитана на 8–10 тыс. покупателей обоюдо пола из числа местной знати.

Зафиксированный Пейсонелем факт устойчивой транзитной торговли через Тамань сырьем и полуфабрикатами свидетельствует о продолжающемся развитии ремесла и кустарного производства у черкесов в данный период. На основе анализа данных французского торгового консула, можно выделить наиболее успешные их направления: ткацкое, войлочное, оружейное, арчацкое, шорное и ювелирное производства. Но подобное положение вещей ни коим образом не отразилось на состоянии и темпах развития таманского направления торговли. В большей степени, виновником сложившейся ситуации, является Османская Порта, которая, не смотря на свое доминирование в регионе, практически самоустранилась

от участия в развитии торговли и экономики края. Османское законодательство и администрация действовали лишь на территориях, подконтрольных военным гарнизонам. Их влияние было ограничено во времени и пространстве. Черкесия, в этой ситуации, выступает заложником в противостоянии двух извечных антагонистов – Турции и России.

В целом, торговые отношения с Черкесией представляли определенный интерес лишь для узкого круга купечества Порты, специализирующегося на закупках и перепродаже сырья. Вывоз сельскохозяйственной продукции, для нужд собственных производителей или дальнейшей перепродажи европейским мануфактурам, в силу значительного удаленности от основных черноморских портов, являлся малорентабельным. И хотя некоторая часть сельскохозяйственной продукции, животноводства и охоты, которые под брендом «черкесских товаров» при посредничестве Турции, поступала на мировые рынки, ее объемы, в силу трудностей транспортировки, не могли быть значительными. Более удобным для торговли сырьем и излишками сельскохозяйственного производства, являлось другое направление, а именно торговля с русским приграничьем.

Не обладая необходимыми ресурсами и временем для интеграции Черкесии в общеимперскую экономику, Диван ограничил свои действия сбором пошлин и контролем над торговлей по кавказскому побережью Черного моря. Порта практически не развивает кавказское направление торговли, не являющееся для нее ни прибыльным, ни перспективным. Кавказские рынки были отданы на откуп мелким торговцам и редким представителям европейской коммерции. Пейсонель, описывающий торговлю с черкесами, раскрывает картину остановившегося в своем развитии рынка. Черноморское направление оказалось заперто в коллапсе политических противоречий между Турцией и Россией.

Примечания

1. *Пейсонель К.* Политическое положение Франции и ее нынешние отношения со всеми европейскими державами. Париж, 1789. Т. 2. С. 11.
2. *Пейсонель К.* Трактат о торговле на Черном море / Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / под. ред. В.К. Гарданова, Нальчик, 1974. С. 179–203.
3. Там же.
4. *Клингген И.* Основы хозяйства в Сочинском округе. СПб., 1897. С. 62.
5. *Пейсонель К.* Трактат... С. 192.
6. Там же. С. 198.
7. Там же. С. 195.
8. Там же. С. 192.
9. Там же.
10. Там же С. 194.
11. Там же. С. 195.
12. *Бгажноков Б.Х.* Этнография адыгов. Нальчик: Эльбрус, 2011. С. 226.
13. *Gazette De Franse.* Paris, 1887. P. 4.
14. *Пейсонель.* Трактат... С. 194.
15. Там же. С. 193.
16. Там же. С. 193.
17. *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1967. С. 178.
18. *Паллас П.С.* Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / под. ред. В.К. Гарданова, Нальчик, 1974. С. 222–223.
19. *F. Dubois de Montpereux, Voyages du Caucase, chez les Abkhases, en Colchide, en Geordie, en Armenie et en Crimée.* Paris, 1883. P. 143.
20. *Пейсонель.* Трактат... С. 195.

21. Там же. С. 192.
22. Смирнов А. Изучение исторических сведений о Российской промышленности с половины XVII-го столетия по 1858 г. СПб., 1859. Ч. I. С. 101.
23. Тучков С.А. Записки Сергея Алексеевича Тучкова (1766–1808). СПб., 1908. С. 166.
24. Пейсонель. Трактат... С. 199.
25. Там же. С. 198.
26. Там же. С. 184.

**NOMENCLATURE OF TAMAN IMPORTS:
EXPERIENCE OF STUDYING THE HISTORY OF THE CULTURE
OF CONSUMPTION OF CHERKESSIA
(THE MIDDLE OF THE XVIII CENTURY)**

Dzughanov Timur Alikovich, Candidate of History, Senior Researcher of the Medieval and Modern History Department of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), dzughanov@mail.ru

The article explores the features and nature of the Black Sea trade in Circassia in the middle of the 18th century. An attempt is made to analyze the nomenclature of imports and its impact on the changing culture of consumption of Circassian society in this period. It is established that by the middle of the XVIII century, in Cherkessia, a stable category of consumers of luxury goods, oriented to Turkish goods and, accordingly, the Turkish market, was formed. The assortment and prices for imported manufactory products, suggests that the main consumer of these goods was the aristocratic elite of the country. It is noted that Paysonel's reports did not include data on the most significant after Taman trade on the Black Sea coast – from the present Anapa to Sochi. It is assumed that the aggregate volumes of the circulation of Circassia through the Black Sea ports of Taman, Atchu, Agadzhi, Sujuka, Kaplu, etc., at least, exceeded 2 million rubles in silver. It is concluded that by the middle of the XVIII century, transit trade through the Taman port was in demand, to a greater extent, the social elite of Circassian society. By this time, within this social category, there has been a steady demand for luxury goods, the provision of which has become the main specialization of Taman imports. Volumes and specifications of imported goods allow approximately to establish the numerical composition of this category of consumers, approximately equal to 8 – 10 thousand buyers.

Keywords: Paysonel, Circassia, Turkey, Russia, Taman, nomenclature, trade, import, market, luxury, aristocratic elites, consumption culture.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-3-38-23-31

БИТВА НА МАЛКЕ (1641 г.): ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

Кожев Заурбек Анзорович, кандидат исторических наук, зав. сектором средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), zaurbek_k@mail.ru

В статье представлен краткий историографический обзор и выявленные на сегодняшний день архивные источники по одному из крупнейших событий военной и политической истории Кабарды раннего нового времени – крупномасштабному сражению на Малке, имевшему место 12 июля 1641 г. Эта битва подвела итог длительного исторического периода соперничества основных княжеских домов Кабарды – Идаровых, Казиевых, Талостановых, сопряженного с поисками различных моделей функционирования института пшышхуэ в Кабарде и связанных с ними внешнеполитических стратегий. В него оказались вовлечены не только соперничающие группировки кабардинских князей, но и широкие коалиции их союзников – различные улусы Большого и Малого Ногай, Шамхальство Казы-Кумухское, гребенские казаки, терские воеводы. Итоги сражения на полтора века определили вектор внутривнутриполитического развития Кабарды и общий характер кабардино-русских отношений. Несмотря на это, Битва на Малке 1641 г. до сих пор не стала предметом специального исследования, хотя упоминания о ней – неперемнная часть обобщающих трудов по истории Кабарды, начиная с самых ранних. Особую ценность для изучения политической и военной истории Кабарды, ее взаимоотношений с Крымским ханством, Ногаями, Московским царством, Шамхальством сражение на Малке имеет благодаря сохранившимся русским архивным источникам, которые подробно освещают как общеполитический контекст события, так и подробности самого сражения: место и время сражения, численный состав участников и т.д. Статья является первым шагом в обозначении историографической проблемы и круга архивных источников, доступных на сегодняшний день.

Ключевые слова: Кабарда, Крымское ханство, Ногаи, Шамхальство, Московское царство, внутривнутриполитический кризис, феодальная война, Алегучо Шогенуков, Битва на Малке, историография и источники.

Кабарда XVI–XVIII вв. находилась в эпицентре сложных геополитических конфликтов великих держав того времени – Османской империи и ее вассала Крымского ханства, Ирана, Русского государства. Поэтому в ее политической и военной истории немало ярких страниц, привлекающих внимание профессиональных историков. Однако, как это часто бывает с историографией государственно-политических образований, поглощенных Российской империей на Северном Кавказе, она все еще подчинена генеральной линии построения общероссийского историографического дискурса, в котором этатистские сюжеты, связанные с социально-политическим развитием региональных субъектов, не имеют самостоятельного значения, остаются в тени более широких интеграционных процессов. Отражение Битвы на Малке 1641 г. в отечественной историографии может послужить ярким образчиком того, как масштабное событие, имевшее долгую предысторию и эффект кардинального воздействия на последующие внутри- и внешнеполитические процессы в Кабарде, не получило должного внимания в исследовательской работе специалистов-историков.

Справедливости ради стоит сказать, что первый черкесский историограф Ш.Б. Ногмов, опиравшийся на фольклорные данные, ничего об этом событии не пишет. В отличие от сюжетов, связанных с другими великими битвами черкесского Позднего Средневековья и Нового времени – *Къызбрун зауэ*, *Къэрэкъэцкъэтау зауэ*, *Къулкъужын зауэ*, *Къэнжал зауэ*, – битва на Малке 1641 г. спустя два века черкесским историческим сознанием была, по-видимому, благополучно забыта¹. Это легко объяснимо спецификой фольклорного сознания. Битва на Малке имеет очень сложный внутривосточный контекст и не укладывается в простую схему победы над внешним противником, преодоления угрозы подчинения его власти. Ни слова об этом сражении не приводит и автор «Исторических сведений о кабардинском народе», хотя один из главных акторов, погибший в битве на Малке – Келемет Кудинетов, в очерке упоминается как один из кабардинских князей, пользовавшихся в 30-х гг. XVII в. особым доверием и покровительством Михаила Федоровича Романова (1613–1645)². Профессиональное изучение истории Кабарды уже в XX в. привело к качественному изменению академического адыговедения, особенно после введения в научный оборот обширного корпуса русских письменных источников – издания в 1957 г. двухтомного сборника архивных материалов «Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.», приуроченного к 400-летию «добровольного присоединения» Кабарды к России³. Мир феодальных владений Северного Кавказа и Кабарды, благодаря извлеченным из русских архивов документам и материалам, стал обретать реальные черты, исторический процесс стало возможным реконструировать в деталях. Однако первые упоминания о битве на Малке в монографиях и обобщающих трудах по истории Кабарды и Северного Кавказа долгое время носили малоинформативный характер. Так Кушева Е.Н. в своей монографии «Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е гг. XVII в.)» лишь вскользь упомянула о гибели «в 1641 г. в неудачном походе на кабардинцев» Айдамир-шамхала – владельца крупнейшего феодального владения Северного Кавказа Шамхальства Казы-Кумухского⁴. В обобщающем коллективном труде «История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней в 2-х томах», авторы дали самый общий контур произошедших событий: «В 1641 г. Шолоховы (род Талостановых – К.З.) выступили против Казыевых (потомки Казы Пшеапшокова рода Кайтукиных – К.З.) с сыновьями Куденека (род Идаровых ветви Камбулатовичей – К.З.), с Большими Ногаями и дагестанским шамхалом Айдемиром; из Терского города на помощь Куденековичам был послан с отрядом стрелецкий голова Артемий Шишмарев. Казыевы в свою очередь призвали на помощь Малый Ногай. Битва произошла в июне 1641 г. на берегу р. Малки, левого притока Терека и для Шолоховых и их союзников окончилась поражением. Кельмамет Куденеков, шамхал Айдамир, Артемий Шишмарев, а также многие кабардинские мурзы были убиты»⁵. Причем необъяснимым образом даже дата этого сражения была дана с серьезной погрешностью – июнь вместо 12 июля⁶. Причины возникновения столь представительных и разнородных коалиций противников также остались за рамками исследования, которое и не могло в обобщающем труде углубляться в детали политической и военной истории Кабарды по каждому частному случаю. Еще более странным и необъяснимым выглядит полное игнорирование битвы на Малке 1641 г. в коллективной монографии «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.»⁷, тем более что этот сюжет выходит за рамки военно-политической истории Кабарды и касается всех активных участников события – черкесских, ногайских, дагестанских владетелей, представителей русской военной администрации на Кавказе.

В небольших, написанных в соавторстве монографиях «Средневековая Кабарда» (Мальбахов Б., Эльмесов А.) и «Кабарда во взаимоотношениях с Россией с Кавказом, Поволжьем, Крымским ханством (середина XVI – конец XVIII в.)» (Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф.) авторы на основе опубликованных архивных

документов впервые представили общую канву событий, непосредственно предшествовавших битве на Малке, краткое описание самого сражения и его результаты. Однако общая концепция борьбы «прорусских» князей с «прокрымскими», на наш взгляд, не позволила авторам приблизиться к ясному пониманию этатистского содержания произошедших событий⁸. В монографии Ч.Э. Карданова «Путь к России», представляющей собой собрание кратких исторических очерков по персоналиям наиболее известных кабардинских князей XVI–XIX вв., также есть краткое описание предыстории и самой битвы на Малке 1641 г.⁹ Несколько более подробно обстоятельства битвы на Малке 1641 г. представлены в монографии К.Ф. Дзамихова «Адыги в политике России на Кавказе», причем автор ссылается не только на опубликованные архивные материалы первого тома «Кабардино-русских отношений», но и на документы, которые в этот сборник не вошли и хранятся в качестве отдельного тома в Архиве ИГИ КБНЦ РАН¹⁰. Еще одна монография К.Ф. Дзамихова – «Кабарда и Россия в политической истории Кавказа XVI–XVII вв.», содержит одну из первых попыток представить в развернутом виде общеполитический контекст, предысторию, описание самой битвы на Малке и ее общеполитических последствий¹¹. Не менее важной заслугой автора является и то, что он впервые ввел в научный оборот несколько очень важных архивных документов, не публиковавшихся ранее и хранившихся в фондах ИГИ КБНЦ РАН¹². Из числа последних обобщающих работ по истории Черкесии, в которых сюжеты, связанные с битвой на Малке упомянуты более или менее подробно, стоит также упомянуть «Адыгскую, (черкесскую) энциклопедию»¹³.

При столь скромной историографии данного события, трудно найти в истории Кабарды, да и всего Северного Кавказа XVII в. событие настолько масштабное и в то же время, имеющее реальный потенциал детального реконструирования на основе архивных источников. Вовлеченность во внутривосточный конфликт второй четверти XVII в. в Кабарде почти всех крупных этнополитических субъектов Центрального и Северо-Восточного Кавказа, и особенно русских контингентов из Терской крепости, предопределили активную дипломатическую переписку между центральным русским правительством, представителями его военной администрации на Северном Кавказе, а также членами местных владетельных домов¹⁴.

Уже введенные в научный оборот архивные данные позволяют подробно рассмотреть несколько аспектов, связанных с битвой на Малке. Во-первых, это предыстория конфликта, которая насчитывала не менее двух десятилетий. Причем конфигурация конкурирующих за высшую политическую власть в Кабарде княжеских группировок нередко кардинально менялась. Пожалуй, неизменным оставалось только одно – прочные связи Идаровых с Москвой и их попытки компенсировать слабость своих политических позиций в Кабарде военной помощью со стороны русского государства. После смерти в 1616 г. Шолоха Тапсарукова (род Талостановых – К.З.) титул *тцыхухэ* – Великого князя Кабарды, перешел к представителю рода Идаровых – Куденету Камбулатову. Он получил царскую жалованную грамоту и признание остальных кабардинских князей, что позволило племяннику Кази Пшеапшокова (род Кайтукиных – К.З.) Алегуко Шогенукову – новому лидеру Казиевой Кабарды, при поддержке 3 тыс. крымского войска расправиться с Талостанеем. После военного поражения Талостановы – Карашай Шолохов (лидер Талостановых – К.З.) и два его брата, попытались найти убежище в Джилыхстановой Кабарде, но были убиты князьями Мударом Алкасовым и Ахло Айтековым¹⁵. Это не мешало впоследствии Казиевым и Талостановым быть военными союзниками против Идаровых и стоявшего за их спиной Московского государства. Царское правительство добилось подтверждения лояльности Талостановых и Кайтукиных и выдачи аманатов лишь в конце 1622 г., после совместного похода на их владения Идаровых и отряда русских войск из Терков¹⁶. Дальнейшие события можно трактовать как попытку Идаровых и их внешнеполитических покровителей

кардинально изменить порядок функционирования института высшей политической власти в Кабарде и закрепить право на титул *пцышхуэ* исключительно за Идаровыми в обход владельческих прав остальных княжеских домов. В 1624 г. после смерти Куденета Камбулатова царское правительство выдало жалованную грамоту на княжение его брату Пшимахо, но права последнего на титул *пцышхуэ* не были признаны в Кабарде. Несмотря на острые противоречия Талостановы и Кайтукины долгое время солидарно выступали против политики Идаровых, направленной на укрепление своего политического статуса в ущерб интересам фактической независимости Кабарды¹⁷. Однако у Идаровых уже не было выбора. Они должны были либо смириться с безвозвратной утратой доминирования во внутривластной жизни страны, либо продолжить использовать свои московские связи как мощный рычаг давления на своих политических конкурентов. Совместные военные акции Идаровых и их русских союзников продолжились и в 1626 г. и в 1630 г.¹⁸ В 1631 г. после смерти Куденета Камбулатова в 1631 г. царскую жалованную грамоту на княжение получил третий подряд представитель рода Идаровых – Наршов Елбузлуков, но его права на титул и статус *пцышхуэ* в Кабарде, так же как и в случае с его предшественником, не признали¹⁹. То есть фактически сложилась ситуация кризиса института высшей политической власти в Кабарде. Политика Идаровых и стоявшего за ними русского правительства привела к тому, что титул *пцышхуэ* в Кабарде лишился реального значения. Не признаваемые в Кабарде, лишённые в глазах остальных князей-соправителей легитимного права старшинства, последние *пцышхуэ* из числа Идаровых не имели возможности воспрепятствовать процессам политической дезинтеграции и обособлению Талостанея и Джиляхстанея. Казиева Кабарда, возглавляемая двоюродными братьями Алегуюко Шогенуковым и Хатокошоко Казиевым, была сильнейшим феодальным владением. Ее лидеры проявляли ясные претензии на доминирование в стране, и нейтрализовать их исключительно с помощью внешнеполитической поддержки Идаровы оказались не в силах. Кроме того, владения самих Идаровых стали предметом острого соперничества между различными ветвями этого княжеского дома. Наследников Сунчалая Канклычева, умершего в 1625 г., поддержали Кайтукины. Эти княжеские семьи породнились. Шолох Сунчалеевич Черкасский, а после его смерти в 1636 г. – брат Муцал Сунчалеевич, по обычаю левирата, женились на сестре Алегуюко Шогенукова²⁰. Более слабую демографическими и военно-политическими ресурсами ветвь Камбулатовичей поддержали Талостановы и Джиляхстановы. Союзники Муцала Сунчалеевича в Кабарде были связаны с враждебными России Крымским ханством и Малым Ногаем. Военное преимущество было на стороне Сунчалеевичей и их союзников. Поэтому в 1639 г. они изгнали из спорных владений своих соперников. Самостоятельная политика Сунчалеевичей и лидеров Казиевой Кабарды вызвала резко негативную реакцию царского правительства, вставшего на сторону Камбулатовых. В 1640 г. Муцал и Будачей Сунчалеевичи Черкасские были обвинены в государственной измене, арестованы и сосланы в Россию. Попытки дипломатическими методами воздействовать на правительство Михаила Федоровича не привели к успеху, и конфликт перешел в финальную стадию²¹.

Вторым кейсом, доступным детальному изучению, является прелюдия к битве на Малке, связанная с гибелью в мае 1641 г. Мудара Алкасова – родственника и союзника Камбулатовичей. Его племянник Келемет Куденетович – лидер Камбулатовых, другие родственники и союзники Камбулатовых предприняли попытку отомстить за убийство Мудара Алкасова. Детали подготовки к военному столкновению позволяют прояснить документы № 127 (1641 г. мая 31 – «Челобитная кабардинского кн. Нарчова (Нартшао – К.З.) Елбузлукова»), № 131 (1641 г. сентября 12 – «Отписка терского воеводы С.И. Шаховского в Посольский приказ...») о битве на Малке 12 июля 1641 г.) и особенно один документ из Архива ИГИ КБНЦ РАН (1641 г. между августа 2 и сентября 14. – «Отписка астраханского воеводы Н.И. Одоевского с товарищи в Посольский приказ» о битве на Малке 12 июля 1641 г.)²².

Собственно военное столкновение на берегу Малки между противоборствующими сторонами является третьим самостоятельным аспектом проблемы. Благодаря детальным отчетам терского и астраханского воевод, составленным со слов уцелевших участников этого сражения, мы знаем дату сражения (12 июля 1641 г.), локализацию места сражения (левый берег Малки, по-видимому, в районе Зольских пастбищ), название места («под Кабардою ... урочище Ить-Алмас»), подробное описание участников сражения с оценкой численности различных контингентов, что само по себе является большой редкостью для черкесского средневековья и нового времени. На стороне Камбулатовичей сражались дружины Джилахстановых, Талостановых, войска Айдамир-шамхала (в совокупности 3500 человек), ногайских мурз Салтанаша Аксакова и Хорошая Чюбармаметова (1200 человек), а также русский отряд из боярских детей, стрельцов, служилых окочан, гребенских и терских казаков (500 человек), выделенный терскими воеводами для охраны владений Камбулатовичей²³. Объединенные силы Алегуко Шогенукова, Хатокшоко Казиева, Алегуко Сунчалеевича Черкасского и мурз Малого Ногай насчитывали более 2000 человек²⁴. Весьма характерно, что «Отписка в Посольский приказ» астраханского воеводы Н.И. Одоевского гораздо подробнее и даже составлена и отправлена в Москву намного раньше аналогичной «Отписки» терского воеводы С.И. Шаховского. Очевидно, астраханский воевода, непосредственно не втянутый в военный эксцесс со столь представительным составом участников, в отличие от своего терского коллеги, не имел причин вводить в заблуждение московское правительство или утаивать информацию. Камбулатовичи потерпели сокрушительное поражение. В бою погибли их лидер Келемет Куденетов и многие союзники – Айдамир-шамхал, Эльдар Ибаков (род Талостановых), командир русского отряда А. Шишмарев и другие²⁵.

Наконец, последним пунктом в комплексе проблем, связанных с битвой на Малке 12 июля 1641 г., является всесторонняя оценка последствий данного события на дальнейшее государственно-политическое развитие Кабарды. Несмотря на свою решительную победу, князя Казиевой Кабарды и их союзники из числа Идаровых (будущая Большая Кабарда), избегая репрессий со стороны России, переселились с подвластными за Кубань и установили тесные политические связи с Крымским ханством. Чтобы окончательно не потерять свои позиции в Кабарде, правительство Михаила Федоровича было вынуждено отступить. Будачей и Муцал Сунчалеевичи Черкасские получили амнистию и право вернуться в Терки, а Муцал Сунчалеевич был восстановлен в качестве князя-правителя владений Идаровых в низовьях Терека. При посредничестве Муцала Сунчалеевича начались переговоры с Алегуко Шогенуковым. Этот сюжет истории Кабарды заслуживает особого внимания и детального рассмотрения всех этапов подготовки и проведения процедуры формального примирения сторон. Русские архивные материалы позволяют детально реконструировать и этот своеобразный эпилог грандиозного с точки зрения региональной истории события – битвы на Малке 12 июля 1641 г. – сражения, в котором столкнулись не только лучшие феодальные войска чуть ли не половины феодальных владений Северного Кавказа, но и две принципиально различные стратегии развития Кабардинского княжества²⁶.

Примечания

1. *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. Нальчик, 1994. С. 101–111, 114–120, 131–133, 146–147.
2. *Кудашев В.* Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913. С. 38.
3. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. / Документы и материалы в 2-х томах. В дальнейшем КРО. М., 1957.
4. *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е гг. XVII в.). М., 1963. С. 311.
5. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней в 2-х томах. М., 1967. Т. 1. С. 125.

6. Там же; КРО. Т. 1. С. 204.
7. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.
8. Мальбахов Б., Эльмесов А. Средневековая Кабарда. Нальчик, 1994. С. 292–305; Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф. Кабарда во взаимоотношениях с Россией с Кавказом, Поволжьем, Крымским ханством (середина XVI – конец XVIII в.). Нальчик, 1996. С. 151–152.
9. Карданов Ч.Э. Путь к России. Нальчик, 2001. С. 111–112.
10. Дзамихова К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе. Нальчик, 2001. С.112–113; Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. С. 149–153.
11. Дзамихов К.Ф. Кабарда и Россия в политической истории Кавказа XVI–XVII вв. Нальчик, 2007. С. 54–63.
12. Там же. С. 204–215.
13. Кожев З.А. Политическая история Черкесии (с нач. XV в. до 1763 г.) // Адыгская, (черкесская) энциклопедия. М., 2006. С. 193.
14. КРО. Т. 1. С. 144, 181–183, 187–192, 203–205, 260, 385, 408, 417.
15. Там же. С. 90–94, 386–387, 405, 406, 407.
16. Там же. С. 97–98, 102–103, 406.
17. Там же. С. 108.
18. Там же. С. 109–110, 129–131, 408.
19. Там же. С. 135–138, 385.
20. Там же. С. 144; Дзамихов К.Ф. Адыги в политике... С. 109.
21. КРО. Т. 1. С. 181–183, 187–192, 260, 417.
22. Там же. С. 197–198, 203–205; Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. С. 149–153.
23. Там же.
24. Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. С. 149–153.
25. КРО. Т. 1. С. 181–183, 203–205; Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. С. 149–153.
26. КРО. Т. 1. С. 208–209, 211–238, 286–287; Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. С. 167–175.

BATTLE AT MALKA (1641 y.): HISTORIOGRAPHY AND SOURCES

Kozhev Zaurbek Andzorovich, Candidate of History, Head of the Medieval and Modern History Department of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), zaurbek_k@mail.ru

The article presents a brief historiographic review and archival sources revealed today on one of the largest events of military and political history of Kabarda in the early new time – the large-scale battle at Malka on July 12, 1641. This battle summed up the long historical period of rivalry of the main princely houses of Kabarda – Idarovs, Kazievs, Talostanovs, associated with the search for various models of the functioning of the institute of pshyshue in Kabarda and related foreign policy articles Amer. It involved not only rival groups of Kabardian princes, but also broad coalitions of their allies – various uluses of the Bolshoi and Maly Nogai, Shamkhalstvo Kazi-Kumukh, Gretskey Cossacks, Terek vovody. The results of the battle for a century and a half determined the vector of the internal political development of Kabarda and the general nature of Kabardino-Russian relations. Despite this, the Battle of Malka in 1641 has not yet been the subject of special research, although references to it are an indispensable part of generalizing works on the history of Kabarda, starting from the earliest. Of particular value for studying the political and military history of Kabarda, its relationship with the Crimean Khanate, the Nogai, Muscovy, Shamkhal'stvo, the battle on Malka has, thanks to Russian archival sources, which detail both the general political context of the event and the details of the battle: place and time of the battle, the number of participants, etc. The article is the first step in the designation of the historiographic problem and the range of archival sources available today.

Keywords: Kabarda, Crimean Khanate, Nogai, Shamkhal'stvo, Muscovy, internal political crisis, feudal war, Aleguko Shogenukov, Battle of Malka, historiography and sources.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-3-38-32-37

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ КРИЗИС В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В НАЧАЛЕ 20-х ГОДОВ XX в.

Кармов Амерби Хазретович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), karmovamerbi@mail.ru

После губительных войн, революций и восстановления советской власти, в Кабардино-Балкарии начался переход к мирной жизни, который осуществлялся в условиях системного кризиса, обусловленного невиданной послевоенной разрухой. Этот процесс был отягощен разразившимся в 1921 г. голодом, охватившим более половины населения округа.

Особенность этого явления заключалась в многофакторном характере причин, приведших область к продовольственному кризису. Его комплексное исследование является весьма актуальным, поскольку оно дает объективную картину катаклизмов, выпавших на долю населения Кабардино-Балкарии в рассматриваемый период. Под данным углом зрения впервые в республиканской историографии рассматриваются взаимосвязь и взаимообусловленность основных факторов, оказавших влияние на продовольственный кризис.

Кроме природно-климатических аномалий, одним из факторов негативного влияния были тяжелые последствия революции и войн, причинивших невосполнимый ущерб экономике области. Также крайне отрицательно сказалась политика военного коммунизма, узаконившего экспроприацию сельскохозяйственных продуктов у крестьян. Это привело к разрушению веками сложившейся традиционной системы регуляции сельскохозяйственного производства, обеспечивавшей возможность выхода из критического состояния с минимальными издержками. Огромный ущерб был нанесен животноводству бандитскими налетами соседних горских народов, угнавших $\frac{3}{4}$ общего количества скота всей области. Таким образом, эти и другие факторы в совокупности привели к тяжелым последствиям.

Ключевые слова: революции и войны, разруха, засуха, недород, голод, продовольственный кризис, посевкомы, сельское хозяйство, поголовье скота.

В конце XIX начале XX в. под воздействием модернизационных процессов, осуществляемых в России, в экономике национальных окраин империи происходили позитивные сдвиги. В условиях Кабардино-Балкарии, где в основе хозяйственного комплекса лежал сельскохозяйственный сектор экономики, они проявлялись в вытеснении из сельскохозяйственного инвентаря старинных примитивных сельскохозяйственных орудий и замена их новыми, фабрично-заводскими.

Одновременно начали применяться новые методы возделывания сельскохозяйственных культур, с опорой на агрономические и агротехнические знания. Однако к началу Первой мировой войны все эти инновационные процессы находились в зачаточном состоянии, а начавшаяся мировая империалистическая война и последовавшие за ней революции и Гражданская война в России, пагубно отразились на всех сторонах жизни населения Кабарды и Балкарии. Последние стали ареной ожесточенной вооруженной борьбы противоборствующих сил, где дважды поменялась власть, причинившая невосполнимый ущерб экономике округа.

Характеризуя положение на Северном Кавказе летом 1919 г., Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России генерал Деникин писал: «Северный Кавказ по-прежнему представлял собой кипящий котел»¹. В этом котле, вместе с другими народами Кавказа, «варились» Кабарда и Балкария.

Существуют разные сведения о состоянии сельского хозяйства перед мировой войной. По архивным данным в 1913 г. в Кабарде посевная площадь составляла 109086 дес.² В то же время данные статбюро того периода свидетельствовали о том, что сельское хозяйство «развивалось постепенно и в последний год перед войной достигло значительных размеров, выйдя из рамок потребительского характера». По данным той же организации в 1913 г. площадь под посевом в области исчислялась в 118 тыс. дес.³ Однако, в последующие годы положение в сельском хозяйстве изменилось в сторону ухудшения. Перепись 1916 г. зарегистрировала его упадок во всех направлениях и сокращение посевной площади на 15%⁴. В годы войны и революционной борьбы эта тенденция резко усилилась.

После разорительных войн, революций и восстановления советской власти, в Кабарде и Балкарии начался переход к мирной жизни. Как и по всей стране, он осуществлялся в условиях системного кризиса, обусловленного невиданной послевоенной разрухой. Об этом свидетельствует перепись 1920 г., которая рисует удручающую картину катастрофического положения в сельскохозяйственной отрасли. По ее данным в сельскохозяйственном обороте осталось только 46 % посевной площади по сравнению с предвоенными годами⁵, что составило 56027 дес⁶.

Те незначительные успехи в сельскохозяйственном производстве, которые наметились в предвоенные годы, были растеряны. Для обработки земли крестьяне вынуждены были пользоваться примитивным сельскохозяйственным инвентарем: деревянными плугами и бороной, серпом и косой. Таким отсталым сельскохозяйственным инвентарем часто не успевали обрабатывать имеющуюся посевную площадь, и приходилось оставлять землю на перелог. В этот же период разразился голод, который охватил огромную территорию страны, в том числе и Северный Кавказ. Кабарда и Балкария оказались в числе наиболее пострадавших регионов Северокавказского края.

Следует отметить, что засухи и недороды бывали и раньше частыми спутниками Кабарды и Балкарии. Но они не имели столь плачевных последствий, как в 1921–1922 гг., поскольку в дореволюционной Кабарде крестьяне свободно распоряжались собранным урожаем и ежегодно откладывали на черный день некоторое количество зерна для еды и посева. Таким образом, они формировали определенный продовольственный запас на случай засухи, недорода и др. чрезвычайных ситуаций. Одним словом, в условиях относительной стабильности быта, крестьяне научились приспосабливаться к капризам природы и выходить из трудного положения с минимальными издержками. Однако революция и Гражданская война кардинально изменили условия труда и быта крестьян. Особенно тяжелым бременем легла на их плечи продовольственная разверстка – сердцевина политики военного коммунизма, которая имела крайне негативное значение⁷. Для ее реализации были созданы специальные силы – продовольственные отряды и комитеты крестьянской бедноты, которые насильственным путем выкачивали у крестьян сельскохозяйственные продукты. Но революционное насилие большевиков над крестьянами обернулось антибольшевистским восстанием последних почти по всей стране. В конечном итоге это привело к смене существовавшей в то время политики военного коммунизма на новую экономическую политику (НЭП), принятую на X съезде партии, и сыгравшую весьма позитивную роль в восстановлении сельскохозяйственного производства. На этом этапе она также стала надежным механизмом укрепления союза рабочего класса и крестьянства.

В соответствии с требованиями новой экономической политики (НЭП) на 1921 г. для Кабарды был установлен продналог, который по своим размерам был в три раза меньше продрозверстки. При благоприятном стечении обстоятельств, это давало бы возможность оживить сельское хозяйство, расширить производство зерна и технических культур, необходимых для развития промышленности, усилить товарооборот, улучшить снабжение городов, создать хозяйственную основу союза рабочих и крестьян⁸. Сами крестьяне возлагали большие надежды на него с точки зрения расширения сельскохозяйственного производства и улучшения качества их жизни.

Несмотря на все послевоенные трудности, в 1921 г. им удалось расширить посевную площадь на 1353 дес. по сравнению с 1920 г. и засеять 57380 дес.⁹ Однако, как было отмечено выше, в том же году многие регионы страны, в том числе и Кабарду, постигло страшное стихийное бедствие – засуха. В области голодало треть населения – около 50 тыс. человек. За этот год Кабарда потеряла больше скота, чем за три года Гражданской войны. Поэтому продовольственный налог был выполнен не в полном объеме: по зерну на 50%, по мясу – на 100% и по селу – на 40%¹⁰.

Руководство области понимало, что выкачивание хлебного налога в полном объеме у крестьян привело бы к поголовному голоду. Поэтому циркуляром облисполкома от 25 января 1922 г. был установлен определенный порядок сбора налога по данной позиции, согласно которому для некоторых групп населения допускалось освобождение от хлебного налога или сокращение его объема. В связи с этим от продовольственных налогов были освобождены ст. Пришибская, хут. Матвеевский, Черниговский, сел. Иналово, Лафишева, Хамидие, Неурожайное, Терское¹¹.

Относительно мясного налога власть была непреклонна. Она требовала от всех сельских исполкомов немедленной сдачи скота по налогу и предупредила, что от налога на мясо никто не освобождается, если бы даже у домохозяина была одна корова. Неплательщикам мясного налога грозило преследование Трибунала¹². Этим обстоятельством объясняется причина выполнения плана по заготовке мяса на 100%.

В то же время в 1921 г. область получила от государства большую помощь в обеспечении крестьянских хозяйств сельскохозяйственной техникой и семенным материалом.

Голод, бескормица, падеж скота, недостаток семян, нехватка сельскохозяйственного инвентаря, отсутствие ветеринарной и агрономической помощи свидетельствовали о глубоком продовольственном кризисе, в котором оказалась область в начале 1922 г. Положение усугублялось еще и тем, что выход Кабарды из состава ГАСССР воспринимался соседними горскими народами чрезвычайно враждебно. Этот вопрос обсуждался на совещании областного Земельного отдела Кабардинской автономной области в начале 1922 г. Делегат совещания от сел. Кармово Кашежев поведал, что на юго-западе Кабарды карачаевцы бесчинствуют уже третий год. По его словам только в 1921 г. был угнан табун лошадей и весь рабочий скот, а также 6800 овец. В январе того же года несколько тысяч карачаевцев напали на Кичмалку, где кабардинцы складировали заготовленное на зиму сено и там же устроились кошами. Часть карачаевцев занималась наступлением на Кичмалку, часть – угоном скота¹³.

В этих условиях органы власти стали искать меры, посредством которых можно было бы минимизировать последствия голода. Одним из таких способов положительного воздействия на кризисные ситуации были признаны посевкомы, (комитеты по организации и проведению посевных компаний), появившиеся во всех населенных пунктах области с марта 1921 г.

Были созданы окружные и областной посевокмы. Они совместно с соответствующими исполкомами создавали комиссии по выяснению последствий голода в области и готовности сельских и окружных органов власти и посевокмов на местах к предстоящей посевной компании.

При посевокмах и исполкомах всех уровней создавались комиссии и экспертные группы, которые контролировали состояние посевов на всех стадиях развития от всходов сельскохозяйственных растений до уборки урожая. Однако такие меры далеко не всегда давали желаемые результаты, поскольку сельскохозяйственное производство страдало отсутствием соответствующих сельскохозяйственных инструментов, слабой постановкой агрономической службы в области, разбойными набегами соседних горских народов на Кабарду и т.д. Об этом свидетельствует доклад комиссии, работавшей с 1.02. по 20.02.1922 г. в КБАО в составе председателя Кабардино-Балкарской областной рабоче-крестьянской инспекции (КБО РКИ) Катханова Н., редактора газеты «Красная Кабарда» Петрова Г., заведующего секретариатом РКИ Трифанова А.

В ходе работы комиссия обследовала Баксанский, Малокабардинский и Урванский округа. Она выявила основные причины, повлекшие за собой страшную трагедию народа. К ним комиссия отнесла: «... 1) колоссальное разорение в период Гражданской войны (перемена власти дважды); 2) особенно тяжелый и непоправимый ущерб, нанесенный бандитскими набегами карачаевцев, ингушей, угнавших $\frac{3}{4}$ общего количества скота всей области и самые лучшие экземпляры; 3) катастрофическое сокращение скота и посевной площади и 4) кроме того, очень тяжело легло на область выполнение всех государственных повинностей 1922 г., как не давших возможностей справиться от всех разорений и возродить экономическое состояние своих хозяйств; кроме этих социальных бед 5) резкое вырождение области. Совокупностью указанных причин Кабардино-Балкарская область на пороге обнищания, дальнейшего сокращения посевной площади, сокращения скота, принимающего катастрофическое положение и наличие нового голода, более крупного по своим размерам голода 1921 и 1922 гг.»¹⁴. Комиссия обратила особое внимание на массовое распространение малярии среди населения области.

Исходя из реальной обстановки, сложившейся в области, комиссия в докладной записке изложила свое видение решения обозначенных проблем. Прежде всего, она рекомендовала найти средства для снабжения крестьян скотом, сельскохозяйственным инвентарем и обеспечения семенной ссудой.

Одним из главных условий ликвидации последствий голода комиссия считала освобождение крестьян «...от всех абсолютно налогов, каких бы то ни было и повинностей, не исключая и имущих, на весь 23 год – ибо имущие тоже являются помощью для бедняков»¹⁵. Такое откровенное признание стабилизирующей роли обеспеченных крестьян в преодолении последствий голода следует признать позитивным, но, как практика показала, власть по отношению к ним, всегда проводила политику насилия.

Комиссия порекомендовала «...немедленно выслать летучий медицинский отряд по области на места, пораженные малярией» и «...оградить все население от грабительских налетов ингушей»¹⁶. Она сочла необходимым сопроводить свой доклад дополнением, посвященным исключительно бандитским налетом ингушей на территорию Малой Кабарды. Статистические данные, содержащиеся в этом документе, характеризуют масштабы разрушительных действий ингушских бандитских отрядов, объединенных по 100–300 человек и вооруженных десятками ручных пулеметов, английскими винтовками, другими видами вооружения. Из анализируемого документа видно, что деятельность налетчиков прикрывалась местными властями. С точки зрения комиссии, в этом неблагоприятном деле лидирующее положение

занимал Назрановский исполком. Комиссия также связывала сокращение поголовья скота и посевных площадей в Малой Кабарде с деятельностью ингушских бандитских отрядов, поскольку в период посевных компаний последние нападали на крестьян с целью ограбления, а организовать вооруженную охрану крестьян во время полевых работ не представлялось возможным.

В то же время важно подчеркнуть, что голодные 1921–1922 гг. совпали по времени с перераспределением частновладельческих земель. Так, 12 сентября 1921 г. Облревком постановил наделить землей «...селение Курпское из участков б. Астемирова и Безрукова и переселить граждан этого селения впредь до особого распоряжения»¹⁷.

Подобные решения естественным образом вызывали протест у значительной части населения, выступавшей против большевиков, многие из которых уходили в вооруженное подполье и объединялись с ингушскими налетчиками в борьбе против мероприятий советской власти в Кабарде. На эту особенность обратила внимание комиссия и потребовала «... 1) изъять с территории Ингушетии всех беженцев из Кабарды и ее порочного элемента, бежавших от руки правосудия и ныне служащих проводниками ингушам для грабежей; 2) категорически потребовать от Горреспублики принятия самых решительных мер к прекращению сего и воздействию на сельисполкомы о выдаче порочных людей, кои таковыми прикрываются; 3) немедленно возратить весь награбленный скот, в случае отсутствия такового заменить другим»¹⁸.

Серьезным препятствием к своевременному и качественному проведению посевной компании являлось затягивание весенних земельных разделов в крестьянских общинах до поздней весны, когда нередко бывало, что наделенная земля оказывалась ненужной. Во избежание этого чрезвычайно вредного явления Облземотдел потребовал от всех сельских исполкомов закончить весенние переделы обязательно до начала пахоты. В связи с этим, Земотдел предупреждал, «...что если к нему поступят жалобы от граждан о том, что раздел затянулся, соответствующий исполком будет немедленно предан суду за умышленную дезорганизацию посевкомпании»¹⁹.

Таким образом к началу 1922 г. в области сложилась чрезвычайно тревожная ситуация с точки зрения углубления продовольственного кризиса. К тому времени общая посевная площадь составляла 90 тыс. дес.²⁰, но из-за нехватки семенных культур из этой площади осенью 1921 г. удалось засеять озимью 21095 дес., а весной 1922 г. яровыми – 33885 дес. В итоге в 1922 г. всего было засеяно 54980 дес.²¹ Это стало возможным благодаря помощи государства, выдавшего хозяйствам области 35 тыс. пудов²² семенной ссуды, и небольшому объему семенного материала, находившегося в Каббалкпродукте.

Однако и в 1922 г. область оказалась в тяжелом положении. Весь озимый урожай практически погиб, а пересев оказался невозможным вследствие отсутствия семенного материала. Правда, яровые культуры не пострадали. В этих условиях государство пришло на помощь крестьянам. Им было отпущено через кооперацию до двух тысяч сельскохозяйственных машин и орудий, оказана наиболее пострадавшим от голода крестьянам адресная помощь промтоварами и деньгами²³.

Несмотря на тяжелое положение в области, 1922 г. оказался сравнительно урожайным по сравнению с 1921 г. Произошло некоторое оживление в сельскохозяйственном производстве. По итогам 1922/1923 хозяйственного года площадь посева выросла до 93054 дес²⁴. Обозначилась тенденция улучшения социально-экономического положения в области.

В 1923 г. государство выделило КБАО семенную ссуду в объеме 69 тыс. пудов. Были подключены и местные ресурсы. Площадь посева озимых составила 21896, а яровых – 71158 дес. По мнению заведующего статбюро КБАО Канонова, при нормальном урожае, эта посевная площадь могла бы дать 6 млн. пудов,

а максимальная потребность определялась тогда в 3,2 млн. пудов. Но с первых дней, после завершения посевной компании, появились в массовом количестве грызуны и другие вредители, которые нанесли серьезный урон сельскому хозяйству. В итоге «...урожай озимых и яровых получился настолько низким, что о сколько-нибудь заметных излишках, сверх удовлетворения своих скромных потребностей, не могло быть и речи»²⁵.

Это означало, что 1923 г. не дал никаких более или менее значимых достижений с точки зрения увеличения сельскохозяйственного производства, однако он был замечен тем, что впервые после войны и революции произошло резкое повышение посевной площади в области.

С большим трудом восстанавливалось и животноводство. Так, в 1922 г. поголовье лошадей составило (в тысячах голов) 30.1, в 1923–36.2, в 1924–35. 9; крупного рогатого скота соответственно – 109, 135.9, 136; овец – 196.2, 340.4, 317.9²⁶.

Несмотря ни на какие трудности крестьяне упорным трудом восстанавливали сельское хозяйство. Однако 1924 г., ознаменовавший небывалую засуху, опрокинул их надежды на обеспечение населения области продовольствием. 9 марта Центральный Исполнительный Комитет Кабардино-Балкарской автономной области издал приказ, в котором была выражена обеспокоенность по поводу повторения голода 1921 г. и рекомендовал ряд практических мер по минимизации возможного ущерба от природных катаклизмов. Органам местной власти предписывалось «под страхом строжайшей ответственности, не останавливаясь в исключительных случаях даже перед применением необходимых мер воздействия, побудить население приступить к немедленной пахоте с тем, чтобы в начале апреля весеннее задание было вспахано»²⁷.

Для реализации данного приказа была создана группа особых уполномоченных из членов ЦИК. Члены группы были распределены по округам и осуществляли контроль над ходом посевной компании и последующих сельскохозяйственных работ. Их распоряжения и указания были обязательны для сельских и окружных властей. Таким образом, власть всеми имеющимися средствами добивалась устранения угрозы повторения голода 1921 г. Однако реальность оказалась непредсказуемой. С середины мая 1924 г. стали поступать в ЦИК тревожные сведения о состоянии посева. Областная власть отреагировала на эти сигналы и 1 июня сформировала областную экспертную комиссию из ответственных работников и откомандировала их на места для оценки состояния посева. Были обследованы три округа: Баксанский, Мало-Кабардинский, Урванский. Четвертый округ – Нальчикский остался необследованным ввиду того, что в климатическом и географическом отношении он не отличался от Урванского района. Поэтому комиссия порекомендовала экстраполировать объективные данные о состоянии посева в Урванском округе и на Нальчикский округ.

Еще до начала работы окружной комиссии была установлена пятибалльная система оценок всходов растений. По данным областного статистического бюро на 1 июня состояние посева в целом определялось в 1,5 балла. В ходе работы комиссии было установлено, что относительно озимых культур, говоря современным языком, этот рейтинг остался на том же уровне. Что же касается яровых хлебов, то здесь она констатировала значительное ухудшение: так, кукуруза – главная культура области, в Мало-Кабардинском округе понизилась на 0,3, просо – на 0,3. В Баксанском округе понижение выразилось в кукурузе на 0,2, проса на 0,5.

Спустя 15 дней рейтинги стали еще ниже, приближаясь в двух округах области – Баксанском и Мало-Кабардинском – наиболее богатых посевами, к состоянию весьма близкому к подлинной гибели (1,4 балла).

Исходя из объективных данных, полученных в ходе обследования, члены экспертной комиссии пришли к выводу о необходимости «...считать посевы Мало-Кабардинского и Баксанского округов, равно и северной части

Урванского и Нальчикского округов, окончательно погибшими, но так как посев указанного района составляет 75% всей посевной площади области, то остальные 25%, если даже и дадут что-нибудь, то положение с урожаем все же остается гибельным»²⁸.

В докладной записке экспертной группы по определению состояния посева, побывавшей позже на полях Кабардино-Балкарии, отмечалось, что кабардинские крестьяне очутились в таком положении, как и в 1921 г. Посевная площадь представляла собой «...голую, сухую, растрескавшуюся от жары землю, от которой несло удушливым жаром, как от раскаленной печки. Никакой растительности, даже признаки ее нельзя было заметить»²⁹.

В начале сентября 1924 г. на заседании областного комитета партии обсуждалось положение в КБАО в контексте свирепствующего голода. У членов обкома партии вызывал особую тревогу тот факт, что «...51% населения уже голодает и требует немедленной материальной помощи; 24% имеет запасы хлеба на срок от 2-х до 3-х мес.; 12% – от 3-х до 6 мес.; 12% обеспечены запасом на год и лишь 1% имеет излишек; 23% уже не имеют никакого скота»³⁰. Естественно, что такое голодное и полуголодное существование крестьян определяло их повседневный быт. Так, например, селения Хамидие, Неурожайное и ряд других «...представляют просто вымершие становища. Не видно живого существа. Зайдешь в дом, нет самых необходимых предметов домашнего обихода. 90% дворов этих селений находятся в таких условиях»³¹.

Не на много было лучше и в других селах области. В населенных пунктах неурожайных округов создавались комиссии помощи голодающим. Они оказывали нуждающемуся населению материальную поддержку продовольствием, мануфактурой, деньгами и т.д.

В связи с тяжелым положением, сложившимся в области, Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета принял постановление «О мероприятиях по оказанию помощи Кабардино-Балкарской автономной области в связи с гибелью у нее всего урожая». Кабардино-Балкарская область была включена в число областей и губерний, нуждавшихся в помощи государства. Было принято решение о сложении всех недоимок прошлых лет и прекращении всякого взимания сельхозналога в 1924 г. В целях предотвращения голода был запрещен вывоз заготовленных разными государственными организациями зерновых продуктов и хлеба из пределов Кабардино-Балкарии. Постановление Президиума ВЦИК предусматривало отпуск КБАО в 1924 г. семенной ссуды, а также помощь населению области продовольствием.

Еще в 1921 г. замалкинские пастбища (левый берег реки Малки) были переданы карачаевцам временно, сроком на один год (1 сезон). Эти пастбища не были возвращены кабардинцам своевременно. В условиях реальной угрозы гибели всего скота области Президиум ВЦИК принял постановление о немедленном возвращении замалкинских пастбищ Кабарде³².

В рамках реализации данного постановления 9 августа 1924 г. Совет Народных Комиссаров СССР принял решение, согласно которому для Кабардино-Балкарии был снижен единый сельскохозяйственный налог на 70%, а бедняцкие хозяйства были освобождены полностью от налога³³. В том же году государство отпустило области 166 тыс. пудов семенной культуры.

В ходе ликвидации последствий голода 1921 и 1924 гг. органы власти стали уделять большое внимание применению новых методов ведения сельскохозяйственного производства, усилению роли агрономической и ветеринарной службы. Бескормица, неурожай, голод вызвали распродажу скота, в том числе и рабочего. Этот опасный процесс, закладывавший основу срыва посевной компании на будущий год, был приостановлен. Для субсидирования бедняцких хозяйств и сохранения рабочего скота Центр отпустил 170 тыс. рублей³⁴.

Следует отметить, что в Кабардино-Балкарии впервые в 1923 г. были проведены мелиоративные работы. Объем выполненной работы оценивался в 24135 руб., в том числе 22700 руб. за счет средств населения. В 1924 г. на эти цели за счет консолидированного бюджета были осуществлены мелиоративные работы на 111448 руб.³⁵ Из этой суммы 55614 руб. были собраны с населения области. Кроме этого было израсходовано 362 тыс. рублей³⁶, отпущенных Центром.

Наркомзем, в свою очередь, послал в Кабардино-Балкарию 20 тракторов. Центросоюз открыл для кабардино-балкарских крестьян кредит на приобретение сельскохозяйственных машин.

Несмотря на трудности переживаемого момента, в эту пору появились в селах Кабардино-Балкарии 23 новых кооператива³⁷. Позитивные сдвиги в преодолении последствий голода и разрухи наметились в 1925 г. К этому времени посевная площадь увеличилась с 98690 дес. в 1916 г. до 113270 дес. в 1925 г. В том же году государство выделило для области 287 тыс. пудов зерна для посева. Было засеяно 38225 дес. озимых и 75045 дес. яровых³⁸.

Шел процесс восстановления животноводства. В 1925 г. количество лошадей составило (тыс. голов) 42,4; крупного рогатого скота – 169,4; овец и коз – 350³⁹, т.е. по сравнению с предыдущим годом лошадей стало больше на 6,5 тыс. голов. Увеличилось количество крупного рогатого скота на 33,4 тыс., а овец и коз на 32 тыс.

Подводя некоторые итоги исследования проблем продовольственного кризиса в Кабардино-Балкарии в первой половине 20-х гг., можно сказать, что в его основе лежал ряд факторов, которые в совокупности привели к тяжелым последствиям. Наиболее значимыми из них были тяжелые последствия революции и воин, длившиеся семь лет и причинившие невосполнимый ущерб экономике округа. Последовавшие затем засуха и голод 1921 г. завершили разгром экономической основы Кабарды и Балкарии.

Важно отметить, что раньше в Кабарде засухи и недороды бывали частыми спутниками, но традиционная система сельскохозяйственного производства, господствовавшая в дореволюционной Кабарде, обеспечивала возможность выхода из трудного положения с минимальными издержками.

Громадный ущерб был нанесен животноводству бандитскими налетами соседних горских народов, угнавших $\frac{3}{4}$ общего количества скота всей области, в том числе и элитных экземпляров. Эти же отряды в период посевных компаний нападали на крестьян с целью ограбления, а для организации вооруженной охраны не было ни сил, ни средств. Все это привело к катастрофическому сокращению поголовья скота и посевной площади.

Примечания

1. Деникин А.И. Очерки русской смуты. М., 2005. Т. 5. С. 658.
2. Управление центрального государственного архива АС КБР (УЦГА АС КБР) Ф. Р–8. Оп. 1. Д. 109. Л. 3.
3. Краткий статистический справочник Кабардино-Балкарской автономной области. Год I-ый. Нальчик, 1925. С. 47.
4. Там же. С. 48.
5. Там же.
6. Там же. С. 51.
7. Кандрашин В.В. Голод 1932–1933 гг.: трагедия российской деревни. М., 2008. С. 319.
8. Бербеков Х.М. Переход к социализму народов Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1963. С. 139.
9. Жакомихов Т.А. История народного хозяйства Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1967. С. 23.

10. *Бербеков Х.М.* Указ. соч. С. 140.
11. УЦГА АС КБР Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 136. Т. 1. Л. 51–51об.
12. УЦГА АС КБР Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 12. Л. 85.
13. УЦГА АС КБР Ф. Р-6. Д. 136. Т. 1. Л. 73об.–74.
14. УЦГА АС КБР Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 70. Т. 1. Л. 188.
15. Там же.
16. Там же.
17. УЦГА АС КБР Ф. Р-69. Оп. 1. Д. 1. Л. 94.
18. УЦГА АС КБР Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 70. Т. 1. Л. 189
19. УЦГА АС КБР Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 12. Л. 62.
20. УЦГА АС КБР Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 136. Т. 1. Л. 51–51об.
21. УЦГА АС КБР Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 109. Л. 3.
22. Там же.
23. *Бербеков Х.М.* Указ. соч. С. 140.
24. УЦГА АС КБР Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 9. Л. 3.
25. Краткий статистический справочник Кабардино-Балкарской автономной области. Год I-ый. Нальчик, 1925. С. 49.
26. УЦГА АС КБР Ф. Р-8. Оп. 1 Д. 109. Л. 5.
27. УЦГА АС КБР Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 64. Л. 45–45об.
28. Там же. Л. 46–47.
29. УЦГА АС КБР Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 125. Л. 2.
30. Управление центра документации новейшей истории АС КБР (УЦДНИ АС КБР) Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 5.
31. Там же. Л. 6.
32. УЦГА АС КБР Ф. Р-8. Оп. 1 Д. 64. Л. 12–12об.
33. *Жакомихов Т.А.* Указ. соч. С. 22.
34. УЦГА АС КБР Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 124. Л. 97–102.
35. УЦГА АС КБР Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 109. Л. 2.
36. УЦГА АС КБР Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 124. Л. 97–102.
37. *Жакомихов Т.А.* Указ. соч. С. 23.
38. Краткий статистический справочник Кабардино-Балкарской автономной области. Год I-ый. Нальчик, 1925. С. 51.
39. Там же. С. 93.

FOOD CRISIS IN THE KABARDINO-BALKARIA IN THE FIRST YEARS OF THE 20TH CENTURY

Karmov Amerbi Hazretovich, Candidate of History, Senior Researcher of the Latest History Department of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), karmovamerbi@mail.ru

After the disastrous wars and revolutions, and the restoration of Soviet power in Kabardino-Balkaria, the transition to a peaceful life began, which was carried out in the conditions of a systemic crisis caused by unprecedented post-war devastation. This process was burdened by the famine that broke out in 1921, which affected more than half of the district's population. The peculiarity of this phenomenon was the multifactor nature of the reasons that led the region to the food crisis. Its comprehensive research is very relevant, as it provides an objective picture of the misfortune that fell to the share of the population of Kabardino-Balkaria in the period under review. From this perspective, for the first time in the republican historiography, the interrelation and interdependence of the main factors influencing the food crisis are examined. In addition to natural and climatic anomalies, one of the factors of negative influence was the heavy consequences of the revolution and the war, which caused irreparable damage to the economy of the region. Also, the policy of military communism, which legitimized the expropriation of agricultural products from the peasants, was extremely negative. This led to the destruction by the centuries of the traditional system of regulation of agricultural production, which made it possible to escape from the critical state with minimal costs. Huge damage was caused to livestock by bandits raids of neighboring mountain peoples who hijacked $\frac{3}{4}$ of the total

number of livestock in the entire region. Thus, these and other factors together lead to serious consequences.

Keywords: revolutions and wars, devastation, drought, poor harvest, famine, food crisis, sowing committees, agriculture, livestock.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-3-38-38-47

СЪЕЗДЫ ДОВЕРЕННЫХ КАБАРДИНЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ В МАТЕРИАЛАХ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Прасолов Дмитрий Николаевич, кандидат исторических наук, зав. сектором этнологии и этнографии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), dmprasolov@gmail.com

В статье рассматриваются основные виды информации, отраженные в материалах периодической печати о деятельности Съездов (сборов) доверенных Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ. В последней трети XIX – начале XX в. этот самобытный институт окружного самоуправления был заметным явлением в общественной жизни кабардинцев и балкарцев. Региональные газеты публиковали сообщения о проведении собраний в Нальчике, решения доверенных и информацию об утверждении общественных приговоров областными властями. Особый интерес представляют статьи, в которых раскрываются процедурные, этикетные и даже эмоциональные подробности обсуждения и принятия решений народными представителями. Ценность этих материалов определяется тем, что в них раскрываются особенности политической культуры кабардинцев и балкарцев в рассматриваемый период, которые не отразились в других видах источников. Материалы периодической печати 1917 г. свидетельствуют, что после Февральской революции съезды доверенных были встроены в новую систему самоуправления в Терской области.

Ключевые слова: кабардинцы, балкарцы, съезд доверенных, местное самоуправление, Нальчикский округ, Терская область, Российская империя, материалы периодической печати.

С 1860-х гг. съезды (сборы) доверенных Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ представляли собой самобытную практику взаимодействия горского населения со структурами коронной администрации Терской области. Одним из наименее используемых в научном обороте источников о деятельности местного самоуправления в Нальчикском округе являются материалы периодической печати.

Наибольшую информативность представляют материалы региональных изданий и прежде всего «Терских ведомостей». Официальная областная газета публиковала объявления о съезде с перечислением вопросов, включенных в повестку дня¹, описание перечня принятых решений², сообщения об утверждении приговоров съезда вышестоящими властями³. Встречались материалы и об особенностях исполнения решений съезда доверенных общинным самоуправлением. В 1885 г. Нальчикско-Клишбиевский сельский сход принял дополнительные строгие меры для реализации окружного приговора по борьбе с воровством в 1885 г., сообщали «Терские ведомости»⁴.

Менее официальные материалы в различных региональных газетах иногда полностью посвящались какому-то одному решению, например, в марте 1896 г. газета «Казбек» сообщала о постановлении «представителей кабардинского населения» об ассигновании средств на открытие в сл. Нальчик сельскохозяйственной школы 1-го разряда⁵. Полностью публиковались новые правила пользования общественными пастбищами, принятые съездом 6 января 1907 г.⁶

«Терские ведомости» писали 3 января 1913 г. о поездке П.Л. Юдина «по поручению доверенных кабардинского народа и 5-ти горских обществ для работы в московских архивах по отысканию материалов к истории кабардинского народа с условием составления по этому поводу особой докладной записки»⁷. И уже в конце января сообщалось об издании тиражом более 3000 экземпляров на средства Кабардинской общественной суммы брошюры «Верность кабардинцев русскому престолу в эпоху смутного времени», которая предназначалась для раздачи «школьникам и всем грамотным кабардинцам и балкарцам»⁸. В январе 1914 г. газета «Кавказское слово» сообщала об утверждении очередного решения доверенных по ограничению суммы калыма⁹.

Принимая во внимание, что количество газетных материалов о съездах доверенных возросло в 1910-х гг., можно предположить, что это была сознательная информационная политика С. Клишбиева, возглавлявшего Нальчикский округ в этот период.

Все эти сообщения коррелируют с архивными актовыми и делопроизводственными материалами. Освещение работы съездов доверенных в региональной прессе расширяло информированность читающей публики Терской области о местном самоуправлении в Нальчикском округе. Поэтому вполне закономерно, что представители северокавказской интеллигенции неоднократно отзывались в региональной прессе на решения съездов доверенных, высоко оценивая опыт их деятельности.

В 1898 г. со страниц столичных газет «Сын Отечества» и «Санкт-Петербургские ведомости» в статье К. Хетагурова прозвучала информация о событиях, связанных с деятельностью генерал-лейтенанта Т. Шипшева, уполномоченного съездом доверенных на ходатайства об улучшении общественно-экономического положения населения Терской области. Осетинский публицист отмечал уникальность самоуправления в Нальчикском округе: «кабардинцам, не в пример другим народностям Кавказа, разрешено прислать в Нальчик своих доверенных для обсуждения под председательством начальника округа общественных дел и нужд»¹⁰. Г. Баев, выступавший за введение земского самоуправления на Северном Кавказе, в газете «Пятигорский листок» в июне 1905 г. выражал убеждение, что благодаря деятельности съездов доверенных («народных сборов») в Нальчикском округе для этого есть все необходимые предпосылки. Он, в частности, отмечал: «вся история управления Кабардой и некоторые учреждения этого народа указывают, что почва для широкой народно-земской работы давно подготовлена... Огромное значение для правильного управления горским населением имели обычные народные сборы, на которых объявлялись населению распоряжения правительства и местного начальства, со своей же стороны население доводило до сведения правительства и местного начальства о своих народных нуждах. Народные сборы, сохранившиеся до сих пор только в Кабарде, дали возможность этому населению разрешить целый ряд важных вопросов своего благоустройства»¹¹.

Примечательной информацией газетных сообщений были эмоциональные аспекты съездов доверенных – внутренние настроения и противоречия, которые проявлялись в ходе обсуждений. Они нередко принимали аффективную форму, пробуждая протестные высказывания и экспансивные решения, которые в итоге все же блокировались рассудительностью авторитетных лидеров. Важность материалов периодической печати определялась еще и тем обстоятельством, что все эти политико-культурные подробности практически всегда оставались вне формализованных официальных приговоров и почти не отражены в делопроизводственной документации. Описываемые прессой процедурные порядки органичным образом сочетали традиционализм социальной и возрастной этикетности с пониманием и принятием новой административно-политической иерархии. Для того, чтобы нагляднее проиллюстрировать атмосферу, царившую в дни проведения

сборов в Нальчике, приведем несколько более подробных описаний из газетных публикаций.

Владикавказская газета «Терек» сообщала о ходе обсуждения сельскими доверенными 16–17 августа 1883 г. вопроса об отбывании воинской повинности. Собрание началось с выступления начальника округа Браккера «который коротко высказал, что по воле Государя, они [кабардинцы и балкарцы. – Д.П.], как равноправные подданные России, должны нести, наравне с другими и самую тяжкую из повинностей – повинность воинскую. Старейшие из кабардинцев просили позволить им ответить на следующий день, и затем все представители собрались на старом бульваре и разделившись на группы, толковали до поздней ночи, и до полудня следующего дня, но, как и следовало ожидать, ни к какому общему решению не пришли. Много было говорено на сходе. Некоторые, говоря о своих поправных правах, положительно восставали против введения воинской повинности и поговаривали о переселении в Турцию; говорили и совершенно противное, т.е. что повинность эта не так страшна, как кажется; что требованию начальства должно подчиниться и спокойно оставаться дома. Это говорили большей частью те из кабардинцев, которые побывали в русской службе; этого же мнения придерживались почти все горцы [балкарцы. – Д.П.]. Куда девалась их апатия и равнодушие, какими отличались прежние срочные съезды, когда все вопросы решались несколькими заправилками. Серьезная озабоченность выражалась на этот раз на всех лицах; видно, что дело касается собственной кожи. Почти у всех представителей, конечно, есть свои собственные дети и другие близкие, которых воинская повинность должна коснуться, и потому вопрос этот для них – вопрос жизни и смерти. Не удалось также поэтому обычным заправилкам решить вопрос по-своему; они получили такой отпор, что многие из них со стыдом должны были ретироваться. Ни на чем не порешив, отправились они держать свой ответ пред начальством округа, которому и объяснили, что воинская повинность всегда была для них страшным пугалом и поэтому, чтобы избавиться от нее, они готовы на всякие жертвы; что они до сего времени содержали на свой счет милицию и готовы еще прибавить на содержание её, а в случае войны – снарядить из себя, на свой счет полк. Г. Браккер, выслушав это, обещал принять все к сведению и что возможно сделать в интересах народа; затем совещания были закончены»¹². Воинская повинность так и не была распространена на мусульман Северного Кавказа.

В «Терских ведомостях» была опубликована статья о рассмотрении сбором доверенных 6 октября 1885 г. вопроса об учреждении окружной врачебной службы. Интересны подробности организации обсуждения вопросов повестки дня на заседании, проходившем с 8 часов утра в зале местного клуба Нальчикской слободы: «Собравшийся народ правильным полукругом теснился около большого стола, покрытого сукном; у стола, на скамьях и стульях сидели почетные старики и вели беседу, соблюдая строгий порядок. В 9 часов в собрание явился начальник округа и через переводчика предложил представителям очередные вопросы для решения, а сам оставил залу. По уходе его один из стариков поднялся и начал говорить по поводу предложенного вопроса. Когда он кончил, то сел на свое место и поднялся другой, третий – и таким образом обсуждение вопросов продолжалось до 3 часов дня». На следующий день был оформлен приговор об избрании первого в Терской области «особого земского врача для туземного населения в округе»¹³. Заметка завершалась обещанием продолжения, однако по неустановленным причинам в следующем номере было дано короткое объявление, обращенное к автору: «Окончание Вашей статьи не может быть напечатано»¹⁴.

Уже в 1886 г. корреспондент «Терских ведомостей», отмечая положительный эффект от работы «Кабардино-горского приемного покоя» в Нальчике, писал: «Нам надо надеяться, что теперь уже сами кабардинцы настоят на том, чтобы этот приемный покой, по возможности, расширить»¹⁵. Однако только итогам ноябрьского

съезда доверенных 1913 г. в «Терских ведомостях» сообщалось о решении выделить средства из общественной суммы на приобретение дополнительного оборудования и увеличение штата кабардинского приемного покоя в Нальчике¹⁶.

Автор газеты «Терек», представлявший интересы Армавир-Туапсинской железной дороги, побывал на съезде народных представителей 22 октября 1909 г. Оказавшись в центре обсуждения вопроса об ассигновании средств общественной суммы на покупку акций своего общества, он изложил интересные наблюдения¹⁷. В статье много позитивных стереотипов об этнокультурных особенностях кабардинцев, известных по другим нарративным источникам. Комплиментарность высказанных суждений, очевидно, объяснялась удовлетворенностью автора в принятии коммерчески благоприятного для него решения – выделением 100 тыс. руб. из кабардинской общественной суммы на приобретение ценных бумаг акционерного общества железной дороги. Тем не менее, его впечатления представляет безусловный интерес оценочными наблюдениями стороннего участника, впервые ознакомившегося с внутренним укладом съезда доверенных, а также возможностью реконструировать некоторые представления, характерные для его участников. Приведем более подробно некоторые из этих суждений.

Автор пишет: «Съезд народных представителей, говорили мне кабардинцы, существует у них с незапамятных времен. Со включением Кабарды в состав Русского государства правительство наше оставило за ними право самоуправления, поставив его лишь под контроль местной власти. И, надо отдать справедливость, власть наша не вторгается грубо в круг ведения народного представительства, предоставляя самому народу решать свои народные дела. По крайней мере, антагонизма между администрацией и народным представительством не замечается.

Тут надо отдать должное и самому кабардинскому народу.

Из всех народностей Северного Кавказа кабардинцы считаются одним их самых рыцарских. Честность, благородство, простота, чувство собственного достоинства. На собраниях держатся удивительно корректно и в то же время просто.

Все идет честь-честью.

Много приветливости и ни одной фальшивой струнки, вроде лести.

Просто и хорошо.

И невольно же останавливаешься на предположении: не положило ли свою печать на характер народа то обстоятельство, что он искони живет и управляется самостоятельно через посредство народного представительства.

Да зачем же этому народу ссорится в себе, когда все вопросы, все возможные недоразумения можно решить добром, на всенародном собрании обсудив их всесторонне?

Мне говорили кабардинцы, что у них на собраниях народных представителей никогда не было случаев, когда люди под напором страстей с ножами бросаются или готовы броситься друг на друга»¹⁸.

Характеризуя порядок обсуждения вопросов, автор с особым интересом характеризует культуру диалога кабардинских доверенных и связанных «с ними неразрывными узами общих экономических и правовых отношений» представителей балкарских обществ: «Горцы другой национальности. Язык у них очень похож на язык ногайский, кумыкский, карачаевский, крымских, казанских татар... На съезде уполномоченных всегда два переводчика, которые и переводят – один по-кабардински, а другой – по-горски»¹⁹.

Обсуждение вопроса о порядке пользования общественными пастбищными угодьями вызвало наибольшее оживление. «В прошлом году съезд избрал комиссию для выработки новых правил, комиссия выработала и представила их вниманию настоящего съезда. Оказалось, однако, что и этими правилами многие недовольны и, собравшись в группы, горячо их обсуждают...»

Комиссия выработала правило, если ... у горцев не хватит, то они могут получить в пользование излишек кабардинских земель. Кабардинцы на это последнее не согласны.

Вопрос получил острый характер. Кабардинцев – большинство. Из 96 депутатов – горцев всего 10. Большинство голосов вопрос всегда пройдет в пользу кабардинцев. Большинство голосов решать в данном случае несправедливо. Как быть?

Пошли доказательства за и против. Каждая сторона старается отстоять свой интерес. Страсти обострены ... но такой выдержки, такого умения владеть собою, такой воспитанности, как здесь, я нигде не видал»²⁰. Об итогах обсуждения пастбищного вопроса в статье не сообщается, что не удивительно, поскольку эта проблема регулярно поднималась и на последующих съездах доверенных.

В своих дальнейших рассуждениях автор с явной симпатией характеризует патриархальный демократизм местного самоуправления в Нальчикском округе, основой которого являлись сельские сходы, делегирующие представительские полномочия своим доверенным на окружной съезд. Обобщая свои впечатления, автор отмечает: «Мне кажется, народоправство, которое существует здесь искони веков, наложило свою печать традиции, выработало известный кодекс поведения.

Еще одна хорошая сторона народоправства: все участники съезда отлично в курсе всех своих общественных дел, все знают касающихся их правительственные распоряжения, одним словом в курсе всей своей жизни, обо всем мыслят, все соображают, а с депутатами следовательно мыслит и соображает весь уполномочивший их народ.

Пошли вопрос за вопросом. Решались быстро, без особых прений. Дело в том, что все вопросы, подлежащие обсуждению съезда, решены уже там, дома, в селах, на сельских сходах, а затем уже ставятся в программу съезда. Без предварительного обсуждения на сельских сходах ни один вопрос обсуждаться на съезде не должен. И все депутаты, по каждому вопросу, получили должные инструкции»²¹.

Еще одной иллюстрацией степенности и рассудительности в деятельности доверенных сельских обществ является заметка в «Терских ведомостях», опубликованная в декабре 1902 г. В ней, в частности, сообщалось: «Предписанием областного правления на обсуждение доверенных от сельских обществ Большой и Малой Кабарды и горских обществ начальником округа были предложены вопросы о нуждах сельскохозяйственной промышленности в туземном населении. Перечень содержал 15 вопросов, как, например, о распространении в туземной среде сельскохозяйственных знаний, о мерах против хищничества, о сельских базарах, о кустарных промыслах и проч. Доверенные высказали очень серьезное отношение к своей задаче. Обсудив каждый пункт в отдельности, они составили приговор о том, что ввиду сложности и важности вопросов они не в состоянии решить их в короткий срок и просят передать их в обсуждение выбранной ими комиссии. Комиссия предполагает ответить на эти вопросы в мае будущего года»²².

Дополняя информацию о деятельности декабрьского съезда автор газеты «Каспий» сообщал, что по его итогам «доверенные высказывают сожаление о том, что сбор этот вышел несколько неудачным, так как, во-первых, на сборе не было начальника округа – бывший уехал, вновь назначенный не прибыл, и в сборе участвовал временно заведовавший округом; во 2-х, не было на сборе некоторых интеллигентных представителей населения, с которыми доверенные желали советоваться; в 3-х требовалось спешное решение вопросов и, в 4-х, населению, выслушавшему доверенных, не были известны вопросы, предложенные на обсуждение областным правлением. Между тем, у населения были свои назревшие серьезные вопросы, которые доверенные имели ввиду возбудить на сборе, как, например, вопрос относительно замечаемого нового движения из Кабарды в Турцию, движения, являющегося периодически, мешающего населению заниматься спокойно своим делом и служащего главным тормозом в деле развития сельскохозяйственной промышленности среди туземного населения Северного Кавказа»²³.

Интересный сюжет описан в публикации автора под псевдонимом «Близкий» в конце 1904 г. в газете «Каспий». В ноябре в слободу Нальчик были созданы сельские старшины округа. Жители слободы с интересом внимали новостям,

дождавшись, «когда старшин отпустит начальство, и они возвратятся в свой аул, заходя по пути в лавки за покупками, и расскажут в чем дело. На этот раз слобожане не ошиблись: старшины были возбуждены, озабочены, и сообщили следующее: начальник округа объявил им о скором предстоящем приезде на Кавказ Государя Императора и предложил им собрать деньги для приготовления подношений Его Величеству. Старшины, выражая свое искреннее желание принять участие в этом деле, вместе с тем попробовали было доложить, что в подобных случаях дело обсуждалось и решалось доверенными от сельских обществ и представителями населения, и все делалось от имени и по желанию всего населения, но, получив строгое замечание, что они позволяют себе делать указания начальству, разъехались с тем, чтобы исполнить приказание, кто как сумеет...»²⁴. Таким образом, несмотря на отсутствие специальных инструкций, детально регламентировавших полномочия съездов доверенных, в политических представлениях кабардинцев и балкарцев сложилось определенное понимание разграничения компетенций окружного и сельского самоуправления. Поэтому нарушение начальником Нальчикского округа установившейся административной традиции вызвало недоумение глав сельских правлений.

Важным источником по изучению деятельности съездов доверенных после Февральской революции 1917 г. является опубликованное в нескольких номерах «Терского вестника» (переименованных «Терских ведомостях») «Положение о временном самоуправлении Терской области». Документ является свидетельством официального включения съездов доверенных, с измененными критериями представительства и расширенными полномочиями, в новую систему представительных органов власти на Северном Кавказе: «областной съезд составляется из представителей всего населения, избранных на окружных и отдельных съездах, а также городскими и слободскими самоуправлениями, по принципу пропорционального представительства, считая на каждые 15 тысяч душ обоого пола по одному делегату, при чем число населения свыше 7500 душ считается за неполные 15 000 душ. Участвовать на Съездах выборных могут лица обоого пола, достигшие 20 лет, не подвергшиеся лишению избирательных прав по закону»²⁵.

О расширении функций съезда доверенных, связанном с выдвижением кандидатов в представительный орган Российской республики, 3 октября 1917 г. коротко сообщал «Терский вестник»: «Сбором доверенных Большой и Малой Кабарды и горских обществ Нальчикского округа, кандидатом в Учредительное собрание намечен единогласно присяжный поверенный Коцев»²⁶.

Таким образом, материалы периодической печати значительно дополняют данные архивных источников о деятельности съездов доверенных. Они сообщали интересные сведения, раскрывающие содержательную часть работы доверенных и порядок обсуждения вопросов, представлявших большое общественное значение. Эти публикации расширяли представления читательской аудитории региональной прессы о культуре общественного диалога кабардинцев и балкарцев, а также их взаимодействия с короной администрацией, ассоциируя развивающиеся практики самоуправления Нальчикского округа с общероссийскими земскими традициями. Наибольшей информативной ценностью обладают газетные публикации, в которых раскрывались особенности обсуждения актуальных общественных проблем и принятия решений, которые не нашли отражение в актовых материалах и делопроизводственных документах, связанных с деятельностью окружных собраний доверенных.

Примечания

1. Терские ведомости. 1902. № 276; 1913. № 70, 216.
2. Постановление съезда кабардинских доверенных // Терские ведомости. 1916. № 54.

3. Терские ведомости. 1913. № 188, 270; 1915. № 93.
4. Терские ведомости. 1885. № 38.
5. Пшемахо. Сл. Нальчик // Казбек. 1896. № 39.
6. Терские ведомости. 1907. № 123.
7. Терские ведомости. 1913. № 2.
8. Терские ведомости. 1913. № 27.
9. Временный. Нальчик. Терская область // Кавказское слово. 1914. № 212.
10. Хетагуров Х. Горские штрафные суммы // Полное собрание сочинений в 5-ти томах. Владикавказ, 2000. Т. 4. С. 127–128, 454.
11. Баев Г. Присоединение Малой Кабарды к Большой // Пятигорский листок. 1905 г. № 337.
12. Терек. Владикавказ. 1883. 31 августа. № 103.
13. Терские ведомости. 1885. № 88.
14. Терские ведомости. 1885. № 89.
15. Терские ведомости. 1886. № 2.
16. Терские ведомости. 1913. № 248
17. Л.М. У кабардинцев // Терек. 1909. № 3568.
18. Там же.
19. Там же.
20. Там же.
21. Там же.
22. Каспий. 1902. № 276.
23. Близкий. Туземцы Северного Кавказа // Каспий. Баку. 1903. № 5.
24. Близкий. Нам пишут со сл. Нальчик // Каспий. 1904. 14 дек. № 279.
25. Терский вестник. 1917. № 30
26. Терский вестник. 1917. № 124.

CONGRESS OF ENTRUSTED KABARDIANS AND BALKARS IN PERIODICALS MATERIALS

Prasolov Dmitry Nikolaevich, Candidate of History, Head of the Ethnology and Ethnography Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), dmprasolov@gmail.com

In article the main types of information reflected in periodicals materials about activity of Congresses (assembly) of entrusted Big and Small Kabarda and Five mountain societies are considered. In the last third of XIX – the beginning of the 20th century this original institute of district self-government was the noticeable phenomenon in public life of Kabardians and Balkars. Regional newspapers published messages about holding meetings in Nalchik, the decisions entrusted and information on the statement of public censures the regional authorities. Articles in which procedural, etiquette and even emotional details of discussion and decision-making by national representatives are disclosed are of special interest. The value of these materials is defined by the fact that in them features of political culture of Kabardians and Balkars during the considered period which weren't reflected in other types of sources are revealed. Materials of periodicals of 1917 demonstrate that after the February revolution congresses of entrusted have been built in the new system of self-government in the Tersky region.

Keywords: Kabardians, Balkars, a congress of entrusted, local government, the Nalchik district, the Tersky region, the Russian Empire, periodicals materials.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-3-38-48-54

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

УДК 94 (470.64)

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-3-38-55-66

ВЛИЯНИЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В ПЕРИОД СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Тегуев Алим Инзрелович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), alim-tetuev@mail.ru

Статья посвящена исследованию актуальной проблемы – влияние региональных средств массовой информации на этнополитические процессы в Кабардино-Балкарии (1990 гг. – начало XXI в.). Анализируется влияние печатных изданий республиканских, муниципальных и национальных общественных организаций на этнополитические процессы в период центробежных тенденций. Показана деятельность региональных коммерческих печатных изданий, публикующих материалы, не отражающих точку зрения органов власти: новости, связанные с криминалом, территориальными вопросами и спорами, касающиеся национальной политики.

Рассматривается влияние Интернета на этнополитические процессы в регионе. Обобщен опыт портала фонда «Эльбрусид» и Российского конгресса народов Кавказа по формированию у молодежи гражданских ценностей. Анализ других порталов и сайтов, посвященных Кавказу, показал, что они в основном освещают негативные факторы.

В этой связи важным условием этнополитической стабильности является публикация в СМИ материалов, посвященных духовной и культурной общности народов, распространению позитивного исторического опыта межэтнического взаимодействия народов региона, привитию уважения к истории, культурам, традициям народов России.

Ключевые слова: средства массовой информации, печатные издания, интернет, государство, общественные организации, влияние, этнополитические процессы, стабильность.

Средства массовой информации являются индикаторами развития гражданского общества. Благодаря средствам массовой информации граждане получают представление о происходящих в республике, регионе и стране событиях, жизни государства в целом. Именно поэтому деятельность журналистов находится в центре внимания общества, они как социальные посредники выполняют важную для гражданских институтов и государства функцию. Влияние отдельных видов средств массовой информации на среднестатистического гражданина России, на формирование общественного мнения стали серьезно различаться: в частности, приоритетное, главенствующее место среди них заняли телевидение, радиовещание, а также Интернет.

Особо важное значение работа средств массовой информации приобрела во время межнациональных конфликтов, которые усилились на Северном Кавказе после распада Советского государства. Основные причины их возникновения

были заложены 20-е гг. XX в. в период национально-государственного строительства СССР. Оно осуществлялось субъективно, исходя из большевистской концепции, согласно которой по мере строительства социализма будет происходить стирание национальных различий. Все это привело искусственному созданию многосубъектных государственных образований путем произвольного определения границ без учета исторически установившихся территорий проживающих там народов. При этом произвольно проводились частые административно-территориальные изменения.

В условиях системной трансформации российского общества прошлое аукнулось в настоящем. В 1990-е гг., как и в 1920-е гг. основой противоречий явился земельный вопрос. Его неразрешенность приводит к тому, что одна и та же территория оказывается пространством, на котором соперничающие национальные элиты стремятся добиться своего легального доминирования, предполагающего доступ к политической власти и престижным секторам экономики. При этом все попытки «поднять на щит» проблемы спорных территорий, несут потенциальную опасность перехода скрытой стадии конфликта в открытую. Во многом эти проблемы являются следствием тяжелого исторического наследия, связанного с Кавказской войной и депортацией отдельных народов во время Великой Отечественной войны.

Рубеж XX–XXI вв. отмечен также и ростом национального самосознания народов России, выразившегося, прежде всего, в стремление сохранить язык, культуру и традиции. Но параллельно с этим этничность политизируется и, в большей мере, используется СМИ или политиками в качестве инструмента для достижения определенных целей отдельными группами. Национальный вопрос особенно широко используется в многонациональных регионах для достижения политических целей. Поэтому исследование влияния средств массовой информации на этнополитические процессы является актуальной проблемой и имеет важное научно-практическое значение.

Следует отметить, что отдельные аспекты данной проблемы исследовались в работах А.Б. Мадиярова Х.В., Дзуцева, К.В. Гокоевой, М.М. Кумыковой, Е.В. Кратова¹ и др., но она еще не стала объектом комплексного изучения. В данной работе предпринята попытка исследования влияния региональных средств массовой информации на этнополитические процессы в Кабардино-Балкарии.

В последние годы рынок печатных средств массовой информации в Кабардино-Балкарии значительно увеличился. На 09.04.2018 г. в республике зарегистрировано 47 средств массовой информации, в том числе 35 изданий, 2 республиканских телерадиоканала и 1 республиканское печатных и 12 изданий, 2 республиканских телерадиоканала и 1 республиканское электронных. Из бюджета органов государственной власти и местного самоуправления финансируются 27 СМИ: 5 республиканских газет, 6 республиканских журналов, 13 муниципальных изданий, 2 республиканских телерадиоканала и 1 республиканское информационное агентство. Все республиканские и муниципальные издания имеют и электронные версии. Общий тираж 24 изданий, 2 республиканских телерадиоканала и 1 республиканское государственных и муниципальных СМИ по состоянию на 04.10.2017 г. составляет 50893 экземпляров, на каждую тысячу жителей республики приходится 59 экземпляров газет и журналов, что в 2 раза ниже показателей по Российской Федерации. Кроме этого все республиканские и муниципальные печатные издания на своих сайтах публикуют электронные версии, что расширяет аудиторию читателей. За 2017 г. средствами массовой информации КБР размещено 868 материалов по указанным темам: 312 изданий, 2 республиканских телерадиоканала и 1 республиканское статей в 18-ти республиканских и муниципальных печатных изданиях, 509 на республиканских теле- и радиоканалах, 47 на сайте республиканского информационного агентства «Кабардино-Балкария»².

В государственных республиканских и муниципальных печатных изданиях действуют постоянные рубрики: «Правительство», «Промышленность», «Строительство», «Экономика», «Сельское хозяйство», «Инвестпроекты» и другие. На республиканских телерадиоканалах только одна региональная студия ВГТРК, имеет определенную степень независимости от руководства региона, другая – региональная телестудия, контролируется напрямую региональными властями. На трех государственных языках Кабардино-Балкарской Республики (русском, кабардинском, балкарском) выходят в эфир цикловые теле- и радиопередачи: «МВД по КБР сообщает», «Молодежное предпринимательство», «Сельчане», «Земля и люди», «Время работать», «Актуальная тема» и другие. Указанные темы также активно освещаются в информационных программах «Агро-вести», «Вести: Кабардино-Балкария» и «Новости дня».

Функционирует портал средств массовой информации КБР, где объединены сайты: издательства «Эльбрус», имеются ссылки на интернет-версию ВТК «Кабардино-Балкария» и «Радио КБР», а так же на страницу Союза журналистов КБР³.

Анализ государственных печатных изданий показал, что они в основном освещают общественно-политические события в стране и республике, социально-экономическую, спортивную жизнь региона, а также проблемы противодействия идеологии терроризма и религиозного экстремизма. Вместе с тем во многих изданиях преобладают описательные статьи и мажорные репортажи, отсутствуют аналитические материалы. Проблемы развития межнациональных отношений и этнополитических процессов освещаются в государственных СМИ в основном при возникновении этнических конфликтов.

С началом 90-х гг. XX в. в общественных движениях региона, как и в целом в стране, усилился процесс политизации. Распад Советского государства активизировал центробежные тенденции и на Северном Кавказе. Национальные движения начали поднимать проблему и предпринимать попытки реализации различных форм самоопределения, представляющих угрозу государственному единству и территориальной целостности Российской Федерации. В этой ситуации одним из важных факторов стабилизации этнополитической ситуации являлась взаимосвязь прессы и власти. Практика Кабардино-Балкарии в исследуемый период дает большое количество ярких примеров взаимовлияния власти и прессы, как в провоцировании, так и урегулировании конфликтных ситуаций в сфере этнических отношений.

В государственных республиканских газетах «Кабардино-Балкарская правда», «Адыгэ псалэ», «Заман» в рубрике «В политических партиях, движениях и общественных объединениях» печатались материалы национальных общественных объединений, которые пытались разделить Кабардино-Балкарию. Подтверждением этому являются многочисленные отклики в общероссийских СМИ на этнополитическую ситуацию региона, в том числе на действия государственных органов республики⁴. Так, в Кабардино-Балкарии затягивание местными органами власти процесса реабилитации репрессированного балкарского народа, и прежде всего, восстановления административно-территориальных границ, существовавших до насильственного выселения, явились причиной политизации национальных движений и проявления центробежных тенденций. Некоторые идеологи балкарского национального движения «Тёре» рассматривали национально-политическое самоопределение в качестве универсального механизма разрешения этнических проблем, реализации национальных интересов. В ноябре 1991 г. был созван Съезда балкарского народа, который провозгласил создание Республика Балкария в составе РСФСР, а также принято заявление о национальном суверенитете балкарского народа. Съезд принял постановление об образовании Национального Совета балкарского народа (далее – НСБН), который объявил высшим органом власти балкарского народа в период между съездами⁵. После

этого съезд кабардинского народа, состоявшемся в январе 1992 г., принял решение «О восстановлении Кабардинской Республики» и избрал «Конгресс кабардинского народа» (далее – ККН)⁶.

Эти решения съездов были одобрены постановлениями Верховного Совета Кабардино-Балкарской ССР от 19 ноября 1992 г. и 9 января 1992 г.⁷ Указанные постановления способствовали этнической мобилизации части населения республики для реализации решений съездов, однако ввиду разногласий по территориальным границам реализовать это намерение не удалось. Затем национальные общественные организации организовали серию публикаций об этнических границах Кабарды и Балкарии⁸. При этом каждая сторона претендовала на свою правду. В этой связи исследователь Е. С. Тютюнина справедливо отмечает: «... даже царские власти не решились отделить один народ от другого, понимая, как тесно переплетены их экономические интересы. Сложный вопрос об исторических, этнических границах еще долго может оставаться предметом научной полемики, но никак не должен влиять на современные политические решения. Я очень надеюсь, что депутатам Верховного Совета КБАССР достанет мудрости признать это»⁹. Действительно, международная практика свидетельствует о том, что если этнические границы не совпадают территориальными, то приоритетными должны быть общечеловеческие ценности: права и свободы человека и др.

В декабре 1991 г. возникло Движение за сохранение единства Кабардино-Балкарии, которое высказалось за проведение референдума балкарского народа по вопросу об образовании Республики Балкария. Опрос среди балкарского населения, которым было охвачено 91,5% граждан, имевших право голоса. Из них 95,7% граждан высказались за единую Кабардино-Балкарию. Парламент республики постановлением от 18 ноября 1994 г. признал итоги опроса граждан балкарской национальности о сохранении единства КБР и рассматривал их как волеизъявление балкарского народа¹⁰. Указанное решение и публикации в республиканских СМИ, посвященные сохранению единства Кабардино-Балкарии, снизили этнополитическую напряженность¹¹.

Вторую группу СМИ составляют независимые печатные издания национальных общественных организаций, которые издавались с разной периодичностью: газеты балкарской общественной организации «Тере» – «Балкарский форум» и информационный орган общественной организации Совета старейшин балкарского народа «Вестник балкарского народа». В первой половине 1990-х гг. в них были опубликованы выступления и обращения лидеров общественных организаций, документы съездов балкарского народа. В докладе председателя оргкомитета по проведению первого съезда балкарского народа М.М. Чочаева указывалось, что органы государственной власти недостаточное внимание уделяют социально-экономическому положению балкарских сел и вопросам реабилитации балкарского народа¹². НСБН 21 декабря 1991 г. принял решение о проведении 29 декабря референдума с таким вопросом «Поддерживаете ли Вы провозглашение национального суверенитета балкарского народа и Республики Балкария как субъекта, образующего РСФСР?». Верховный Совет КБАССР отметил, что постановление съезда об образовании НСБН в ряде пунктов противоречит Конституции республики и действующему законодательству, а также признал постановление о проведении референдума незаконным и неконституционным. Однако референдум состоялся, результаты его были опубликованы в газете Балкарский форум. На поставленный вопрос положительно ответили большинство участвовавших в голосовании¹³. Проведение референдума без одобрения Верховного Совета республики изменило характер взаимоотношений между НСБН и властными структурами. В выступлении председателя НСБН Б.К. Чабдарова на 3-ем этапе первого съезда балкарского народа 25 мая 1992 г., опубликованном в газете «Балкарский

форум», отмечалось, что создаваемые структуры власти республики всей своей деятельностью демонстрируют нечто похожее на пренебрежение к воле и интересам наших народов¹⁴.

Печатные издания кабардинских общественных организаций «Адыгэ Хасэ» и «Координационного Совета адыгских общественных объединений», которые также издавались с разной периодичностью: – «Нарт», «Возрождение», «Хасэ», «Газета Координационного Совета адыгских общественных объединений», «Голос Кабарды». В первой половине 1990-х гг. в указанных изданиях были опубликованы выступления и обращения лидеров общественных организаций, материалы и документы съездов кабардинского народа. Так, в докладе А.К. Гучева «Проблемы и задачи кабардинского народа на современном этапе» на первом съезде кабардинского народа (10–12 января 1992 г.), опубликованном «Адыгэ Хасэ», отметил: «Говорить об ущемленности балкарского и русского народов нет оснований... Необходимо решить следующие вопросы: Постановление ВЦИК от 16 января 1922 г. образовании КБАО считать недействительным, как насильственного объединения кабардинского и балкарского народов»; Восстановление государственности Кабарды-Кабардинской Республики...»¹⁵.

Взаимные территориальные претензии кабардинцев и балкарцев усилили этнополитическую напряженность. В этих условиях государственные органы власти пытались сгладить противостояние национальных движений. Верховный Совет КБАССР принял 19 мая 1992 г. проект закона «О съездах народов» и опубликовал для всенародного обсуждения. В нем указывалось: «До выяснения комиссией возможности определения согласованных этнических границ между Кабардой и Балкарией, установить мораторий на проведение съездов народов по вопросам национально-государственного устройства и других массово-политических мероприятий»¹⁶. НСБН и ККН негативно оценили данный проект закона. ККН в документе «О проекте «О съездах народов» отмечал: «Верховный Совет предпринял открытую попытку взять демократические процессы под жесткий контроль, лишив народы право самостоятельного проведения своих съездов...»¹⁷. В Обращении НСБН в Верховный Совет РФ с призывом о воздержании от участия в референдуме КБР по вопросу сохранения единства республики и о моратории на проведение съездов народов указывалось: «...решение о наложении моратория на проведение съездов народов и других общественно-политических мероприятий противоречит элементарным нормам права и является по своей сути вопиющим антиконституционным актом»¹⁸. Указанные публикации в газетах национальных общественных организаций были направлены на целевую аудиторию и этническую мобилизацию.

Другим фактором, создавшим этнополитическую напряженность в Кабардино-Балкарии, было принятие ряда законов в КБР по реализации Федерального Закона от 06.10.2003 № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». При этом не было учтено положение Федерального закона от 06.10.2003 № 131, что при изменении границ территорий, в которых осуществляется местное самоуправление, при преобразовании (или) упразднении муниципальных образований необходим учет мнений соответствующих муниципальных образований. В связи с этим отдельные муниципальные образования, национальные общественные объединения оспаривали право граждан на осуществление местного самоуправления, самостоятельность местного самоуправления в Верховном Суде КБР, Конституционном Суде КБР, Конституционном суде РФ¹⁹. В этой связи в республиканских газетах и печатных изданиях национальных общественных организаций вновь возобновились публикации по проблемам межселенных территорий, отгонных пастбищ и этнических территорий. Так, в информационном органе общественной организации Совета старейшин балкарского народа «Вестник балкарского народа» были опубликованы Резолюции митингов,

проведенных в августе 2008 г. жителями сельских поселений: Кенделен, Хабаз, Верхняя Балкария. В резолюциях указывалось: «Предложить органам государственной власти КБР внести изменения в Приложение к Закону КБР «О статусе и границах муниципальных образований в Кабардино-Балкарской Республике» от 27.02.2005 г. в части, касающихся описания границ земель муниципальных образований – сельских поселений Кенделен, Хабаз, Верхняя Балкария, приведя их в соответствие с Федеральным Законом №131-ФЗ 6.10.2003 г., распоряжением Правительства РФ № 707-р от 25.05.2004 г., Определениями Конституционного Суда РФ № 17-О-П от 3.04.2004 г. и № 715-О-П от 2. 10.2007 г.»²⁰.

Против внесения изменений в Приложение к Закону КБР «О статусе и границах муниципальных образований в Кабардино-Балкарской Республике» от 27.02.2005 г. выступил Координационный Совет адыгских общественных организаций КБР. В резолюции митинга адыгской общественности КБР указывается: «Приостановить дальнейшее изменение каких-либо границ впредь до принятия справедливого законодательства»²¹.

Объективный анализ некоторых публикаций в национальных печатных изданиях показал, что в них имеются сомнительные трактовки этнической истории кабардинцев и балкарцев. При этом исторические судьбы региона, сам опыт взаимодействия различных этнических общностей Кабардино-Балкарии рассматриваются сквозь призму ценностей определенной этнической общности. Все это негативно влияет на этнополитическую ситуацию в регионе. Разумеется, такие публикации развивают деформированное национальное самосознание о собственном народе, его самобытности, историческом пути, его месте среди других этносов.

Для разрешения спорных вопросов по закону КБР «О статусе и границах муниципальных образований» в Парламенте КБР была создана согласительная комиссия. Однако диалог органов государственной власти, местного самоуправления и представителей институтов гражданского общества не дал положительных результатов, до сих пор не решены спорные вопросы по определению границ муниципальных образований.

Принятое на сегодняшний день компромиссное решение пересмотреть границы административных поселений, ограничив межселенные территории отгонными пастбищами, также вызвало протест у определенной части населения. Приходится признать, что административно-территориальный передел на новом витке исторического развития, реализующий положения Федерального Закона от 06.10.2003 № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», не дал пока желаемых результатов, не привел к общественному согласию в КБР.

Таким образом, решение о создании межселенных территорий осложняется историческими разногласиями по поводу распределения земли между кабардинцами и балкарцами, что придает конфликту уже национальный оттенок и создает дополнительные трудности в поиске выхода из данной ситуации. Поэтому в этнополитическом конфликте весьма важным является объективное освещение исторического прошлого, которое зачастую играет одну из решающих ролей не только в развитии, но также и в урегулировании этнополитических конфликтов. Наличие неразрешенных в прошлом этнических противоречий – одна из основных объективных предпосылок возникновения новых открытых этнических конфликтов. Исходя из этого представляется, что привлечение исторического знания для анализа современных этнополитических конфликтов совершенно необходимо.

На этнополитическую ситуацию в республике оказали влияние и проблемы связанные с «черкесским вопросом», а также подготовкой и проведением Сочинской Олимпиады в 2014 г. В публикациях газеты Координационного Совета адыгских общественных организаций КБР (переименована в Голос Кабарды) отмечалось, что для их решения необходимо: создание условий и осуществление

мер по сохранению языка и культуры, признание и осуждение геноцида черкесов со стороны Российской империи, обеспечение возможностей беспрепятственной репатриации всем, кто этого пожелает²².

Вместе с тем на некоторых сайтах черкесских организаций считают, что для решения «черкесского вопроса» необходимо еще и объединение части территорий трех субъектов РФ – Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, а также территории, населенной шапсугами Причерноморья, в единый субъект в рамках Российской Федерации – Черкесию²³.

В связи подготовкой и проведением в 2014 г. Олимпиады в г. Сочи, где проживали предки адыгов, начался новый этап активизации «черкесского вопроса». В газетах были опубликованы мнения общественных организаций кабардинского народа: «проявить уважение к исторической памяти и национальным чувствам черкесов и достойно отразить в информационном сопровождении и культурной программе Олимпиады историю и культуру черкесов как коренного народа Российского Причерноморья»²⁴.

В то же время некоторые черкесские общественные объединения в России и за рубежом выступили против проведения игр в Сочи, мотивируя тем, что это земля геноцида черкесов. Антиолимпийские настроения высказывались и на форумах черкесских сайтов, провоцируя антироссийские настроения в среде молодежи²⁵.

По мере подготовки к зимней Олимпиаде 2014 г. государственные органы власти продемонстрировали готовность к конструктивному диалогу и компромиссу с адыгскими политическими элитами и общественными деятелями. Были предприняты конкретные шаги в этом направлении, учтено пожелание МЧА представить «адыгский этнический компонент» в программе Игр²⁶.

Третью группу СМИ в регионе составляют коммерческие печатные издания. В КБР с 1994 г. издается популярная еженедельная «Газета Юга». Она освещает новости и наиболее значительные события республики, деятельность всех ветвей власти, партий и движений, проблемы местного социума, социально незащищенных категорий населения, культурные и спортивные события. «Газета Юга» лидирует по тиражу среди СМИ по КБР благодаря широкому разнообразию материалов и независимому, объективному освещению событий и фактов.

К средствам массовой информации, позволяющим себе публикации материалов, не отражающих точку зрения органов власти, относятся также региональные еженедельные выпуски общероссийских СМИ: «Комсомольская правда – Северный Кавказ», «Московский комсомолец – Кавказ», «АиФ – Северный Кавказ». Эти издания публикуют серьезные информационные блоки, так и разделы, рассчитанные на широкие массы читателей. В основном в названных изданиях публикуют, то, что не пишут в «домашнем» регионе. Это бывают новости, связанные с криминалом, территориальными вопросами и спорами, касающиеся национальной политики. В этой связи, на наш взгляд, справедливо отметил на II Форуме СМИ Северного Кавказа А. Куприянов – директор по регионам службы региональных новостей Информационного агентства России ТАСС: «Имидж Северного Кавказа в общероссийском медийном пространстве напрямую зависит от эффективности работы окружных журналистов. Как правило, из регионов, в частности северокавказских, в федеральные новостные ленты приходят исключительно криминальные новости. Почему это происходит? Все потому, что такие материалы, как правило, легко пишутся и легко потребляются. Задача журналистов СКФО – изменить эту ситуацию, сделать так, чтобы российское медиaprостранство видело положительные стороны жизни на Северном Кавказе»²⁷.

Четвертую группу СМИ составляют электронные средства массовой информации. Безусловно, электронные СМИ также оказывают существенное воздействие на общественное мнение. Интернет имеет большое влияние на этнополитические процессы в регионе. В то же время следует отметить, что в Кабардино-Балкарской Республике отсутствуют влиятельные и популярные у пользователей интернет-СМИ.

Среди существующих можно выделить следующие Интернет-порталы: «Кабардино-Балкария – мир и мы», «Кабардино-Балкария сегодня». Основная направленность этих порталов информационно-развлекательная. Публикуется информация о деятельности государственных структур, публицистические материалы также опираются на позиции органов власти²⁸.

Заслуживает внимания опыт работы портала «Эльбрусоид» по созданию условий для сохранения культуры и языка карачаевцев и балкарцев. Филиалы фонда «Эльбрусоид» функционируют в городах Нальчик, Черкесск, Ставрополь. Фонд проводит различные научные, культурные и спортивные мероприятия, направленные на формирование у молодежи гражданских ценностей, национальной и российской гражданкой идентичности. На Портале Фонда имеются 10 разделов: форум, блоги, фотогалерея, музыкальный раздел, библиотека, чат и другие. Среди 10 познавательных разделов Портала Фонда особое значение имеет электронная библиотека, которая насчитывает более двух тысяч книг по истории, этнографии, литературе, языку карачаевцев, балкарцев и других народов. Порталом фонда живо интересуются не только молодежь, но и представители старшего поколения. По состоянию на 24.04.2018 г. на форуме зарегистрировано более 5876 индивидуальных пользователей. Кроме того, в социальных сетях В Контакте, Mail.ru, Одноклассники, Facebook пользователями созданы группы «Эльбрусоид». Всего разделами Портала фонда пользуются десятки тысяч карачаевцев, балкарцев и представителей других национальностей. Об этом свидетельствуют отзывы, трансляции публикаций аудио- и видеоматериалов из Портала фонда «Эльбрусоид» на сайтах карачаево-балкарской зарубежной диаспоры²⁹.

На портале Российского конгресса народов Кавказа публикуются материалы по интеграции и адаптации выходцев из регионов Кавказа, а реализации социальных, культурных, образовательных проектов и проектов в сфере гармонизации межэтнических отношений. Вокруг Конгресса объединяются не только вся северокавказская молодежь, но представители молодежи других национальностей³⁰.

Блогосфера республики развита весьма слабо. Наиболее популярные блогеры: Kbr.«livejournal» сдержанно-критически относятся к властным структурам в республике, в определенной мере защищают интересы религиозной части общества, в т.ч. сторонников салафизма; a-sult-h умеренно критикует ситуацию в КБР и России с консервативных позиций. Поднимают темы межнациональных отношений, предвзятости к жителям Кавказа; polemocy1. защищает ценности светского общества, выступает против клерикализации республики³¹.

Особенностью работы средств массовой информации Северо-Кавказского федерального округа также является распространение и достаточно высокая популярность не контролируемых органами государственной власти интернет-порталов, выражающих оппозиционные по отношению к региональной и федеральной власти мнения, а в ряде случаев имеющих и экстремистскую направленность. По состоянию на 16.04.2018 г. функционируют следующие Интернет-СМИ: «Кавполит», «Кавказский узел», «Северный Кавказ», «Кавказ сегодня», «Кавказский геополитический клуб», Московский кавказский клуб», «On Kavkaz», «Кавказ таймс». На порталах и сайтах имеются рубрики «Политика», «Экономика», «Общество», «Аналитика», «Культура», «Спорт» и др. В них освещаются события, происходящие на Северном Кавказе и Закавказье, публикуются аналитические обзоры главных политических и социально-экономических событий в регионе. Публикуются материалы по проблемам Кавказской войны и ее последствий, реабилитации репрессированных народов, межнациональных отношений, места и роли религии, противодействия терроризму. Анализ рассмотренного контента в Интернете показал, что публикации по исследуемой теме создают новые стереотипы, формируют имидж того или иного региона. Все чаще звучат обвинения в адрес республик Северного Кавказа, связанные с большими дотациями из федерального бюджета

(статья «Хватить кормить Кавказ»). Приводятся и другие негативные факторы (терроризм, коррупция, клановость, безработица)³².

Серьёзной угрозой нагнетания этнополитической напряженности в последние годы в регионах является активность «троллей» на форумах, в группах новостей сети Usenet и др. Анонимные авторы часто пишут Интернет-тролли – провокационные сообщения по разным темам с целью вызвать флейм (огонь). Так, на сайте «Кашин» (kashin.guru), главным редактором которого является одноименный журналист, опубликовано исследование анонимной исследовательской группы Russia_Calls, озаглавленное с использованием ненормативной лексики, в котором упорно раздувается этническое противостояние в России³³. Другой пример, на информационном портале анонимный автор организовал серию публикаций, направленных на разжигание межнациональной розни в Кабардино-Балкарии³⁴. Подобных публикаций, к сожалению, в интернет-сети множество. В этой связи соответствующим службам, на наш взгляд, необходимо активизировать работу по очистке форумов от троллей, возбуждающих национальную или религиозную ненависть и вражду.

Резюмируя сказанное выше, можно констатировать, что работа СМИ Кабардино-Балкарии не в полной мере отвечает требованию в полноте и объективности освещения имеющихся проблем. Средства массовой информации недостаточно активно используют свои возможности для целенаправленного воздействия на этнополитические процессы, на сохранение и укрепление межэтнического мира. Образовавшийся вакуум граждане, особенно молодежь, пополняют за счет внешних информационных источников, зачастую являющихся некорректными, направленными на формирование деформированного национального самосознания. Поэтому требуется повышение эффективности региональных и центральных СМИ в вопросе информационного освещения проблем Северного Кавказа.

В этой связи СМИ, особенно финансируемые государственными и муниципальными органами власти, необходимо применять новые конструктивные политические и информационные технологии, особенно при освещении межэтнических, межконфессиональных отношений. При этом важным условием этнополитической стабильности является публикация материалов, посвященных духовной и культурной общности народов, распространению позитивного исторического опыта межэтнического взаимодействия народов региона, привитию уважения к истории, культуре, традициям народов России.

Большое значения для межэтнического согласия имеет объективное освещение исторического прошлого, которое зачастую играет одну из решающих ролей не только в развитии, но также и в урегулировании этнополитических конфликтов.

Примечания

1. *Мадияров А.Б.* Влияние средств массовой информации на формирование идеологии межэтнического согласия: автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. социол. наук. Казань, 1998 15 с.; *Дзуцев Х.В., Гокоева К.В.* Средства массовой информации в контексте общественного мнения населения республик Северо-Кавказского федерального округа России // Гуманитарий Юга России. 2015. № 2. С. 65–79; *Дзуцев Х.В.* Этносоциологический портрет республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации. М.: Российская политическая энциклопедия, 2012. 734 с.; *Кумыкова М.М.* Информационная политика как условие социально-экономической модернизации регионов Северного Кавказа // Северный Кавказ в национальной стратегии России / под ред. В.А. Тишкова. М.: Росинформагротех. С. 219–230; *Кратов Е.В.* О секретах этнополитической стабильности в Карачаево-Черкесии [Электронный ресурс] URL: [http:// www.caucasustimes.com/ru/evgenij-kratov-o-sekretah-jetnopoliticheskoy-stabilnosti-v-karachaevo-cherkesii/](http://www.caucasustimes.com/ru/evgenij-kratov-o-sekretah-jetnopoliticheskoy-stabilnosti-v-karachaevo-cherkesii/) (дата обращения: 10.04.2018).

2. СМИ Кабардино-Балкарской республики [Электронный ресурс] URL: <http://www.smikbr.ru/> (дата обращения: 10.04.2018); Роспечать: состояние и перспективы развития рынка прессы в России [Электронный ресурс] URL: <https://www/adindex.ru/publication/> (дата обращения: 10.04.2018).
3. Там же.
4. Белоновский А.В. и др. Произвольное выделение. Балкарцы хотят увеличить число субъектов РФ // Московский комсомолец. 1996. 20 ноября.
5. Газета Балкарский форум. Независимая газета. 1991. Ноябрь.
6. Решение первого съезда кабардинского народа «О восстановлении Кабардинской Республики // Кабардино-Балкарской республики 1992. 14 января; Газета Хасэ. 1992. Январь.
7. Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии / сост. И.Л. Бабич. М.: Центр по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии РАН, 1994. Т. 1. С. 100, 105.
8. Думанов Х.М. «Правда о границах» // Кабардино-Балкарская правда 1991. декабрь; Атабиев А.Х. «О правде и границах» // Газета Балкарский форум. 1991. Декабрь.
9. Тютюнина Е.С. Еще раз о границах // Независимая еженедельная газета. 1992. 4 февраля.
10. Политика и право в сфере этногосударственных отношений Кабардино-Балкарии / авторы-составители С.И. Аккиева, Х.М. Думанов; отв. ред. М.Н. Губогло. М.–Нальчик, 2001. Т. 1. С. 363–364.
11. Кудоев В. Нужен взвешенный подход // Кабардино-Балкарская правда. 1991 г. 26 ноября; От кого отделяемся? Открытое письмо к народам Кабардино-Балкарии, Верховному Совету КБАССРЮ Верховному Свету РСФСР Кабардино-Балкарского республиканского и Нальчикского городского совета ветеранов войны и труда и Вооруженных сил СССР // Кабардино-Балкарская правда. 1991 г. 27 ноября; Мнение народа – единство Республики // Кабардино-Балкарская правда. 1994 г. 16 ноября; Кроник Р. Проблемы можно решить, сохранив единство Республики (материалы собрания депутатов всех уровней балкарской национальности) // Кабардино-Балкарская правда. 1996 г. 23 ноября; Созаева А. Единство – единственно верный путь // Кабардино-Балкарская правда. 1996 г. 30 ноября.
12. Чочаев М.М. Равноправье – путь к дружбе и согласию. Доклад председателя оргкомитета по проведению первого съезда балкарского народа, народного депутата Верховного Совета КБАССР на первом съезде балкарского народа 30 марта 1991 г. // Кабардино-Балкарская правда. 1991 г. 5 апреля.
13. Информация о референдуме балкарского народа // Балкарский форум 1992 г. Февраль. Постановление Президиума Верховного Совета Кабардино-Балкарской ССР О постановлении Первого съезда балкарского народа «Об образовании Национального Совета балкарского народа» от 26 декабря 1991 г., Постановление Президиума Верховного Совета Кабардино-Балкарской ССР О постановлении Национального Совета балкарского народа «О проведении референдума балкарского народа» от 26 декабря 1991 г. // Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии / сост. И.Л. Бабич. М., 1994. Т. 1. С.101–102.
14. Газета Балкарский форум. 1992. Май.
15. Гучев А.К. Доклад, первый заместитель общественно-политической организации «Адыгэ Хасэ». Проблемы и задачи кабардинского народа на современном этапе» на первом съезде кабардинского народа (10–12 января 1992 г.) // «Адыгэ Хасэ». 1992. Январь.
16. Постановление Верховного Совета КБР от 19 мая 1992 г. проект закона КБР «О съездах народов» // Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии / сост. И.Л. Бабич. М., 1994. Т. 1. С. 141–142.
17. Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии / сост. И.Л. Бабич. М.: Центр по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии РАН, 1994. Т. 1. С. 20.
18. Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии / сост. И.Л. Бабич. М.: Центр по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии РАН, 1994. Т. 2. С. 239, 240.
19. Закон Кабардино-Балкарской Республики от 27 февраля 2005 г. № 13-РЗ статусе и границах муниципальных образований в Кабардино-Балкарской республике. Принят Парламентом Кабардино-Балкарской Республики 17 февраля 2005 г. [Электронный ресурс] URL: <http://docs.cntd.ru/document/802057542>; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2007 г. № 171-О-П «по жалобе гражданина О.Б. Гуртуева

и коллективной жалобе граждан – жителей Кабардино-Балкарской Республики на нарушение их конституционных прав положениями законов Кабардино-Балкарской Республики «Об административно-территориальном устройстве Кабардино-Балкарской Республики», «О статусе и границах муниципальных образований в Кабардино-Балкарской Республике» и Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета. 2007. 19 мая.

20. Резолюции митингов, проведенных жителями сельских поселений: Кенделен, Хабаз, Верхняя Балкария // Вестник балкарского народа 2008. Август.

21. Резолюции митинга адыгской общественности КБР // Газета Координационного совета адыгских общественных организаций КБР. 2010. Январь.

22. *Дауров М.*, редактор газеты «Адыгэ Хасэ» КЧР Черкесский вопрос и проблемы безопасности региона Выступление на международной конференции «Безопасность России на Кавказе: мифы и реальность» // Голос Кабарды. 2011. Декабрь; *Нагоев С.* Геноцид адыгов: трагедия современности; *Шоров А.* Ничто не мешает России и Абхазии признать черкесский геноцид после Грузии // Голос Кабарды. 2011. Июль.

23. Официальные сайты: «Черкесский конгресс» [Электронный ресурс] URL: <http://zerkalov.org.ua/node/5125>; «Черкесский вопрос» // www.elot.ru. за 2009–2010 гг.; Проблемы (адыгов) черкесов в России и за рубежом [Электронный ресурс] URL: <http://gor-morev.narod.ru/index/0-20> и др. (дата обращения: 16.03.2016).

24. *Кусова С.А.* Адыги должны быть представлены на Олимпийских играх в Сочи. Выступление на Круглом столе на тему «Культура и историческое наследие черкесов в современной России и за рубежом: грани государственной политики» // Официальный сайт «Кавказский узел» [Электронный ресурс] URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/232398/>. (дата обращения: 10.04.2018).

25. Официальные сайты: «Черкесский конгресс» URL:<http://www.zerkalov.org.ua/node/5125>; «Черкесский вопрос» // www.elot.ru. за 2009–2010 гг.; Проблемы (адыгов) черкесов в России и за рубежом URL: <http://www.gor-morev.narod.ru/index/0-20> и другие (дата обращения: 16.03.2016).

26. «Черкесский вопрос». Экспертный доклад / отв. ред. В.А. Тишков, сост. И.Л. Бабич. М.: ИЭА РАН, 2014. С. 87–88.

27. *Куприянов А.* Выступление на II Форуме СМИ Северного Кавказа // Ставропольская правда [Электронный ресурс] URL:<http://www.stpravda.ru/2014> (дата обращения: 16.03.2016).

28. Официальные сайты Кабардино-Балкария – мир и мы» [Электронный ресурс] URL:<http://www.sk-news.ru/>; «Кабардино-Балкария сегодня» <http://www.region-07.ru> (дата обращения: 16.03.2016).

29. *Тетуев А.И.* Зарубежная диаспора карачаевцев и балкарцев: история и современность. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. С. 158–160; Официальный портал Некоммерческой организации Фонда содействия развитию карачаево-балкарской молодежи «Эльбрусид» [Электронный ресурс] URL: <http://www.elbrusoid.org> (дата обращения: 02.04.2018).

30. Официальный сайт Российского конгресса народов Кавказа [Электронный ресурс] URL: rknk.rf <http://index.php/rknk-v-smi#> (дата обращения: 02.04.2018).

31. Блогеры республики. Официальные страницы: <http://kbr.livejournal.com/>; <http://a-sult-h.livejournal.com>; <http://nolemocy.livejournal.com> (дата обращения: 12.03.2016).

32. Официальные порталы и сайты: Кавполит» [Электронный ресурс] URL:<http://www.kavpolit.com/series/83/>; Кавказский узел <http://www.kavkaz-uzel.eu/>; Северный Кавказ <http://sevkavportal.ru/news/>; «Кавказ сегодня» <http://www.kavtoday.ru/article/>; www.kavkazgeoclub.ru; Московский кавказский клуб» <http://www.moskavclub.ru>; «On Kavkaz» <https://www.onkavkaz.com/>; «Кавказ таймс» <http://www.caucasustimes.com/> (дата обращения: 10.03.2016).

33. Интернет-тролли: «От «ненормативная лексика» до Анжи: Эпоха «хачей» и др. [Электронный ресурс] «Кашин». Режим доступа //<http://www.kashin.guru/2014/11/05/hachi/> (дата обращения: 25.04.2018).

34. «Негоже на зеркало пенять, коли рожа крива» (русская поговорка) и др. [Электронный ресурс]: Информационный портал Кабардино-Балкарии // [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.kbrinfo.com/index.php?option=com_content&task=view&id=24&Itemid=... 09. 11.2008 (в настоящее время сайт не функционирует). (дата обращения: 10.04.2018).

**INFLUENCE OF MASS MEDIA
ON THE ETHNOPOLITICAL PROCESSES IN KABARDINO-BALKARIA
IN THE PERIOD OF SYSTEM TRANSFORMATION
OF THE RUSSIAN SOCIETY**

Tetuyev Alim Inzelovich, Doctor of History, Leading Researcher of the Latest History Department of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), alim-tetuev@mail.ru

The article is devoted to the study of the actual problem – the influence of regional mass media on the ethno-political processes in Kabardino-Balkaria (1990 – the beginning of the 21st century). The influence of printed editions of republican, municipal and national public organizations on ethno-political processes in the period of centrifugal tendencies is analyzed. The activity of regional commercial printed publications that publish materials that do not reflect the point of view of the authorities is shown: news related to crime, territorial issues and disputes concerning national policy. The influence of the Internet on ethno-political processes in the region is considered. The experience of the portal of the Elbrusoid Foundation and the Russian Congress of the Peoples of the Caucasus on the formation of civil values among young people is summarized. Analysis of other portals and sites devoted to the Caucasus showed that they mainly cover negative factors. In this regard, an important condition for ethno-political stability is the publication in the media of materials devoted to the spiritual and cultural community of peoples, the dissemination of positive historical experience of interethnic interaction among the peoples of the region, inculcating respect for the history, cultures, traditions of the peoples of Russia.

Keywords: mass media, printed publications, the Internet, the state, public organizations, influence, ethno-political processes, stability.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-3-38-55-66

УДК 811.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-3-38-67-71

ОСЕТИНИЗМЫ В СЛОВАРНОМ СОСТАВЕ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

Бижоев Борис Чамалович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), kbigi@mail.ru

Осетинский и кабардино-черкесский языки контактируют уже в течение многих столетий, что не могло не отразиться на их лексическом составе: значительное количество осетинизмов проникло в язык кабардинцев, еще больше кабардинских слов обогатили осетинский язык. Последние получили в лингвистической литературе более широкое освещение благодаря исследованиям известных ученых В.И. Абаева, А.К. Шагирова, Б.Х. Балкарова и других. Что касается иранского пласта кабардино-черкесской лексики, который, за небольшим исключением, состоит из прямых заимствований из осетинского языка, он до настоящего времени остается не до конца исследованным. Данная статья нацелена на то, чтобы частично исправить подобную ситуацию. Часть из анализируемых здесь слов впервые запускается в научный оборот, что касается тех слов, которые разработаны нашими предшественниками, к большинству из них предлагается иной подход, опирающийся на современные возможности этимологического анализа. Прежде всего, более глубокие исследования по адыгским языкам и особенно по их диалектам дают возможность доказать исконное происхождение немалого количества слов, ранее считавшихся иноязычными. В статье осетинизмы разграничены на две группы: слова, которые стали частью кабардино-черкесского литературного языка, и слова, встречающиеся только в том или ином диалекте и говоре. Как правило, это речь жителей тех населенных пунктов, которые граничат с осетинами или же часть которых являются ассимилированными осетинами.

Ключевые слова: осетинизмы, иранизмы, адыгские языки, этимологический словарь, нартский эпос, спирант, аффриката, материальная культура.

Осетинский язык, как известно, относится к иранским, поэтому осетинизмы можно назвать и иранизмами. Однако иранизмы, за небольшим исключением, проникли в кабардино-черкесский язык из непосредственно осетинского – узанские языки контактируют уже целый ряд веков, как и народы – их носители.

Около 70 лет назад В.И. Абаев с сожалением отмечал, что вопросы взаимовлияния осетинского языка с другими северокавказскими языками, в том числе с кабардинским, слишком мало изучены¹. Сложилось так, что за прошедшие после этого замечания годы более или менее подробно освещена проблема влияния кабардино-черкесского языка на осетинский – существует значительное количество публикаций об этом, в том числе и специальная монография одного из ведущих адыгovedов – профессора Б.Х. Балкарова². Что касается обратного процесса, то здесь результат значительно скромнее. Главную причину этого можно видеть в том факте, что в лингвистическом адыгovedении этимология является одной из слаборазработанных отраслей. Тому тоже есть объяснение: эта наука сталкивается с такими трудностями, как отсутствие длительной письменности, с одной

стороны, и малочисленность абхазо-адыгской группы кавказских языков – с другой. Как известно, этимологи опираются прежде всего и больше всего на древние письменные источники и данные родственных языков. При таких условиях единственным выходом для ученых из подобной ситуации остается так называемая внутренняя реконструкция, т.е. привлечение материала из диалектов и говоров адыгских (черкесских) языков. В этом плане у нынешних этимологов имеется преимущество перед своими предшественниками, поскольку в новейшем периоде в научный оборот запущены многие интересные данные по диалектологии, которые ранее были недоступны.

Можно не сомневаться в том, что этимологические исследования в адыгovedении можно и нужно возродить на новом более современном уровне, опираясь на свежие разыскания в области исторического языкознания в целом и диалектологии в частности. Личная практика показывает, что указанная возможность может во многом предостеречь исследователя от характерных для этимологов в прошлом ошибочных выводов.

Наибольший вклад в исследование взаимовлияния кабардино-черкесского и осетинского языков внес известный кавказовед А.К. Шагиров – автор первого этимологического словаря адыгских (черкесских) языков³ и монографии о заимствованной лексике в указанных языках⁴. По его мнению, осетинизмы (аланизмы) в абхазо-адыгских языках относятся преимущественно к сфере материальной культуры и быта. Единичные из них имеют обще-абхазоадыгское распространение, но чаще всего осетинские заимствования оказываются лишь в адыгской или абхазо-абазинской подгруппе, либо только в кабардинском и абхазском языках. В отдельных случаях из адыгских языков осетинизмы перешли в абазинский или пубыхский.

Общеадыгских и общекабардинских осетинизмов отмечается сравнительно немного. В кабардинском языке часть осетинских элементов встречается только в речи его носителей, живущих по соседству с осетинами (например, у лескенских кабардинцев).

В приводимом нами списке осетинских заимствований в кабардино-черкесском языке учитывается и этот диалектный материал.

каб. *арэф* «жерди с крюком на одном конце, используемые как стропила для крыш хозяйственных построек», осет. *æрæф* «рейка, косые стропила».

каб. (лескенское) *ашкынэ* «щипцы для углей», осет. *артскинæ* «то же», в первой части слова осет. *арт* «огонь».

каб. *без* «вощина», осет. *без, бидз/бедзæ* «то же». Для кабардинского допустимо предположить заимствование из иронского диалекта.

каб. *бод* «благовоние, ладан, фимиам» (зафиксировано и в виде *бад*) «ладан росный», осет. *буд/буда* «благовоние, ладан».

каб. (малокабардинское) *губорэ* «кукурузная лепешка, испеченная в золе», осет. (дигорское) *губорæ* «небольшой чурек, пирожок с сыром».

каб. *догуэ* «минутку, подожди», осет. (дигорское) *догæ* (в иронском *дуэ*) «время, период, эпоха».

каб. (лескенское) *кфумыл* «квас», осет. *кфумæл/кфуæл* «квас, брага». В.И. Абаев указывает на возможную связь с осет. *хумæллæг* «хмель»⁵.

каб. *тажьджэ* «сапед, большой плетеный кузов, который устанавливается на арбе при перевозке, например, кукурузы, картофеля», осет. *тæскI/тæскIæ* «корзина, большая корзина».

каб. *тэхъуанэ* «хижина, лачуга», осет. *тохна/тохона* «печь с открытой топкой, камин, каминный дымоход».

каб. *ужьэ* «ласка», осет. *уызын/узун* «еж». Сближение уязвимо в отношении семантики (еж-ласка).

каб. (лескенское) *цыджыр/цыгъыр* «плешивый, с паршой на голове», осет. *цæгæр* «парша, плешь, плешивый».

каб. *цырибон* «самогон», осет. *цæрæнбон* «жизнь». Источником заимствования могла послужить застольная речь осетин, для которой весьма характерно употребление слова *цæрæнбон*, особенно во множественном числе.

каб. *чыржын* «хлеб из кукурузной муки», осет. *кæрдзын/кæрдзин* «хлеб не пшеничный (ячменный, кукурузный, просяной)».

каб. *цълоцъ* «плеть, плетка», осет. *чъенс, чъенси* «лоскуток кожи».

каб. *шэд* «лужа», осет. *цад/цаде* «озеро». (Общеиранское слово, засвидетельствованное в других иранских языках в значении «колодец»).

Перечисленные примеры входят в число тех, которые можно считать более или менее установленными фактами. Однако существует еще немало спорных случаев. Приведем несколько примеров. Кабардино-черкесское *абдж* «стекло» В.И. Абаев считает заимствованием из осетинского языка, сравнивает его с осетинским *авги*, истоки которого он видит в иранском *ар* «вода»⁶. Однако относительно недавно появилась новая версия о происхождении данного слова, где оно этимологизируется на собственной языковой основе⁷. Здесь в качестве возражения оппонентом приводится тот факт, что в осетинском отсутствует слово *ар* со значением «вода», чьим метафорическим значением В.И. Абаев считает *авг* «стекло». Значит оно, по всей вероятности, изначально выступает с прямым значением «стекло» и никто пока не показал на осетинском языковом материале, что оно значит. Если учесть закономерные звуковые соответствия между осетинскими и адыгскими языковыми формами **б:в** (каб. *шыбжый*, осет. *цывзы* «перец») и **дж:г** (каб. *удж*, осет. *уге* «хороводный танец»), осетинское *авг* «стекло» восходит к кабардинскому *абдж* «стекло».

Другой пример: В.И. Абаев предполагает осетинское посредство между грузинским *boloki* и кабардинским *балыджэ* «редька», «редис» (осет. *bulk'bolgæ*)⁸. В совместной с Н.Р. Иванковым публикации мы оспариваем это, поскольку слово *балыджэ* разлагается на три адыгские морфемы – *бэ* «много», *лы* «мякоть плодов и ягод» и *джэ* «тело», т. е. буквально «мякотистое тело». Поэтому кабардинское *балыджэ* не имеет никакого отношения к грузинскому *boloki*, что же касается осетинского *bolgæ*, то исходя из вышеприведенного звукосоответствия **дж:г**, мы предполагаем заимствование из кабардинского⁹.

Примеры можно и дальше продолжить. Так, нет надобности в том, чтобышний раз напоминать о жарких, порой непримиримых, спорах по поводу происхождения тех или иных слов из нартского эпоса, начиная с самого слова «нарт» и далее о именах героев этих героических сказаний – Сосруко, Сатаней, Ашемез, Озермес, Химиш и т.д. Разговор об этом занял бы слишком много времени, можно ограничиться только тем фактом, что сравнительно недавно появилась книга старейшего адыговеда Н.Р. Иванкова, который по этим именам провел новые, весьма интересные, на наш взгляд, исследования, впервые привлекая к делу данные наиболее архаичного западноадыгского диалекта – бжедугского, носителем которого является он сам¹⁰.

Отдельного разговора заслуживает тот факт, что осетинский язык послужил основным толчком для образования одного из говоров кабардино-черкесского языка. Речь идет о речи трех населенных пунктов Лескенского района КБР – Анзоря (Старый Лескен), Второго Лескена и Эрокко.

Основная масса их жителей являются по происхождению кабардинцами, но там живет еще значительное число окабардинившихся осетин. В лескенском говоре встречаются такие особенности, которых нет в литературном кабардино-черкесском языке¹¹:

1. Замена шипяще-свистящего спиранта *жъ* свистящим мягким спирантом *з'*. Например: *иныжъ* → *иныз'* «великан», *лыжъ* → *лыз'* «старик», *ежьацъ* → *ез'ас'* «отправился», *кхъужъей* → *кхъуз'ей* «грушевое дерево».

2. Замена шипяще-свистящего *щ* свистящим мягким спирантом *с'*. Например: *сыкџацъ* → *сыкџас'* «пошел», *щытацъ* → *с'ытас'* «простоял», *къыщыхъуар* → *къыс'ыхъуар* «случилось где», *текџацъ* → *текџас'* «победил».

3. Замена шипяще-свистящего абруптивного спиранта *цІ* абруптивным спирантом *с'І*. Например: *хуацІауц*→*хуас'Іас'* «для него сделали», *цІэпхъуауц*→*с'Іэпхъуас'* «побежал», *яІэцІэкІауц*→*яІэс'ІэкІас'* «убежал от них».

4. Замена латерального спиранта *л* сонорным *р* в междометии *Уэлэхьы!* «валаги!, клянусь»: *Уэлэхьы* →*уэрэхьы*.

5. Замена абруптивной шипящей аффрикаты *чІ* звонкой аффрикатой *дж* в сочинительном союзе «икІи». *ИкІи*→*иджи(и)*.

6. Замена глухого свистящего спиранта *с* свистящей аффрикатой *ц* в словах, образованных от корня *псы*. Например: *псы*→*пцы* «вода», *псынэ*→*пцынэ* «родник».

То, что указанные процессы произошли под влиянием осетиноязычной части населения, подтверждается данными и моздокского диалекта кабардино-черкесского языка, у носителей которого наблюдается аналогичная картина. Как известно, моздокские кабардинцы длительное время живут в тесном контакте с осетинами. Что же произошло? Для осетин было трудно освоение спирантов *жь*, *ц*, *цІ* и они произносили их соответственно как *з*, *с*, *с'І*. Впоследствии, когда говорящие таким образом стали численно преобладать, подобное явление распространилось и на самих кабардинцев.

Кстати, интересно будет отметить, что указанные специфические черты (за исключением перехода спиранта *с* в аффрикату *ц*) характерны и для малкинского говора, но здесь это произошло уже под влиянием абазин, значительное количество которых поселилось в село Малка 2 века назад.

Для подобного влияния «пришлого» языка над коренным, видимо, важную роль играет массовость миграционных процессов. Например, три селения, являющиеся носителями лескенского говора, образуют единый анклав так называемых «анзоровцев» вместе с еще двумя населенными пунктами – Урухом (старое название Коголкино) и Хатуеом. Последние также соседствуют с осетинами, в них также по несколько родов, имеющих осетинские корни, тем не менее в Урухе и Хатуеом население стабильно соблюдает нормы литературного языка на всех уровнях. Причину мы видим в том, что здесь было иное количественное соотношение между носителями кабардино-черкесского и осетинского языков.

В начале статьи приведены слова осетинского ученого В.И. Абаева. Закончим его же высказыванием. Вот о чем он мечтал: «Представляло бы высокий интерес собрать и систематизировать весь этот материал (речь идет о межкавказском лексическом фонде – Б.Б.) и создать таким образом «Сравнительную лексикологию кавказских языков». Такая работа подтвердила бы то, что давно известно этнологам и историкам материальной культуры, а именно, что при всей языковой раздробленности существует единая кавказская этническая культура; мало того, такая работа позволила бы уловить дух и существенные черты этой культуры»¹². Исходя из возможных результатов, проведение подобной работы и сегодня не только осталось, но и стало еще более актуальным в силу происходящих в нашем регионе негативных явлений в области межнациональных отношений.

Примечания

1. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. I. С. 88.
2. Балкаров Б.Х. Адыгские элементы в осетинском языке. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1965. 128 с.
3. Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1977. Т. 1. 290 с.; Он же. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1977. Т. 2. 224 с.
4. Шагиров А.К. Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков. М.: Наука, 1989. 191 с.
5. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.–Л.: 1958. Т. I. С. 270.

6. Там же. С. 84.
7. *Иванов Н.Р.* Избранные труды. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2015. С. 31.
8. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.–Л.: 1958. Т. I. С. 270.
9. *Иванов Н.Р., Бижоев Б.Ч.* Адыгские (черкесские) этимологии // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. № 1 (28). С. 58.
10. *Иванов Н.Р.* Избранные труды. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2015. 360 с.
11. *Утижеев Б.К.* Некоторые особенности речи лескенских кабардинцев // Актуальные вопросы адыгских языков. Нальчик: КБНИИ, 1981. С. 109.
12. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. I. С. 89.

OSSETINISMS IN THE VOCABULARY OF THE KABARDIAN-CIRCASSIAN LANGUAGE

Bizhoviev Boris Chamalovich, Doctor of Philology, Leading Researcher of Sector of the Kabardino-Circassian language of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), kbigi@mail.ru

Ossetian and Kabardian-Circassian languages have been contiguous for many centuries, which could not but affect their lexical composition: a significant number of Ossetians penetrated into the language of the Kabardians, even more Kabardian words enriched the Ossetian language. The latter received wider coverage in the linguistic literature due to the research of the well-known scientists V.I. Abaeva, A.K. Shagirova, B.Kh. Balkarov and others. As for the Iranian layer of the Kabardino-Cherkessia vocabulary, which, with a few exceptions, consists of direct borrowings from the Ossetian language, it is still not fully explored. This article is aimed at partially correcting this situation. Some of the words analyzed here are first launched into scientific circulation, as for the words that were developed by our predecessors, most of them are offered a different approach, based on modern possibilities of etymological analysis. First of all, a deeper study of the Adyg languages and especially of their dialects has the opportunity to prove the original origin of a considerable number of words that were previously considered to be foreign. In the article, Ossetinisms are divided into two groups: words that have become part of the Kabardian-Circassian language, and words that occur only in one or another dialect and dialect. As a rule, this is a speech of residents of those settlements that border on Ossetians or some of them are assimilated Ossetians.

Keywords: Ossetinisms, Iranisms, Adyghe languages, etymological dictionary, Nart epic, spirant, affricate, material culture.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-3-38-67-71

ПРИНЦИПЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ОДНОКОРЕННЫХ СЛОВ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Гузеев Жамал Магомедович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), guzeev-z@mail.ru

В тюркских языках изучению однокоренных слов посвящено немало исследований, в том числе монографических. Анализ их и словарей тюркских языков показывает, что в них между паронимами, вариантами слов (фонетическими, фонологическими и морфологическими) и определенной частью синонимов много внешнего сходства. Это объясняется, во-первых, тем, что синонимы, как и паронимы и варианты слов, часто бывают однокоренными; во-вторых, у этих словарных единиц аффиксы нередко звучат близко. Судя по некоторым исследованиям, посвященным данной проблеме, а также различным словарям тюркских языков, этот факт порою приводит к смешению данных явлений. Основная причина этого заключается в отсутствии единого мнения между лингвистами-тюркологами как в определении паронимов, так и в установлении различий их с внешне сходными с ними явлениями (вариантами слов и однокоренными синонимами), в их ошибочной взаимозамене. Статья посвящена разграничению указанных явлений. С этой целью в ней выявлено определенное количество смешиваемых между собой вариантов слов, паронимов и однокоренных синонимов и на их основе предпринята попытка разработки принципов разграничения указанных явлений на материале карачаево-балкарского языка по данным его словарей.

Ключевые слова: паронимы, паронимический ряд, синонимы, морфологические варианты слов, лексическая валентность, самостоятельные синонимы, затрудненные синонимы, паронимические синонимы, идентификация, фонема.

Поскольку паронимы, однокоренные синонимы и морфологические варианты слова являются однокоренными лексемами и имеют аффиксы, порою близкие по звучанию, лингвисты признают возможность их смешения. Так, по мнению Л.П. Крысина и Л.И. Скворцова, «многообразие словообразовательных средств того или иного языка очень часто вызывает смешение в словоупотреблении однокоренных слов...»¹. В этом можно убедиться, сравнивая такие пары слов карачаево-балкарского языка, как **илгик** (карач.-балк.) – **илгек** (кар.) «петля, крючок», **джууумчу** (кар.) – **джууунчу** (балк.) «одежда, умершего (которую раздают бедным)» и **бурдум** (балк.) «метель, вьюга, пурга» – **бурдух** «скрученный прут», «деталь саней». У каждой пары один и тот же корень (**ил** «вешать, подвешивать что» – **джуу** «мыть, смывать что», «стирать что»), **бур** «крутить, вращать что, ввинчивать, вкручивать что» и аффиксы, близкие по структуре и звучанию (**-гик** и **-гек**, **-умчу** и **-унчу**, **-дум** и **-дух**). Несмотря на близость звучания, аффиксы этих слов различны: в первой паре варианты между собой, во второй и третьей – самостоятельны. В отличие от первой и второй пар, члены третьей пары имеют разные значения. Поэтому **илгик** и **илгек** – варианты одного и того же слова, **джууумчу** и **жууунчу** – однокоренные синонимы, а **бурдум** и **бурдух** – паронимы.

Однако на практике не всегда легко различить сравниваемые лексические явления, так как нет единого мнения среди лингвистов в определении паронимов.

Многие лингвисты при выделении паронимов допускают явную переоценку звуковой стороны лексических единиц в ущерб стороне семантической. Так, паронимами считаются слова, «сходные по звукам»², со сходным... произношением»³, «близкие по звучанию»⁴, «созвучные»⁵. Некоторые авторы паронимами считают не только однокоренные, но и разнокоренные слова, квалифицируя первые полными, а вторые неполными⁶.

Дефиниция термина «пароним» иногда не совпадает даже в работах одного и того же автора. Например, в одной из своих работ О.В. Вишнякова считает, что «паронимы – однокоренные слова, близкие, но не тождественные по значению ... выражающие понятия, различия которых заключаются в частных дополнительных смысловых оттенках, служащих уточнению мысли»⁷, а в другой – «...близкие, но не тождественные по звучанию однокоренные слова..., выражающие различные смысловые понятия»⁸.

Исходя из понимания паронимов как слов, близких или подобных по звучанию, отдельные исследователи утверждают, что они не входят в систему языка, не являются языковым явлением. Так, Л.В. Минаева и В.П. Феденев пишут: «... Имеющиеся лексикографические пособия ... не дают оснований для выделения «паронимов» в отдельную подсистему... При отделении «паронимов» от вариантов слов, неоморфических омонимов, однокоренных синонимов и т. п. возникают непреодолимые трудности, т. к. паронимы не обладают достаточно устойчивыми признаками, позволяющими выделить их в отдельную подсистему»⁹.

Большинство лексикологов считает, что «близкозвучность» слов не говорит о близости их значений, потому что, как мы уже видели, одни слова с минимальными звуковыми различиями не имеют никаких семантических связей между собой, а другие с различным фонетическим составом совпадают по смыслу; ср.: **жыйым** (кар.) «свод, сборник» – **жыйын** (балк.) «группа (для совместного производства работ)» и **адакъа** – **хораз** (балк.) «петух». К тому же вряд ли можно установить предел звукового подобия, которого было бы достаточно для признания слов паронимами и их отграничения от обычного созвучия слов. В одном языке таким пределом может быть различие слов в одну или две фонемы¹⁰, в другом – две или три фонемы¹¹. Возможны и другие данные. Ср., например: в карачаевском варианте карачаево-балкарского языка паронимы **бошлай** (кар.) «даром, бесплатно», «порожняком» и **бошунакъъа** (кар.-балк.) «зря, попусту; бесполезно». Следовательно, при идентификации паронимов критерий звукового подобия (или сходства) совершенно недостаточен.

Смешение паронимов в речи, применяемое некоторыми лексикологами объективным критерием их квалификации¹², также легко оспаривается, так как, во-первых, смешиваться могут не только паронимы, но, как мы уже отмечали, и однокоренные синонимы, морфологические варианты слов и другие лексические единицы, имеющие близкое звучание, а во-вторых, что самое главное, «смешение – признак «опознания» паронимов, но не принцип их определения»¹³.

У лингвистов нет единого мнения и относительно причин смешения паронимов и их ошибочных взаимозамен. Одни из них считают, что смешение зависит от культуры речи¹⁴, другие – от «... невнимательности из-за переутомления говорящего...»¹⁵. Однако вряд ли можно согласиться с ними. Так, в романе известного карачаево-балкарского писателя Б. Гуртуева «Жангы талисман» («Новый талисман») слово **чирик** «гнилой» употреблено вместо слова **чирги** «набитый шерстью весенней стрижки», в рассказе Х. Кулиева «Эгизле» («Близнецы») **боюнчакъ** «галстук» – вместо **боюнлукъ** «шарф, кашне». Эти авторы – высокообразованные писатели, хорошо владеющие нормами устного и письменного литературного языка. Говорящий может быть «невнимательным из-за переутомления...», но не пишущий художественные произведения и не редактирующий их, который обязан исправить непреднамеренные смешения слов и выражений. Поэтому названные

причины смешения паронимов следует считать субъективными. Главная объективная причина смешения паронимов связана, как нам кажется, с общностью их корня и внешним сходством аффиксов у многих из них, так как «звуковая близость слов и морфем часто преодолевает различие или оттолкновение значений»¹⁶.

Абсолютное большинство лексикологов признает, что паронимия – такое же самостоятельное явление, как вариативность слова, синонимия¹⁷ и т.п. Поэтому паронимы должны характеризоваться особыми дифференциальными признаками, обеспечивающими их отграничение от указанных смежных явлений.

Паронимы и однокоренные синонимы имеют следующие основные отличительные признаки:

1) паронимы выражают разные значения, а однокоренные синонимы – одно значение; ср.: **атым** (кар.) «выстрел», «заряд» – **атыш** (кар.-балк.) «стрельба (из ружья, из лука), пуск стрелы» и **базыныулу** (балк.) – **базымлы** (кар.) «уверенный в ком-чем; решительный»;

2) однокоренные синонимы принадлежат к одному семантическому классу, а паронимы – к разным семантическим классам. Например, однокоренные синонимы **ангылаулу** (балк.) – **ангыламлы** (кар.) «понятливый, сообразительный» выражают ум и объединяются в одной лексико-семантической группе, а паронимы **кызыучу** (кар.) «азартный» – **кызыуукъ** (кар.) «вспыльчивый, горячий» входят в различные лексико-семантические группы, первый репрезентирует состояние, второй – характер;

3) лексическая валентность у однокоренных синонимов одинаковая, а у паронимов разная; ср.: **юзгеле** (балк.) «щепка» (**чынар, жерк, кьургъакъ юзгеле** «чинаровые, ольховые, сухие щепки» – **юзгере** (кар.) «загородка (для мелкого рогатого скота)» (эски, жангы, бийик **юзгере** «старая, новая, высокая загородка») и **кечим** (кар.) – **кечю** (балк.) «прощение; пощада» (**кечю** – **кечим барды, жокьду, тиле** «есть прощение», «нет прощения», «просить прощения»);

4) паронимы однозначны, а однокоренные синонимы, как и разнокоренные, бывают и многозначными; ср.: **бузлукъ** (балк.) «мелочь, разменные деньги» – **бузукъ** (кар.-балк.) «изъян, дефект» и **сёгюм** (кар.-балк.) – **сёгюнч** (кар.) «осуждение, порицание», «клевета, навет, хула», «недостаток, порок, изъян»;

5) ряд паронимов обычно состоит из двух членов, а ряд однокоренных синонимов может состоять из десяти и более слов (см. выше);

6) в паронимические отношения вступают только слова самостоятельных частей речи, а в синонимические – слова и служебных частей речи (например: **эм** – **эмда** «и» – союзы, **кьуру** – **жаланда** – **сынгар** (кар.) «только, лишь» – частицы, **чакьлы** – **тенгли** «около, столько» – послелогои);

7) синоним одного компонента паронимической пары не может быть синонимом другого компонента. Так, синонимом паронима **юзгеле** в паронимической паре **юзгеле** – **юзгере** является **жонгурчха** «щепка», а у паронима **юзгере** нет синонима. В паре же однокоренных синонимов синоним одного компонента является синонимом и другого компонента. Например, слово **букьгъуч** (балк.) является синонимом обоих компонентов синонимической пары **букьгъумуч** (балк.) – **букьгъунчакъ** (кар.) «прятки»;

8) антоним одного компонента однокоренной синонимической пары также является антонимом ее другого компонента, а у компонентов паронимической пары этого быть не может. Например, глагол **ачай** (кар.) «проголодаться» является антонимом обоих компонентов синонимической пары **тогъай** (кар.) – **токълан** (кар.-балк.) «наедаться, насыщаться». У паронимов **кьоркьунчулу** (кар.) «опасный, угрожающий» – **кьоркьуюлу** (кар.-балк.) «тревожный, внушающий тревогу» и любых других нет общего антонима, а есть у каждого компонента таких пар свой антоним: **кьоркьунчулу** (антоним **кьоркьунчусуз** «безопасный, не представляющий опасности») – **кьоркьуюлу** (антоним **кьоркьуюусуз** «спокойный»).

Из изложенного вытекает, что основным определяющим признаком паронимов, отличающим их от однокоренных синонимов, является не звуковое различие этих единиц, а их семантическое различие. Однокоренные синонимы, как и разнокоренные, могут быть не только очень близкими, но и идентичными по смыслу. У паронимов значения разные.

Однако не все различия между однокоренными словами, особенно синонимами и паронимами, выразительны. Материал исследуемого языка показывает, что на почве однокоренных слов развивается немало промежуточных явлений между паронимией и синонимией. Например, в семантической структуре довольно многих слов наравне с паронимическими имеются и синонимические значения; ср.: **учхун** (кар.) 1. «пепел»; 2. «искра» – **учхурукъ** «искра», **турум** (кар.) 1. «вид»; 2. «жизнь, житье» – **турмуш** (кар.) «жизнь, житье», **жауун** (кар.-балк.) «дождь» – **жауум** (кар.) 1. «дождь»; 2. «осадки»; **эшме** (кар.-балк.) «коса (женская)»; 2. (кар.) «нитка, связка»; 3. (кар.-балк.) «коревая сыпь; скарлатина» – **эшим** (кар.) «коса (женская)» и др.

В этих примерах имя существительное **учхун** в значении «пепел» паронимично по отношению к имени существительному **учхурукъ** «искра», а в значении «искра» синонимично ему. У слова **эшме** значение «коса (женская)» синонимично значению слова **эшим**, а другие его значения (второе и третье) паронимичны значению последнего.

В тюркологии подобные промежуточные явления между синонимией и паронимией не изучены. В русском языкознании они рассматривались А.И. Пешковским, Р.П. Рогожниковой, Г.П. Галавановой, И.Н. Кузнецовой и другими, которые назвали их по-разному: «затрудненными синонимами»¹⁸, «сомнительными синонимами»¹⁹, «синонимическими паронимами»²⁰. Нам представляются более подходящими термины «паронимические синонимы», «синонимические паронимы», и первый из них применим к однокоренным словам, в которых преобладают паронимические значения, а второй – наоборот.

Промежуточные явления имеют место не только между этими двумя явлениями, но и тремя – паронимами, однокоренными синонимами и морфологическими вариантами слов. Это можно показать на примере значений слов с общим корнем **бош**: **бош** (кар.-балк.) 1. «напрасно, зря, понапрасну»; 2. «недаром, неспроста»; 3. «даром, бесплатно», 4. «просто так»; 5. «слабо, непрочное», **бошдан** (балк.) 1. «просто так»; 2. «зря, без надобности»; **бошлай** (кар.) 1. «даром, бесплатно»; 2. «порожняком»; **бошлайына** (кар. прост.) (то же, что **бошлай**); **бошнагъа** (кар.) 1. «зря, напрасно, понапрасну»; 2. «даром, бесплатно»; **бошнакъгъа** (кар. разг.; то же, что **бошнагъа**); **бошуна** (кар.) 1. «зря, напрасно, понапрасну»; 2. «даром, бесплатно»; **бошунагъа** (кар., разг.; то же, что **бошуна**); **бошха** (балк.) «зря, напрасно, понапрасну».

Сравнение значений этих слов показывает, что между ними существуют варианты, синонимические и паронимические отношения:

1) варианты отношения: **бошнагъа** / **бошунагъа**, **бошнакъгъа** / **бошунакъгъа**;

2) синонимические отношения: **бош 1 – бошха – бошуна – бошнагъа**, **бош 3 – бошуна 2 – бошнагъа 2 – бошлай 1 – бошлайына 1**, **бошха – бошнагъа 1 – бошуна 1**, **бошдан 1 – бош 4**;

3) паронимические отношения: **бошха – бошдан 1**, **бошлай 2 – бошуна 1**, **бошха – бошнагъа 2**.

Сходство внешнего облика сближает паронимы и варианты слова, особенно морфологические. Например, в паронимах **джауун** (балк.) «дождь» – **джауум** «осадки» аффиксы **-ум** и **-ун** отличают согласные (**м**) и (**н**), в вариантах **чалкъы** (кар.) / **чалгъы** (балк.) «коса (с.-х.)» у аффиксов **-къы** и **-гъы** аналогичное отличие: (**къ**) – (**гъ**).

Однако в семантическом отношении эти явления различны: паронимы обозначают разные понятия, а варианты слова – одно и то же понятие.

Не идентичны они и в стилистическом отношении. Паронимы, как правило, стилистически нейтральны. Среди паронимичных слов исследуемого языка нет просторечных, грубых, пренебрежительных, неодобренных и т. п. в отличие от паронимов, один из вариантов слова обычно бывает стилистически ограниченным: **ашура жырна** (кар.) / **ашуру жырна** (кар., разг.) (обрядовое кушанье из кукурузных зерен), **бугьумуч** (балк.) / **бугьунуч** (балк. прост.) «прятки», **жутдакай** (кар.) / **жутдака** (кар. пренебр.) «хапуга, стяжатель; рвач, крохобор, скряга» и др.

Между сравниваемыми явлениями имеются и формальные отличия: 1) паронимы встречаются обычно среди имен существительных, прилагательных, глаголов и наречий, а варианты слова – еще среди модальных слов **баям** (кар.-балк.) / **баян** (кар.) «наверное», звукоподражаний (**гьыжт** (кар.) / **кьыжт** (балк.) (о звуке при откусывании чего-либо), частиц (**окьуна** (балк.) / **огьуна** / **огьунакь** (кар.) «даже», «же», «еще»), послелогов (**сора** (кар.-балк.) / **сонгура** (кар.) «после кого-чего, после того как», «кроме кого-чего; помимо; не только, но и»), союзов **алай** (кар.-балк.) / **алай а** (кар.) «однако, но»; 2) паронимический ряд состоит, как уже указывалось, из двух слов, а слово может иметь три и более вариантов.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Основным признаком паронимов, отличающим их от однокоренных синонимов и вариантов слов, является не звуковое различие этих единиц, а их семантическое различие. Возможность смешения паронимов, части синонимов и морфологических вариантов слов объясняется тем, что они имеют общий корень и аффиксы с близким звучанием. В отличие от однокоренных синонимов и вариантов слов паронимы стилистически нейтральны. Паронимы встречаются только среди существительных, прилагательных, глаголов и наречий, а однокоренные синонимы и варианты слов – и среди других частей речи.

Примечания

1. Крысин Л.П., Скворцов Л.И. Правильность русской речи. М.: Наука, 1965. С. 5.
2. Пешиковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1930. С. 60; Евграфова А.А. Паронимия в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1975. С. 7.
3. Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. 2-е изд. М.: Учпедгиз, 1955. С. 72.
4. Введенская Л.А. Современный литературный язык: лексика, фонетика. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1963. С. 19.
5. Колесников П.Н. Паронимия как стилистическая фигура // Русский язык в школе. 1973. № 3. С. 87.
6. Колесников П.Н. Словарь паронимов русского языка. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1971. С. 4.
7. Вишнякова О.В. Паронимы и синонимы // Русский язык в школе, 1967. № 3. С. 36.
8. Вишнякова О.В. Паронимы современного русского языка. М.: «Русский язык», 1981. С. 53.
9. Минаева Л.В., Феденев В.Б. Паронимия в языке и речи // Вопросы языкознания. 1982. № 2. С. 92–93.
10. Григорьев В.П. Паронимия // Языковые процессы современной русской художественной литературы: Поэзия. М.: Наука, 1977. С. 186; Кузнецова И.Н. Паронимия в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1977. С. 26.
11. Яркова Л.Г. Паронимия в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1979. С. 14–15.
12. Колесников П.Н. Словарь паронимов... С. 3–9; Кузнецова И.Н. Указ. раб.
13. Вишнякова О.В. Паронимы современного русского языка... С. 19.

14. Юханова А.В. Однокоренные слова и культура речи // Когнитивные аспекты лексики. Тверь: ТГУ, 1991. С. 106.
15. Вишнякова О.В. Словарь паронимов русского языка. М.: Русский язык, 1984. С. 19.
16. Виноградов В.В. О процессе развития и разрушения омонимии в кругу соотносительных русизмов и древнеславянизмов // Sledia slavika. Budapest, 1966. С. 439.
17. Евграфова А.А. Указ. раб. 20 с.; Григорьев В.П. Указ. раб. С. 186–240; Вишнякова О.В. Паронимы современного русского языка... 245 с.; Вишнякова О.В. Словарь паронимов... 352 с.; Юханова А.В. Указ. раб. С. 99–113.
18. Пешковский А.М. Указ. раб. С. 36.
19. Галаванова Г.П. К вопросу о роли взаимозаменяемости при выделении и определении синонимов // Синонимы русского языка и их особенность. Л.: Наука, 1972. С. 118.
20. Кузнецова И.Н. Указ. раб. С. 8.

PRINCIPLES OF DISTINCTION OF SINGLE-ROOT WORDS IN KARACHAY-BALKARIAN LANGUAGE

Guzeev Zhamal Magomedovich, Doctor of Philology, Professor, Leading Researcher of the Sector of Karachay-Balkarian Language of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), guzeev-z@mail.ru

In turkic languages many researches, including monographic, are devoted to studying of single-root words. Analysis of them and dictionaries of turkic languages shows, that there are many external similarities between paronyms, word variants (phonetic, phonological and morphological) and a certain part of synonyms in them. It explained by, firstly, that synonyms, as well as paronyms and versions of words, often happen single-root, secondly, at these dictionary units affixes quite often sound close. Judging by some researches, devoted to given problem, as well as various dictionaries of turkic languages, this fact sometimes leads to mixture of the given phenomena. The main reason of it consists in absence of consensus between linguists-turkologists both in definition of paronyms, and in an establishment of their differences with outside similar to them phenomena (versions of words and single-root synonyms), in their erroneous mutual substitution.

The article is devoted to distinction of the specified phenomena. For this purpose, it identified a certain number of mixed among themselves versions of words, paronyms and single-root synonyms and on their basis was made an attempt of development of principles of distinction of the specified phenomena on material of karachay-balkarian language according to its dictionaries is undertaken.

Keywords: paronyms, a paronymic row, synonyms, morphological variants of words, lexical valency, independent synonyms, complicated synonyms, paronymic synonyms, identification, phoneme.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-3-38-72-77

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ ПАРЕМИЙ И СКАЗОК О ЖИВОТНЫХ

Аппоев Алим Каншауович, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», arroe74@mail.ru

В статье рассматривается язык сказок в лингвостилистическом аспекте. Карачаево-балкарские сказки – яркий и разнообразный в жанровом, сюжетном, языковом и художественно-стилистическом отношении пласт устного народного творчества. Сказка является одним из самых крупных, интересных, и необычайно сложных видов народной словесности. Изучение карачаево-балкарских «фауновых» паремий показывает, что их изобилие в фольклоре – явление неслучайное. Многие образы животных, особенно ведущие, видимо, в глубокую старину, перешли из сказок в пословицы и поговорки в виде «готовых моделей», т.е. образов, свободных от пространных первоначальных контекстов, удобных для разговорной речи своей краткостью и обобщающей смысловой силой, художественной образностью паремий.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, паремии, сказки о животных, пословицы и поговорки о животных, лексика, стилистика.

В карачаево-балкарском языке слова *пословица* и *поговорка* передаются термином *нарт сёз*, означающим «уместно сказанное слово», «мудрое слово». Кроме того, параллельно с названным термином в течение многих столетий существуют такие народно-разговорные наименования данного жанра, как *къартланы сёзю* «изречения старцев», *бурунгуланы / эрттегилени / алгъынгыланы сёзлери* «изречения древних» и т.п. О важной их роли в жизни этноса говорит ряд пословиц и поговорок, например: *Нарт сёз къарт болмаз* «Пословица не стареет», *Нарт сёз морт болмаз* «Пословица не заплесневеет», *Нарт сёз – сёзню тамыры* «Пословица – основа (образности) речи», *Нарт сёз, тик болса да, тюз* «Пословица верна, если даже и крута», *Нарт сёз – тилни бети* «Пословица – красота языка», *Нарт сёз – тилни тиеги* «Пословица – клавиша языка»¹.

В паремиологическом фонде карачаево-балкарского фольклора пословицы и поговорки о животных составляют довольно обширный пласт и отличаются большим тематическим разнообразием.

Между сказочной и разговорной речью устанавливается очень тесная связь, наиболее выразительные обороты выходят из разговорной речи, вместе с тем происходит и обратный процесс: определённые сказочные формулы, отшлифованные на протяжении веков, передающиеся из уст в уста, покидая пределы сказки, входят в бытовую речь, способствуя обогащению языка.

В паремиях о животных высмеивается лень, неумение вести хозяйство, незнание природы и повадок животных, небрежное отношение к живности: *Осал тууарчыны ийнеклери сютсюз болур, осал кьойчуну кютген кьою тюксюз болур* «У плохого пастуха – коровы без молока, овцы – без шерсти», *Аман малчы даулашыучу болур* «Плохой скотовод любит спорить», *Осал малчыны кьайнатхан эти*

бишимез «У плохого пастуха мясо не сварится», *Осал малчы кьойгъа барса – ёлю кибик, кьоиша келсе – бёрю кибик* «Плохой пастух идет за стадом – как труп, придет на кош – как волк», *Осал малчы кюн тийгинчи уянмаз, уянса да, кьобуп малын жаялмаз* «Плохой пастух до восхода солнца не проснется, а если и проснется, не может встать и вывести скот пастись».

Многие пословицы и поговорки направлены против праздности, безделья, лени, неумения трудиться: *Ийнек сауа билмегенге арбаз кьынгыр кёрюнюр* «Тому, кто не умеет доить коров, двор кажется неровным», *Иши болмагъан ит-лени суугъа элтир* «Бездельник водит собак к водопою», *Аман кьойчу кьойларын бёрюге кьырдырыр* «У плохого пастуха овец волк задерет». Умеющий же хорошо трудиться получает соответствующую оценку, восхваляются его расторопность, умение, знания: *Иги малчыны тёрт кёзю болур* «У хорошего чабана четыре глаза», *Иги жылкычыны минген аты бек чабар* «У хорошего табунщика конь скачет быстрее».

Некоторые пословицы и поговорки содержат в себе конкретные практические советы: *Жюз атынг болса да, тик энишге минме, бир атынг болса да, тик ёрге тюшме* «Если имеешь даже сто лошадей, не садись, направляясь по склону вниз, если имеешь даже одну лошадь, не слезай, направляясь вверх», *Кьойну сатсанг, жел кюн сат* «Продаешь овцу – продай в ветреный день», *Айыудан кьачсанг, кён-делен кьач* «Убегай от медведя наискосок» и др. В этих императивных паремиях воплощен житейский опыт людей, хорошо знающих местность и ее обитателей. Жители гор хорошо знают, что спускаться по крутому склону на лошади опасно: трудно удержать равновесие, можно свалиться, погубить лошадь и себя. Поэтому надо спешиться, взять лошадь под уздцы и спуститься осторожно, помогая лошади. Смысл второй поговорки заключается в том, что в ветреный день овца пушиста, и покупатель имеет больше возможности по достоинству оценить качество шерсти, что очень важно для людей, занимающихся домашним ткачеством, вязанием, изготовлением бурок, войлоков и пр. Третья поговорка содержит напоминание, что при передвижении по кручам и склонам медведь ловко бежит вверх и вниз, а по диагонали – теряет свою ловкость, четкость пространственной ориентации и скорость бега.

Пословицы и поговорки всегда были эффективным средством воспитания. Образные, легко запоминающиеся, они всегда несли в себе большой этический и эстетический заряд: *Атны игиси – чаришде* «Лучший из коней – на скачках», гласит пословица о социальной активности достойного человека, о его гордости и достоинстве.

В паремиях карачаевцев и балкарцев закрепилось почтительное отношение к лошади: *Ат эрни кьанатыды* «Лошадь – крылья мужчины». Из этой поговорки можно заключить, что лошадь является незаменимым помощником мужчины-воина, труженника, кормильца и т.д., поэтому она ассоциируется с крыльями. Благодаря коню человек мог облегчить свою жизнь, реализовать свои планы, поэтому и говорили: *Ат муратха жетдирир* «Лошадь способствует достижению цели». Конь в целом приносит пользу, о чем свидетельствуют следующие пословицы: *Иги алаша кьарт болса, кьаргъалагъа жеймиши болур* «Если хорошая лошадь состарится, то она станет пищей для ворон»; *Атны кьуйругъундан тутхан суудан ётер* «Ухватившийся за хвост лошади может переправиться через реку»; *Бир атны бойну бла сау жылкыи суу ичер* «Благодаря одной лошади целый табун может утолить жажду» и др. Традиционно лошадь была атрибутом, мерилем богатства: *Кьой – байлыкъ, жылкыи – сыбайлыкъ* «Овцы – богатство, табун – изящество». Отсюда видно, что лошади – большее богатство по сравнению с другими домашними животными. Нарекающий именем мальчика должен был делать большой подарок, каковым в свое время являлась лошадь, об этом свидетельствует паремия *Ат атагъан атха миндирир* «Нарекающий именем посадит на лошадь»².

В пословицах и поговорках о животных беспощадно высмеиваются трусость, лживость, двуличие, легкомыслие, притворство и другие отрицательные черты характера. Таковы, например, паремии: *Къоркъакъ ит арбазында батыр болур* «Трусливая собака в своем дворе смелая», *Къоркъакъ ит орнундан юрюр* «Трусливая собака с места лает», *Къоркъакъ ит жашыртын къабар* «Трусливая собака тайком кусает», *Тюкю къайры барса, къуйругу да ары барыр* «Куда лиса, туда и ее хвост». Отсутствие благоразумия, чувства реальности предается осмеянию: *Чычхан тешигине кеси киралмай эди да ызындан да бир такъмакъ тагъа эди* «Мышь сама не умещалась в норке, а еще груз за собой волочила» и др.

Карачаевцы и балкарцы, их предки всегда с большим презрением относились к хвастовству, невоздержанности, к попыткам демонстрировать грубую силу, к безответственности и безрассудству: *Жукълагъан асланны уятма* «Спящего льва не буди», *Орунундан чыкъгъан итни бёрю ашар* «Собаку, не знающую своего места, волк задерет», *Жукълайды деп, жилинны башын басма* «Не наступай на голову змеи, думая, что она спит» и др.

Некоторые пословицы содержат в себе представления народа о гордости и чувстве собственного достоинства: *Ит ийисгеген сууну аслан ичмез* «Воду, которую нюхала собака, лев не станет пить», *Аслан ач да тюкю токъ* «Лев голоден, да лиса сыта».

В горах особенно важное значение имели дружба, товарищество, умение делить радости и горести соплеменников, умение уживаться. Пословицы подвергают резкой критике неуживчивость, эгоизм, индивидуализм: *Эки макъа бир жалпакъгъа сыйынмаз* «Две лягушки на одном плоскогорье не умещаются», *Тыш кишитик юй кишитикни къыстай эди* «Дворовая кошка выгоняла домашнюю кошку», т.е. выпроваживала из дома). В пословице *Ит биченнге жата эди да кеси да ашамай эди, малгъа да ашатмай эди* «Собака ложилась на сено и сама не ела, и скотине есть не давала» говорится о жадности и эгоизме.

Таким образом, тематический диапазон карачаево-балкарских пословиц и поговорок о животных необычайно широк, и приведенные здесь примеры составляют лишь его малую часть.

Пословицы и поговорки очень живучи. Своей необычайной долговечностью они обязаны не только своей смысловой ёмкости, но и своей высокохудожественной оформленности. А она достигается, как правило, различными средствами, как лексическими, так и стилистическими. Все элементы паремий подчиняются их главной задаче – раскрыть мысль полнее, точнее и ярче, таким образом достичь концентрации мысли, выявления смысла сказанного. В этом смысле карачаево-балкарские пословицы и поговорки о животных могут быть примером архикраткости и отсутствия аморфности. Например: *Артыкъ ёгюзча* «Как лишний вол», *Ат чабса, ит чабар* «Конь поскачет – собака залает», *Макъа да кирген кёлюм терен болсун дейди* «И лягушка хочет, чтобы ее лужа была глубокой».

Типизация явлений – неотъемлемое свойство пословиц и поговорок. При типизации наиболее существенные черты и свойства субъекта выдвигаются на передний план: *Бир ёгюзню бойну бла минг ёгюз суу ичер* «Благодаря одному волу тысяча волов напьются воды», *Бугъаны кючю – бойнунда* «Сила быка – в его шее», *Жатхан бёрю токъ болмаз* «Лежащий волк сытым не будет», *Бёрюню къарынын аягъы асырар* «Живот волка сохранит его нога»³.

Изучение карачаево-балкарских «фауновых» паремий, т.е. паремий о животных, показывает, что их изобилие в фольклоре – явление неслучайное. Использование названий животных в паремиях основано, с одной стороны, на знании их характерных особенностей, свойств и повадок. Например, изречение: *Айыудан къачсанг, кёнденен къач* «Убегай от медведя по склону наискосок» содержит не только мысль о том, что медведь в силу своей неуклюжести и грузности не способен бежать наискосок по склону и догнать преследуемого, хотя это тоже очень

важный и конкретный совет в условиях гор. Ведь не каждый может догадаться, что при беге вверх и вниз медведь проявляет достаточное проворство и развивает довольно высокую скорость. В изречении речь идет, прежде всего, о том, что для того, чтобы добиться победы или успеха, надо знать, с кем имеешь дело, в чем его сила и слабость, достоинства и пороки, что только знание объективной реальности дает возможность правильно рассчитать свои силы и действовать эффективно и правильно.

Карачаево-балкарские сказки о животных имеют архаическую, традиционную присказку, тайный магический язык, что объясняется анимистическим миропредставлением и желанием предостеречь слушателя «от порчи». В частности, во вступлении ряда сказок о животных опорными словами являются лексемы «собака», «змея», «лягушка», «ворон», символизирующие тайную магическую силу, которая должна оберегать слушателей от злой, нечистой силы⁴.

Сходство образов животных персонажей сказок и паремий – неслучайное явление. Многие образы животных, особенно ведущие, видимо, в глубокую старину, перешли из сказок в пословицы и поговорки в виде «готовых моделей», – образов, свободных от пространственных первоначальных контекстов, удобных для разговорной речи своей краткостью и обобщающей смысловой силой, художественной образностью паремий. И, возможно, являлись архикраткими сказками, ступками сказок.

В этом убеждает и существование целого ряда промежуточных явлений типа: «*Эчки уругъа тюшгенинде, бёрюге «къарындашым!»*» – дей эди «Когда коза упала в яму, сказала волку: «Брат мой!», *Къапчыкъны башы ачыкъ тургъанлай, тюбюн тешген къайсыгъызсыз?* – дегенди кишитик чычханлагъа «Когда мешок (кожаный) и так открыт сверху, кто же из вас продырявил его снизу? – сказала кошка мышкам», *Егюз, жаргъа жууукъ барма, манга жюк боласа!* – дегенди эшек «Вол, ко рву близко не подходи, не то станешь мне грузом!» сказал осел». Это – архикраткие сказки о животных, сжатые почти до уровня паремий. Они бытуют в народе чаще всего самостоятельно, отдельно от начальной части сказки. Возможно, что приобретение такой самостоятельности частями сказок когда-то и давало пословицы и поговорки. Последние два образования являются фрагментами и поныне бытующих в народе сказок *Кишитик бла чычханла* «Кот и мыши», *Егюз бла эшек* «Вол и осел». В сказке *Кишитик бла чычханла* повествуется о том, что постаревшая кошка уже не могла ловить мышей и объявила, что теперь она осознала свою вину перед мышами, очень сожалеет о своей былой вражде с ними и решила извиниться перед мышами, помириться. Обрадованные молодые мыши собрались к ней. Но одна старая мышка заявила: «Если знакомые мне усы все еще при кошке, то ничего хорошего она вам не сделает! Не ходите!» Но молодые мыши не послушали ее и пошли. Кошка закрыла дверь, перекрыла другие пути к отступлению и сказала свою ставшую афоризмом знаменитую фразу об открытом мешке и мышиною безнравственности, после чего все серое племя любителей продырявливать мешки было уничтожено. Слова мудрой старой мыши из этой сказки о кошке и ее усах также стали афоризмом и бытуют самостоятельно, и недаром они и им подобные афоризмы включены в сборники вместе с пословицами и поговорками.

Сказки, с детства окружая людей, укрепили в их сознании определенные устойчивые образы животных, ставших как бы носителями определенной нравственности и типа поведения. Трансплантация готовых моделей образов дала мощный импульс к возникновению многообразных и многочисленных паремий о животных. В результате в настоящее время пантеон животных персонажей карачаево-балкарской паремиологии гораздо богаче и шире, чем сказочный. Пословичный и поговорочный фольклор «усеян» яркими, многогранными образами животных, зверей, птиц и тварей, которых не встречаем в сказках.

Примечания

1. *Аппоев Ас.К., Аппоев Ал.К.* Паремии как когнитивный базис национальной языковой картины мира // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2010. № 2. С. 127–130.
2. *Кетенчиев М.Б., Аппоев А.К.* Этнокультурная составляющая зоолексем «лошадь» в карачаево-балкарском языке // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2011. № 2. С. 106–109.
3. *Аппоев Ас.К., Аппоев Ал.К.* Карачаево-балкарские паремии: структура и семантика. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2012. 130 с.
4. *Малкондуев Х.Х.* Карачаево-балкарская народная сказка. Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 184.

INTERTEKSTUALLY OF KARACHAY-BALKARIAN PAREMIUS AND TALES ABOUT ANIMALS

Аппоев Алим Каншауович, Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Researcher of the Karachay-Balkarian Language Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), appoev74@mail.ru

The article deals with the language of fairy tales in the linguistic and stylistic aspect. Karachaevo-Balkarian fairy tales – a stratum of oral folk art that is vivid and diverse in genre, plot, linguistic and artistic-stylistic terms. The fairy tale is one of the largest, interesting, and unusually complex kinds of folk literature. The study of the Karachai-Balkarian “fauna” paremius shows that their abundance in folklore is not a coincidence. Many images of animals, especially those leading, apparently in the past, have changed from fairy tales into proverbs and sayings in the form of “ready-made models”, ie, images, free from the extensive initial contexts, convenient for speaking with its brevity and generalizing the semantic force, the artistic imagery of the pares.

Keywords: Karachay-Balkar language, paremia, fairy tales about animals, proverbs and sayings about animals, vocabulary, stylistics.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-3-38-78-82

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ИЗУЧЕНИИ МЕЖДОМЕТИЙ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

Афаунова Анджела Анатольевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), martazei@mail.ru

В статье анализируются семантические и функциональные характеристики междометий с точки зрения лингвокультурологического аспекта исследования. Здесь впервые рассматриваются междометия не только как грамматическая единица, но и как неотъемлемый компонент языковой картины мира. Особое внимание уделяется эмоциональным и этикетным междометиям, их гендерным особенностям, тексто- и дискурсообразующим и контактоустанавливающим функциям. Только через подобные исследования формируется полноценное отражение языковой картины мира, в общем, и вербальной культуры отдельного народа. В ходе исследования мы пришли к выводу, что, не имея ни грамматических, ни лексических, ни синтаксических нагрузок, междометия выступают одним из самых ярких составляющих эмотивной лексики и являются значимым экспрессивным элементом лингвокультуры кабардино-черкесского языка.

Ключевые слова: лингвокультурология, междометия, коммуниканты, контактоустанавливающая функция, этикетные междометия, дискурсообразование, гендер.

В современной лингвистике язык исследуется не только с точки зрения грамматического строя, но и с культурологической позиции. Многими специалистами ярко продемонстрирована взаимосвязь и взаимозависимость языка и культуры для полного, всестороннего анализа данных сфер науки. Это подтверждает и Э. Сепир, когда пишет, что «когда-нибудь попытка исследования примитивной культуры без привлечения данных языка соответствующего общества будет выглядеть столь же непрофессиональной, как труд историка, который не может воспользоваться в своем исследовании подлинными документами той цивилизации, которую он описывает»¹.

Такая же ситуация и при изучении речи, которое не может быть успешным в отрыве от зондирования культуры исследуемого народа. Нельзя изучать человека в отрыве от своего родного языка, т.к. он, бесспорно, оказывает влияние на формирование определенной картины мира. «Язык представляет собой главную форму выражения и существования национальной культуры»². Речь необходимо рассматривать как часть культуры, как один из способов ее анализа.

Лингвокультурология изучает коммуникативные процессы в их живой связи с этническим менталитетом. Она помогает раскрывать отличительные особенности культуры и быта, колоритность каждой этнической группы. Через свой родной язык человек идентифицирует себя как неотъемлемая часть народа. По словам Постоваловой В.И., «язык – зеркало культуры, отображающее лики прошедших культур, интуиции и категорий миропредставлений»³.

Связь языка и культуры интересовала исследователей всегда, и она находила свое место в работах ученых многих направлений. Различными языковыми элементами, дискурсивными и дискурсообразующими единицами и формируется соразмерный образ мира отдельного народа.

Разработка данной темы является актуальной и требующей внимательного анализа потому, что речь не только средство коммуникации, но и неотъемлемая часть этноса. Как писал В. фон Гумбольдт, именно в языке отражается духовная культура народа⁴.

Исходя из того, что в мире существует множество языков, можно посчитать возможным и наличие стольких же языковых картин мира, т.к. «люди – представители разных национальностей – видят мир сквозь призму своего родного языка»⁵. Тем самым, для исчерпывающего изучения лингвокультуры кабардино-черкесского языка необходимо привлечь все языковые средства, где не последнее место занимают междометия, как представители древнейшего пласта языка.

В связи с этим, цель данной работы заключается в том, чтобы определить роль междометий в языковой картине мира и описать их функционирование в лингвокультурологии как особых коммуникативных единиц.

Во время эмоционального всплеска и сильного возбуждения трудно формулировать правильно построенные и сложные фразы, и человек начинает использовать эмотивную лексику. Одним из важнейших средств выражения эмоций, наряду с мимикой, другими экспрессивно окрашенными словами, служат междометия. Их суть, как языковой единицы, заключается в том, чтобы выражать эмоции, чувства и отношение говорящего к предмету речи. Например: *алыхь-алыхь* – выражает удивление, восторг, тревогу, озабоченность; *уэху* – облегчение, удовлетворение, злорадство; *алоууэхь* – восхищение, восторг, удивление, огорчение, тревогу, сожаление; *бетэмал* – возмущение, недовольство, восторг, сожаление, досаду; *Iay, Iagь, Iэу, Iэгьу* – удивление, боль, испуг, недовольство, восторг, восхищение и т.д.⁶

Пицыхьэцхьэм Апчарэ я унэ кьызырысыжыу кьехьэкI-нехьэкI цымыIэу и анэм жриIац:

– *ЩIэныгьэ амбари, щIэныгьэ хьэми – псори кьахуэнэжащ. Кьээджынуур кьээджащ.*

– *ГуIэгьуэжь мыгьуэти. ЛIы удокIуэ! – жиIэри Хьэбибэ и куафитIым еуэжащ*⁷.

«Вечером, когда Апчара вернулась домой, прямо сказала своей маме:

– Амбар знаний, ток знаний – все остается у них. Отучилась уже.

– *О горе, ты замуж выходишь!* – сказала Хабиба и ударила себя по бедрам».

– *Аджыдэ мыгьуэ, а кьамэ дэгьуэр сэ кьыIэрыхьацэрэт! Абы и зехьэкIэр сэ фэзгьэлгьэунт итIанэ, – и нэр тедияуэ дьжьын кьамэм епIьырт Валерэ.*

«– Эх-х, если бы мне достался этот кинжал! Я бы тогда показал, как его нужно хранить, – не мог оторвать глаз от серебряного кинжала Валера».

Одним из самых ярких пластов лингвокультуры любой этнической группы после эмотивных междометных слов служат этикетные междометия, обозначающие разного рода форм приветствий, прощаний, благодарности и т.д. Для установления контакта людьми, вступающими в диалог, для положительного взаимодействия между представителями разных культур и народов они незаменимы: *уи махуэ* (*тицэдджыжь, пицыхьэцхьэ*) *фIыуэ* («добрый день» (утро, вечер)), *ихошх апиций* (используется для приветствия сидящих за столом), *кьохьусыж* (направлено к человеку, который вернулся из поездки), *фIохьус апиций* («добро пожаловать»), *фIыкIэ* («всего хорошего»), *бохьу апиций* (направлено к пастуху, который пасет скот), *гьуэгу махуэ* («доброе пути»), *упсэу* («спасибо») и т.д. Например:

ХьэцIэр япэ ирегьэцири щIегьэхьэ Екьуб, итIанэ езыри щIохьэри, бжэр кьыхуещIыж.

– *Сэлам алейкум!* – *Жыраслэн афицарым и Iэр еубыд.*

– *Уалейкум сэлам!* – *бысымым и Iэр кьеший, сэлэт хабзэу и льякьуитIыр зэбгьурегьуэ-вэри*⁸.

«Екуб пропускает вперед гостя, затем заходит сам и закрывает за собой дверь.

– Салам алейкум! – Жираслан пожимает руку офицеру.

– Уалейкум салам! – хозяин протягивает руку, по-солдатски ставя ноги вместе».

Сосрыкьуэрэ Бэдынокьуэрэ цызэхуильым, Мэзытхьэ жыгыцхьэм тести, кьапIэри мо нартитIыр щильагьум, кьабгьэдыхьац:

– *Пиэрыхь апиций, щакIулIхэ, – жиIац Мэзытхьэ.*

– *Уи ниэрыхь тхуэбагъуэ*, – *жаIац нартитIым*⁹.

«Когда Сосруко и Бадыноко повздорили, Мазитха [Бог леса] сидел на верхушке дерева и, увидев этих двух нартов, подошел к ним:

– Удачной охоты, охотники, – сказал Мазитха.

– Пусть твоя дичь множится для нас, – сказали два нарта».

Кабардино-черкесский язык располагает богатым арсеналом междометий-приветствий, которые представляют собой идиоматические сочетания с не поддающимся этимологизации концевым элементом *апиций*. Они используются в определенной, конкретной ситуации: *пицэдджыжъ фIохъу апиций* – приветствие, направленное встретившемуся утром; *фо бов апиций* – употребляется при приветствии пчеловода; *хъэм бов апиций* – обращено к людям на гумне, току; *бов апиций* – обращено к человеку, который пашет, занимается уборкой урожая; *бохъу апиций* – направлено к пастуху, который пасет скот; *гъуэгужъ апиций*, *гъуэгуфIыжъ апиций* – адресуется встречному путнику; *гун махуэ апиций* – используется, когда человек подходит к группе людей; *бэвыцъ апиций*, *цыцъ махуэ апиций* – приветствие, направленное стригалям шерсти и т.д.¹⁰ Подобные этикетные формулы, отражая многовековой опыт народа-носителя языка, основанный на его традициях общения, особенностях культуры и психологии, его неповторимый способ образного мышления, представляют собой один из наиболее специфичных слоев языка¹¹.

Следует оговориться, что данные формы используются только в речи мужчин. Женщины пользуются другими формулировками и при встрече интересуются здоровьем, благополучием, делами собеседника.

– *Дауэ уцыт*, Анисэ? *Сыт и хъыбар фи цIалэ цIыкIум?* – *къеупцIац фызыжъым я гъунэгъу Дисэ*.

«– Как дела, Аниса? Какие новости про вашего мальчика? – спросила старуху соседка Диса».

– *Уи узаниагъэр дауэ уцыт*, *дадэ? Дынеблагъэ хъуну?* – *хуэгуфIэу бгъэдыхъац цIыхубз дохутырыр сэлам ихыну шэнттым зыкъытезыIэтыкI лIыжъым*.

«– Как здоровье, дедушка? Можно к вам? – с улыбкой подошла женщина-врач к подминающемуся со стула для приветствия старику».

Гендерный аспект в использовании междометий в кабардино-черкесском языке очень ярко выражен. В речи наблюдается четкое разграничение на «женские» и «мужские» междометия. Причем в речи женщин они используются намного чаще, чем у мужчин: *алеi* («ай», «ой», «ах»), выражает удивление, восклицание), *адыдыд* («ой-ой-ой»), выражает удивление, страх), *асымыгъуэ* («о», «ну», «неужто», «неужели»), *тхъэ*, *алыхъ* («клянусь»), *анна* («о», «ну», «неужто», «неужели»), *Iэстофрилэхъ* («боже!») – «женские»; *Iахъ*, *Iэу*, *Iагъу* («ну!»), выражает удивление или недовольство), *зиунагъуэр бэгъуэн* («подумать только»; «посуди сам»; «надо же!»), *уэлэхъи* («клянусь»), – «мужские». Объяснить это можно повышенной эмоциональностью и экспрессивностью слабого пола, в языке которых просматриваются нежные, ласковые, сентиментальные оттенки чувств, что, по сути, и свойственно женщинам. Также часто употребляются междометия, выражающие сочувствие, сожаление, к которым могут присоединяться частицы *мыгъуэ/гуицэ*: *ана мыгъуэ*, *алеi гуицэ*:

*Быхуэ и хъэфиз башыр зыцIигъакъуэри къэувыIац, зыцIэдэIукIац. – Ана! ДэнэIэ цыIэ Бибей сымэ?*¹²

«Буха оперлась на трость, встала и прислушалась. – Ну! Где же Бибей и остальные? – Междометие *ана* выражает удивление, интерес».

*КъантIасэ гъуэлъыпIэ нэзым етIысэхри и пхъум и цхъэм Iэ ижъыр трилъхъац: – Ана-а, дауэ къомыгуэрэ (цхъэр)? А Iей гуицэ, лыгъейр къытцIэнауэ уес мыгъуэри атIэ, узыхъ сызыхуэхъун*¹³.

«Кантаса села на край кровати и положила правую руку на лоб дочки: – Как же не болит (голова)? О боже, да ты горишь, бедная моя». В предложении междометие *ана-а* выражает удивление, а *лей гуцэ* выражает переживание, беспокойство.

В «мужских» же, напротив, присутствуют более обрывистые, резкие, грубые, «ломаные», грозные звуки и в большей степени используются звонкие согласные в начале и в конце слова.

(*Лыжытлым я зэпсалъэ*):

– *Атлэ а Мэчрэтил ару жалэ абы и кьуэр кьызыхуильхуар.*

– *Гэ-у-у! Тхэ сыгьылэ, иджы мис ар зэхэмыхат*¹⁴.

«(Разговор двух стариков:) – Итак, говорят, что ее сын от Мачраила.

– Да, ну! Клянусь, вот этого я не слышал».

– *Ей зи унагьуэр бэгьуэн, ар дауэ хьун? – Ар цызэхихым, Зырамыку и цхьэр хуэму-рэ кьилэтри зы наплэзылэклэ Мурат кьылулцац*¹⁵.

«– Подумать только, как это возможно? – Услышав это, Зирамук медленно поднял голову и на мгновение посмотрел на Мурата».

Как показывают наши наблюдения, наиболее ярко различия «женских» и «мужских» междометий обнаруживаются в формулах благопожеланий, проклятий, клятв, приветствий.

Сказанное не означает, что нет соприкосновений между этими пластами междометной лексики. Безусловно, в языке присутствует и группа «общих» слов, используемых как мужчинами, так и женщинами: эмотивные – *еу-уей* («эх», «ай-ай», «ах, как жаль»), *бетэмал* («ах», «ох», выражает сожаление, досаду), *дыдыд* («ой-ой-ой», выражает чувство сожаления, огорчения), *и-и* («что?»), *енэсынэ* (выражает упрек, возмущение), *ель ар* («посмотри на него/нее») и т.д.; этикетные – *уи махуэ* (*пицэдджыжьэ, пицыхьэцхьэ*) *флыуэ* («добрый день» (утро, вечер)), *гьуэгьу махуэ* («счастливого пути»), *кьэблагьэ* («добро пожаловать»), *нэхульэфл укьикл* («спокойной ночи») и т.д.

– *Еу-уей, тхэмыцккэ цыкьлу мыгьуэ, – кьришэжьсац ар (Рузинэ) Лушэ Гэнэмккэ*¹⁶.

«– Ох, бедненькая, – провела ее (Рузину) Луша к столу».

(*Мэжид, Ильяс хуэгьэзауэ*): – *Еууей! Алыхьым и гуэныхь кьыхуигьэгьу (Арон)*¹⁷.

(Мажид, обращаясь к Ильясу) – Ох! Пусть Аллах его (Арона) простит».

Доказано, что междометия являются своеобразной частью речи, которая является неотъемлемым элементом эмоциональной сферы человека. Как компонент языковой картины мира, они выступают и в качестве дискурсообразующего и фатического элемента и играют огромную роль в коммуникативном поведении человека.

К примеру, в последующем предложении с помощью междометия *а сымыгь-уэжьт!* автор задает оттенок всему высказыванию и собеседник примерно понимает отношение говорящего к предмету речи – ужас, переживание, испуг и т.д. Тем не менее, для того, чтобы обстоятельнее раскрыть данную эмоцию, автор приводит дальнейшее суждение:

– *Софят... А сымыгьуэжьт!.. – ерагьккэ псалъэхэр кьыдришейурэ, нанэ пэгуныр егьэ-уври хьыджэбзхэм кьабгьэадыадэ. – Сьт, Софят, сьт кьытыццар, си хьыджэбз кьуэ?*¹⁸

«– Софят... О ужас!.. – еле проговаривая слова, бабушка ставит ведро и подбегает к девушке. – Что, Софят, что с тобой случилось, девочка моя единственная?»

(*Анэм, и кьуэ Заурбэч хуэгьэзауэ*): – *Мырелърэ мыр! И адэ и кьуэцц, плацккэ жьыхуагэр ицккьым.*

«(Мама, обращаясь к сыну Заурбеку:) – Смотри на него! Сын своего отца, не знает, что такое торопиться».

В данном высказывании междометие *мырельрэ мыр!* выражает упрек, осуждение, и последующее предложение это поясняет.

Междометные слова ориентированы на определенного адресата речи, и употребляются для активизации внимания и вовлечение его в процесс диалога. Большинство междометий многозначны, и их значение как дискурсообразующего элемента уточняется и детализируется в конкретном речевом акте. Поэтому семантика междометий в определенной степени условна.

Подводя итоги, надо сказать, что главным условием существования и сохранения любого народа является наличие национального языка, т.к. через него выражаются национальное самосознание и самоосмысление как отдельного народа со своими культурными, языковыми, этническими особенностями. Такие дисциплины, как лингвистика и культурология, неотъемлемая часть миропонимания этноса и самосознания человека, и исследование их не может проводиться отдельно друг от друга.

Примечания

1. *Сенур Э.* Статус лингвистики как науки. URL: <http://www.philology.ru/linguistics/1/sapir-93c.htm> (дата обращения: 02.07.2018).

2. *Ахметзянова Ф.С., Усманова Ф.С.* Языковая картина мира и лингвокультурология // Современные проблемы управления образовательными, социально-экономическими и техническими системами. Материалы II Межрегиональной научно-практической конференции. 2010. С. 12–17 URL: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=569867&pubrole=100&show_refs=1&show_option=0 (дата обращения: 05.07.2018).

3. *Постовалова В.И.* Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (К проблеме оснований и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 25–37. С. 30.

4. *Гумбольдт Вильгельм фон.* Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 64.

5. *Хежева М.Р.* Семантика и символика чисел в кабардино-черкесском языке. Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. С. 21.

6. *Афаунова А.А.* Семантико-грамматический анализ междометий и звукоподражаний кабардино-черкесского языка. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2012. С. 51.

7. *Кыцоккыуэ А.* Щынэхужыккыуэ // Кыцоккыуэ А. Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхъесауэ. Налшык: Эльбрус, 2006. IV т. Н. 3–183.

8. *Кыцоккыуэ А.* Эмирым и сэшхуэ // Кыцоккыуэ А. Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхъесауэ. Налшык: Эльбрус, 2005. Том III. Н. 2–435.

9. *Нартхэр.* Къэбэрдей эпос. Налшык: Эль-Фа, Тхыль тедзапIэ компании «Ашэмэз», 1995. 560 с.

10. *Афаунова А.А.* Семантико-грамматический анализ междометий и звукоподражаний кабардино-черкесского языка. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2012. 128 с. С. 47.

11. *Кумыкова Д.М.* Лакунарность фразеологических единиц в кабардино-черкесском и русском языках // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук. 2017. № 1 (32). С. 75.

12. *МафIэдз С.* ЦIакIуэ фIыцIэ // МафIэдз С. Тхыгъэхэр: Т. 1. Налшык: Эльбрус, 1995. 246 н.

13. *ЩоджэныIыкIу I.* Софят и гьатхэ // ЩоджэныIыкIу I. Тхыгъэхэр: томищым щызэхуэхъесауэ. Налшык: Эльбрус, 1989. Т. 3. Н. 7–235.

14. *Къэрмоккыуэ М.* Щихухэр иджыри мэкI. ТхыльытIу зэхэлъ роман. Налшык: Эльбрус, 1988. 480 н.

15. *Теунэ Хь.* Шэджемоккыуэ лъэпкыыр // Тхыгъэ нэхьыщхъэхэр томитIу. ЕтIуанэ Iыхъэ. Налшык, Эльбрус. 1980. 568 н.

16. *ШэджыхъэцIэ Хь.* Тэрч шыхъэтц. Роман. Налшык: Эльбрус, 1987. 392 н.

17. *Бозий Л.* ЩыкIыр икIэ мэхуэ // ГъащIэ гъуэгуанэ. Повестхэмрэ рассказхэмрэ. Налшык: Эльбрус, 2003. 279 н.

18. *ШоджэңцЫкIу I. Софят и гъатхэ // ШоджэңцЫкIу I. Тхыгъэхэр: томищым щызэ-хуэхъэсауэ. Налшык: Эльбрус, 1989. Т. 3. Н. 7–235.*

LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT IN STUDYING OF KABARDIAN-CIRCASSIAN INTERJECTIONS

Afaunova Andzela Anatolevna, Candidate of Philology, Researcher of the Kabardino-Circassian language Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), martazei@mail.ru

The article analyzes the semantic and functional characteristics of interjections from the point of view of the linguocultural aspect of the study. Here interjections are considered for the first time not only as a grammatical unit, but also as an integral component of the linguistic picture of the world. Particular attention is paid to emotional and etiquette interjections, their gender characteristics, text-and discourse-forming and contact-setting functions. Only through such studies is formed a full-fledged reflection of the linguistic picture of the world, in general, and the verbal culture of an individual people. During the study, we concluded that, having no grammatical, lexical, or syntactic loads, interjections are one of the most striking components of emotive vocabulary and are a significant expressive element of the Kabardian-Circassian language linguistic culture.

Keywords: cultural linguistics, interjections, communicants, contact stop function, etiquette interjections, discourse, gender.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-3-38-83-88

ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЮЗОВ И СОЮЗНЫХ СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Мусуков Борис Абдулкеримович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), kbigi@mail.ru

Махиева Людмила Хамангериевна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), liudmila.makhiieva@mail.ru

В статье подвергаются научному анализу союзы и союзные слова, определяется их место в системе служебных частей речи и в лексикографии исследуемого языка. В ней рассматриваются формально-семантические особенности союзов и союзных слов, связывающих части словосочетания, предложения и отдельные слова, входящие в их состав; отмечается, что эти слова определяют, квалифицируют то отношение, которое устанавливается между соединяемыми частями конструкции, а в отдельных случаях (при подчинении) – и само содержание подчиняемой части. В работе обращается внимание на то, что союзы и союзные слова оформляют такие виды отношений, как соединительные для выражения смысловой связи между однородными компонентами конструкций; разделительные, выражающие значение взаимного исключения; противительные, выражающие значения противоположности, противопоставления одного явления, действия или предмета другому. Подчеркиваются функциональные особенности коррелятов, выступающих как в значении самостоятельной части речи, так и служебной с учетом особенностей их лексикографирования. Источником данного исследования явились словари, фольклорные и художественные тексты.

Ключевые слова: союзы, союзные слова, подчинительные союзы, сочинительные союзы, соединительные союзы, разделительные союзы, противительные союзы, союзная пауза.

Актуальность выбора данной темы обусловлена, в первую очередь, недостаточной разработанностью многих вопросов грамматического строя современного карачаево-балкарского языка, связанного с морфологией служебных частей речи, грамматическими категориями и т. д.

Цель настоящей статьи – выявление лексико-семантических, функционально-семантических, стилистических и синтаксических особенностей союзов и союзных слов в составе конструкций различной сложности.

Союзы – служебные слова, связывающие части словосочетания, предложения и целые предложения, и отдельные слова, входящие в их состав. По своему морфологическому составу они делятся на простые – первообразные, неразложимые на составные части: *бла, да, эм, сора, ансы, а, уа, не*, и сложные, которые исторически состоят из двух частей: *неда – не+да; эмда – эм+да; дагъыда – дагъы+да; огъесе – огъай+есе*, и составные: *алай болса, алай болса да, алай болгъанлыкъгъа, алай болгъанлыкъгъа да, алай болгъаны ючюн, алай болгъаны ючюн да, не ючюн десенг, не ючюн десенг да, нек десенг, аны ючюн, аны себепли, аны себепинден*.

Союзы не имеют собственного лексического значения, самостоятельного функционирования и не принимают ни грамматических показателей, ни словообразовательных морфем. Союзы, как средство связи, выражают различные смысловые оттенки, не являются равноценными лексическими единицами не только с точки зрения синтаксической связи, но и по значению и стилистическим особенностям.

Простые, сложные и составные союзы в повторном и парном видах не употребляются.

Некоторые простые союзы, такие, как *да*, *а* представляют собой омонимы частиц.

Деепричастия и словосочетания в карачаево-балкарском языке, как в турецком языке, не выступают в функции подчинительных союзов и поэтому не являются союзными (относительными) словами.

Союзные слова в отличие от союзов, как в русском, так и карачаево-балкарском языках, «не только выражают синтаксические отношения придаточного предложения к главному, но и являются членами придаточного предложения. Указывая на одно из слов главного предложения, замещая это слово в придаточном, союзные слова вместе с тем определяют отношение придаточного предложения к главному»¹.

Синтаксическая роль союзных слов в предложении заключается в том, что они участвуют в его структурно-смысловой организации.

По типу связи между словами, словосочетаниями, предложениями, по функции в речи, по своему значению и синтаксическому употреблению союзы делятся на сочинительные и подчинительные.

Сочинительные союзы выражают синтаксические отношения между равноправными однородными членами простого предложения и между равноправными частями сложносочиненного предложения.

Сочинительные союзы по своему значению подразделяются на соединительные (*бла*, *да*, *эм*, *эмда*, *сора*, *дагъыда*), разделительные (*не...не* «или...или»; *неда* «или»; *бир...бир* «то...то»), противительные (*а*, *уа* «а»; *алай а* «но»; *алай болгъанлыкъгъа*, *алай болгъаны ючюн* «хотя, несмотря на это»)².

Соединительные союзы служат для выражения смысловой связи между однородными членами предложения, однородными частями сложносочиненных предложений. Они обозначают отношения одновременности, однотипности, последовательности, обеспечивая тесную логическую связь между соединяющимися компонентами.

Союз *да* «и» омонимичен с усилительной частицей *да*, употребляется между однородными подлежащими, сказуемыми, дополнениями, а также однородными компонентами сложносочиненных предложений, служит для соединения следующих друг за другом действий, выраженных однородными членами предложения, сопровождаемых перечислительной интонацией: *Хасания элни сууу да, Акъ суу элни сууу да бирге къошуладыла* «И речка с. Хасанья, и речка с. Ак суу сливаются вместе». *Келди да, кетди* «Пришел и ушел». *Эшик ачылды да, устаз классха кирди* «И дверь открылась, учитель вошел в класс». *Эшик да ачылды, устаз классха кирди* «Дверь открылась, учитель и зашел в класс». *Эшик да ачылды, устаз да классха кирди* «Дверь открылась и учитель вошел в класс».

Союз *да* в некоторых случаях употребляется и между компонентами сложноподчиненных предложений, т. е. в конце придаточного предложения причины, предшествующего главному: *Автобус келмеди да, биз шахаргъа баралмадыкъ* «Автобус не пришел и поэтому мы не смогли поехать в город». В отличие от некоторых союзов при соединении членов предложения союз *да* выражает сильный логический акцент; при соединении предложений указывает на тесную логическую связь между ними. В остальных случаях своего употребления союз *да* выполняет факультативные функции, может заменяться интонацией – союзной паузой. Интонация («союзная пауза»), как результат замены союза, по своему значению бывает

сочинительной и подчинительной. Союзная пауза с помощью соответствующей интонации выражает в зависимости от общего значения однородных предложений – различные сочинительные отношения: *Къонгуроу да къагъылды, сабийле да класлагъа жайылдыла* «И звонок прозвенел, и дети собрались по классам». *Къонгуроу къагъылды, сабийле да класлагъа жайылдыла* «Прозвенел звонок и дети собрались по классам».

Союз *да* может использоваться и в одиночном употреблении в эмоционально или экспрессивно окрашенных предложениях, обозначающих непосредственное следование одного действия за другим.

Союз *да* может использоваться и в повторном употреблении для соединения однородных членов предложения, однородных простых предложений: *Ол да, мен да, бирсиле да юйге келдик* «И он, и я, и другие пришли домой». При употреблении данного союза в сочинительных целях выражается соответствующая интонация. Сочинение обеспечивается и вопросительной интонацией, выражаемой с помощью вопросительной частицы *-мы// -ми, -му// -мю*, которая ставится после сказуемого в конце предложения: *Ол да, сен да, бирсиле да ары бардыгъыз-мы?* «И он, и ты и другие туда поехали?»

Интонация в сложносочиненных предложениях не оказывает влияния на порядок следования простых однородных предложений. Высокая интонация, свойственная сложноподчиненным предложениям, т. е. главному предложению, – подчиняющей части – в сложносочиненных предложениях не функционирует.

Союз *бла* омонимичен с послелогом *бла* того же звукового состава и поэтому с точки зрения употребления их нельзя смешивать. Отличительной особенностью является то, что при употреблении *бла* в значении послелога обращается внимание на соучастника действия, в то время как в значении союза *бла* соединяются между собой однородные члены предложения: *Иш бла аш къарындашдыла* «Работа и еда братья» (*пол.*). В рассмотренном предложении союз *бла* соединяет однородные члены предложения, находясь между ними. Сказуемое предложения выступает во множественном числе. Если несколько изменить порядок употребления союза *бла*, к примеру, расположив его в конце однородных членов предложения, то *бла* функционирует в значении послелога: *Иш аш бла къарындашдыла* «Работа с едой – братья».

В отдельных случаях союз *бла* употребляется и в значении разделительного союза со значением «или ... или»: *Мен къатын алмам бир муратыма жетмейин, Омар бийден бла менден бирибиз бу Холам элден кетмейин* (Из песни «Бек-Болат») «Я не женюсь, не исполнив свое желание: пока или я, или князь Омар не покинут Хулам».

Союз *бла* выступает и в словосочетаниях с двумя или более однородными членами, повторно между ними не употребляясь и не соединяя компоненты сложносочиненного предложения. Он соединяет только те однородные члены предложения, в качестве которых функционируют имена существительные или субстантивированные слова. Он употребляется, соединяя подлежащие простых предложений (*Пушкин бла Вяземский бир кече бара эдиле къараторгъа минип* (К. Кулиев) «Пушкин и Вяземский ехали в одну ночь, сев на темно-гнедого коня»), соединяя подлежащие попарно (*Ол заманда Хызыр бла мен бирге, Ахмат бла Далхат' а бирге ишлей эдик* «В то время вместе работали Хызыр и я, а также Ахмат и Далхат»), соединяя однородные дополнения, обстоятельства так же, как и однородные подлежащие. Союз *бла* может связывать два сказуемых, выраженных именами существительными, в которых предикативный аффикс присоединяется только ко второму сказуемому: *Ала бир бирге эгеч бла къарындашдыла* «Они друг другу брат и сестра». Сказуемые таких предложений могут употребляться и без союза *бла*: *Ала бир бирге эгеч, къарындашдыла* «Они друг другу брат, сестра».

Соединительные союзы *эм*, *эм да* «и», «а также» соединяют однородные члены предложения и обе части сложносочиненного предложения, выступают как в одиночном, так и удвоенном употреблении: *Адамла тойда кюлдюле эм ойнадыла* «Люди на свадьбе смеялись и играли». *Адамла тойда кюлдюле эм да ойнадыла* «Люди на свадьбе смеялись и играли». Данный союз относится к числу простых (однословных) союзов, неоднородных по своему формальному (строению) – элементарных, состоящих из одного слога; не имеет соответствия среди других частей речи, т. е. употребляется в языке только в качестве союза. Для придания большей экспрессивности соединяющимся компонентам к союзу *эм* прибавляется безударный звуковой комплекс *да*. В виду того, что энклитика *да* не снабжена самостоятельным ударением, не может квалифицироваться как частица. По отношению к сочинительному союзу *эм* семантически разграничивающую функцию выполняет специальный конкретизатор *да*, т. е. звуковой комплекс, который подключается к союзу и уточняет его значение. В союзном соединении, образовавшемся при участии конкретизатора, отмечается распределение функций между самим союзом *да* и элементом *да*, конкретизирующим его значение. В данном случае конкретизатор *да*, связываемый с простым союзом *эм*, становится его компонентом.

Союз *эм* употребляется для соединения однородных действий, следующих друг за другом: *Чалгы чалгъан эм да тюз жерде гебен тартхан тынч иши туююлдою* «Косить траву на ровном месте не легкая работа». Союз *эм да*, употребляясь в конце однородных членов предложения перед последним словом, показывает завершение перечисления. Союз *эм* связывает и все второстепенные члены предложения.

Союз *не* «и» соединяет однородные члены простого предложения – как главные, так и второстепенные, а также простые предложения сложносочиненного предложения: *Ауругъан ашамайды, ичмейди не жукъламайды* «Больной не ест, не пьет и не спит». В простых предложениях, в которых главные и второстепенные члены связаны между собой с помощью союза *не*, и сложносочиненных предложениях, в которых простые предложения также связаны между собой с помощью этого союза, сказуемые употребляются в отрицательной форме. Союз *не* «и» особенно употребляется в повторном виде: *Ауругъан не ашамайды, не ичмейди, не жукъламайды* «Больной и не кушает, и не пьет, и не спит». Союз *не* «и» употребляется между однородными членами предложения и частями сложносочиненного предложения, сопровождаемыми перечислительной интонацией или же интонацией последовательности, или же в отдельно взятом случае только перед замыкающим компонентом однородных членов предложения. К союзу *не* в таких предложениях прибавляется для усиления сочинительного соположения однородных членов предложения, или же для придания большей экспрессивности, конкретизатор, т. е. звуковой безударный комплекс *да*, в целом уточняя его значение. В сложносочиненных предложениях данный союз в большинстве случаев располагается перед простыми предложениями: *Мен аны юсюнден не адамдан эшитмегенме, не китапда окъумагъанма, не кинода кёрмегенме* «Я об этом человеке и от людей не слышал, и в книге не прочитал, и в кино не видел».

Безударный фонетический комплекс *да* употребляется в соответствии со своей позицией после союза *не* с отрицательной или с положительной формой сказуемого. Уточнитель *да* самостоятельно без союза *не* может осуществлять связующей функции или же указать на синтаксическую связь между однородными членами предложения и простыми предложениями в составе сложносочиненного предложения. *Да*, хотя и выступает модальным конкретизатором и подключается к союзу *не* и принимает участие в оформлении связи между словами и предложениями, не может выполнять функции аналога союза. Союзный комплекс *не да* можно рассматривать как двухместный союз, представляющий собой сцепление двух формально не совпадающих и позиционно разделенных компонентов. *Да* можно квалифицировать

как семантически неспециализированный конкретизатор, участвующий в соединении, основанном по схеме «союз + конкретизатор». Семантически неспециализированный конкретизатор *да* всегда располагается во второй части конструкции и пишется раздельно от союза *не*, так как на него ударение не падает.

Разделительные союзы – это служебные слова, выражающие значение взаимного исключения, чередование явлений, действий, указывают на реализацию одного из приведенных явлений, действий, употребляются в одиночном, повторном виде в простых и сложносочиненных предложениях и служат для связи однородных членов предложения и частей сложного предложения. При помощи разделительных союзов дифференцируется синтаксический вид связи – ее сочинительный характер. Выполняя связующую функцию, разделительные союзы осуществляют и квалифицирующую функцию, обозначая отношения между соединяемыми предложениями и их членами. Например, союз *бир...бир* (*бир ... бир да*) в карачаево-балкарском языке употребляется для выражения ограничительного значения чередуемости действий, указывает на их осуществление, повторяясь перед однородными членами предложения и частями (компонентами) сложносочиненных предложений, употребляется для выражения значения последовательности, регулярной повторяемости явлений и действий, очередности, обозначая более конкретную разделительность. Данный союз адекватен союзу *то...то* русского языка: *Жел бир шуулдай эди, бир шош бола эди* «Ветер то шумел, то стихал». *Бир жауун жауады, бир кьар жауады* «То идет дождь, то идет снег». Разделительные союзы *не* (*не да*) и *бир...бир* синонимичны между собой с точки зрения выполнения ими квалифицирующей функции. К последнему из повторяющихся союзов *бир...бир* для придания разделительности бóльшей экспрессивности добавляется безударный звуковой комплекс *да*.

Слово *бир* в одиночном употреблении не выполняет функции союза. Для этого оно должно употребляться повторно. Форма *бир...бир-де*, показывая завершение счета, употребляется между последними двумя однородными членами предложения или же простыми предложениями.

В разговорном языке в функции составного союза *бир...бир* выступают составные союзы *бир...бирде*, редуцикат которого дается в форме местного падежа, и *кьайда...кьайда*: вместо *Кюн бир жауа, бир аяза турады* «То идет дождь, то проясняется погода» употребляется *Кюн кьайда жауа, кьайда аяза турады* «То идет дождь, то погода проясняется». Не сложно заметить, что союз *не* образовался от определительно-отрицательного местоимения, а союз *бир...бир* – от количественного числительного.

Союз *огъесе* отмечается преимущественно в одиночном употреблении только в вопросительных предложениях. Он соединяет главные и второстепенные члены предложения и простые предложения сложносочиненного предложения. Союз *огъесе* связывает два однородных члена предложения и два простых предложения. По этой причине он и в простом, и сложносочиненном предложениях употребляется единожды, во всех случаях выражая значение взаимного исключения: *Машинамы, огъесе трактору келгенди?* «Машина приехала или трактор?»

Противительные союзы выражают значения противоположности, противопоставления, употребляются в простых и сложносочиненных предложениях, противопоставляют одно явление, действие и предмет другому явлению, действию, предмету.

Из всех противительных союзов наиболее употребительным является *а(уа)*, едва ли не единственный союз, который связывает однородные члены предложения. По функциональным особенностям союзы *а* и *уа* не отличаются друг от друга, отличаются только внешней формой и произношением. Если противопоставляемый компонент оканчивается на согласную фонему, то употребляется вариант *а*, если же на гласную фонему – то употребляется его разновидность *уа*: *Мен юйге келдим, башиха жары уа баралмадым* «Я пришел домой, а в другое место не смог пойти». *Хасан бахчада ишлейди, Лиза уа алма жыяды* «Хасан работает в огороде,

а Лиза собирает яблоки». *Лейла дерследен келди, Расул а тюкеннге барады* «Лейла пришла с занятий, а Расул идет в магазин».

По своему формальному строению союзы *a* и *ya* относятся к простым (однословным) союзам, являются элементарными, т. к., состоят из одной фонемы и одного слога. Квалифицирующим значением союзов *a* и *ya* является то, что они характеризуют (определяют, квалифицируют) то отношение, которое существует между противительными компонентами конструкции. Они оформляют противительные отношения; между противопоставляемыми компонентами выдерживается разделительная пауза. Союзы *a* и *ya*, произносимые с самостоятельным ударением, употребляются после паузы.

Союзы *a* и *ya* выражают главным образом противительно-сопоставительное отношение с конкретно-ограничительной семантикой.

В карачаево-балкарском языке в функции противительного союза *алай* «но, однако» употребляются словосочетания *алай болгъанлыкъгъа*, *алай болгъанлыкъгъа да*, *алай болгъаны ючюн*, *алай болгъаны ючюн да*, *алай болса*, *алай болса да* с тем же самым значением, являющиеся по происхождению уступительными придаточными предложениями и имеющие более ограниченное применение по сравнению с союзами *a(ya)*, *алай* / *алай а*³. Данные союзы выражают сопоставительные отношения с оттенком противопоставления: *Жингиригинги къабарса, алай кеч болур* «Будешь локоть кусать, но будет поздно». *Бир жанындан жашны кёрюрге сюеди, алай анасыны умуту баишдады* «С одной стороны, (она) хочет увидеть молодого человека, однако намерения у матери другие». *Аны кёзлери жабылып эдиле, алай ол солуй эди, сау эди* «Его глаза были закрыты, однако он дышал, был жив». *Ахмат ашыкъмай акъырын ашаргъа умут этди, болса да аны хар къымылдагъаны ол иги кесекден бери ачлыкъ бла къыйналгъанын билдире эди* «Ахмат решил есть не торопясь, однако, каждое его движение говорило о том, что он в течение долгого времени страдал недоеданием».

Вариантом союза *алай* является противительный союз *алай а*, употребляемый в карачаевском языке со значением «но, однако»: *Ол муну суююн ишлерик эди, алай заманы жокъ эди* «Он охотно выполнил бы эту работу, но не было времени». Союзы *алай а*, *алай болса да*, *алай болгъанлыкъгъа* в этом языке употребляются в двух значениях: а) в значении противительного союза со значениями «но, однако, несмотря на то, впрочем, тем не менее, все-таки, все же»: *Изледим, алай а тапмадым* «Я искал, но не нашел». *Кюн сууукъду, алай болса да барыргъа керекди* «Погода холодная, но несмотря на это надо идти»; б) в значении уступительного союза со значением «хотя»: *алай чомарт болмаса да* «хотя он и не так щедр»; второй компонент союзного словосочетания *алай болса да* в отдельных случаях употребляется в отрицательной форме.

Подчинительные союзы – морфологические единицы, соединяющие части сложноподчиненного предложения, выражают подчинительную связь между его главным и придаточным компонентами. Они передают причинные и следственные отношения. В отличие от сочинительных союзов, подчинительные союзы не связывают отдельные слова. Они входят в состав придаточного предложения и по своим значениям выступают в качестве семантической структуры придаточного предложения. К числу подчинительных союзов, выражающих причинное отношение, причинную связь между причинно-подчинительным и главным предложениями, относятся: *не ючюн десенг*, *не ючюн десенг да*, *нечик десенг*, *нечик десенг да*, *нек десенг*, *нек десенг да* с общим обобщенным значением «потому что». Примеры: *Альпинистле бюгюн Минги тауну башына чыгъалмадыла, не ючюн десенг Минги тауну башында уллу боран айлана эди* «Альпинисты сегодня не смогли взобраться на вершину Эльбруса, потому что на его вершине свирепствовала буря». Если пере- ставить местами главное и придаточное предложения, то вместо сложного союза *не ючюн десенг* употребляется простой союз *да*: *Минги тауну башында уллу боран айлана эди да, альпинистле бюгюн аны башына чыгъалмадыла* «На вершине Эльбруса

свирепствовала буря, и альпинисты не смогли сегодня взобраться на его вершину». Придаточный компонент, присоединяемый с помощью этих сложных союзов к главному предложению, передает значение причины действий, явлений, содержащихся в главном предложении. Эти союзы являются факультативными. Их наличие лишь усиливает значение причины, с которым он и употребляется, не выступая обязательной частью самой структуры предложения: *Биз ишге бармадыкъ, не ючюн десенг къар жсауады* «Мы не пошли на работу, потому что идет снег» или *Биз ишге бармадыкъ: къар жсауады*. Здесь пауза, обусловленная пропуском союза, и интонация, вызванная паузой, определяют причинно-следственные отношения.

К числу подчинительных союзов, связывающих части сложносочиненного предложения, выражающих подчинительную связь между его главным и придаточными компонентами, относятся и союзы *аны ючюн, аны себебли, аны себебинден, анга кёре* со значением «поэтому», передающие следственные отношения: *Бююн къар жсауады, аны ючюн мен элге бармадым* «Сегодня идет снег, поэтому я не поехал в село»⁴.

В «Карачаево-балкарско-русском словаре» отмечается, что союз *аны ючюн* употребляется и в простом предложении в двух значениях: 1) в значении «поэтому, потому» (не в значении союза): *ол аны ючюн келмейди* «он поэтому [и] не приходит»; 2) в значении «за то, за это» (не в значении союза): *аны ючюн къайгъырма* «за это не беспокойся»⁵.

В «Толковом словаре карачаево-балкарского языка» обращается внимание на то, что этот союз употребляется в двух значениях, соединяя части сложноподчиненного предложения: 1) в функции союза со значением «поэтому»: *Мурат, сен иги окъумайса, устазыбыз сени аны ючюн жаратмайды* «Мурат, ты учишься плохо, поэтому наш учитель тобою не доволен»; 2) в функции союза со значением «несмотря на это»: *Сеннге жюкню да жюклейбиз, жанынга да тиебиз, аны ючюн сен мутхуз болмайса* «Мы тебя загружаем, мы тебя обижаем, несмотря на это ты не мрачный»⁶.

В «Карачаево-балкарско-русском словаре» отмечается, что союз *аны себебли* в фонетическом варианте *аны себебли* употребляется в значении «поэтому»⁷, однако не указывается часть речи: *Аны себебли сылтауу бла* «по той (по этой) причине».

В «Толковом словаре карачаево-балкарского языка» указывается, что словосочетание *аны себебли* «так что, поэтому, вследствие чего» употребляется в значении союза, соединяющего придаточное предложение следствия с главным предложением сложноподчиненного предложения: *Къар жсауады, аны себебли биз юйде турабыз* «Идет снег, поэтому мы находимся дома». В этом же значении употребляется союзное словосочетание *аны себебинден* «поэтому, по этой причине»⁸.

Таким образом, союзы и союзные слова, как средство связи, выражают синтаксические отношения между равноправными однородными членами словосочетаний и простых предложений, обеспечивая тесную логическую связь между соединяющимися компонентами. Они фиксируют различные семантические оттенки, участвуя в структурно-смысловой организации словосочетаний, предложений.

Квалифицирующим значением союзов и союзных слов является то, что эти корреляты выполняют и факультативные функции, т. е. могут заменяться интонацией – соединительной паузой. Отдельные союзы употребляются для усиления ограничительного значения чередуемых действий.

Примечания

1. Грамматика русского языка. Фонетика, Морфология. М: Изд-во АН СССР. 1953. Т. I. С. 673.
2. Грамматика карачаево-балкарского языка. Нальчик: Эльбрус, 1976. С. 301.

3. Русско-карачаево-балкарский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965. С. 361.
4. Там же. С. 466.
5. Карачаево-балкарско-русский словарь. М.: Русский язык, 1989. С. 67.
6. Толковый словарь карачаево-балкарского языка в 3-х томах. Т. 1. А–Ж. Нальчик: Эль-Фа, 1996. С. 163.
7. Карачаево-балкарско-русский словарь. М.: Русский язык, 1989. С. 67.
8. Толковый словарь карачаево-балкарского языка в 3-х томах. Т. 1. А–Ж. Нальчик: Эль-Фа, 1996. С. 163.

THE FORMAL AND SEMANTIC FEATURES OF CONJUNCTIONS AND CONNECTIVE WORDS IN MODERN KARACHAY-BALKAR LANGUAGE

Musukov Boris Abdulkerimovich, Doctor of Philology, Chief Researcher of Karachay-Balkar language Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), kbigi@mail.ru

Makhieva Ludmila Khamangerievna, Candidate of Philology, Chief Researcher of Karachay-Balkar language Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), liudmila.makhieva@mail.ru

In this article, conjunctions and connective words are subjected to scientific analysis, their place in the system of official parts of speech and in the lexicography of the studied language is determined. It deals with the formal and semantic features of conjunctions and connective words connecting parts of word combinations, sentences and individual words that are part of their composition; it is noted that these words define, qualify the relationship that is established between the parts of the structure to be joined, and in some cases (under subordination) – and the very content of the subordinate part. The paper draws attention to the fact that conjunctions and connective words form such kinds of relations as connecting for expressing the semantic connection between homogeneous components of structures; the delimiting ones expressing the importance of mutual exclusion; adversative, contrasting one phenomenon, action or thing with another. The functional features of correlates are emphasized, which appear both in the meaning of an independent part of speech and in the service part, taking into account the peculiarities of their lexicography. The source of this study was dictionaries, folklore and art texts.

Keywords: conjunctions, connective words, subordinating conjunction, co-ordinating conjunction, copulative conjunction, delimiting conjunction, adversative conjunctions, conjunctive pause.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-3-38-89-96

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ ЩЭ «СТО»
И МИН «ТЫСЯЧА» В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ**

Хежева Марьяна Рашадовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), E-mail: maryana.khezheva@yandex.ru

Современная лингвистическая наука характеризуется повышенным интересом к языковой семантике и символике. Языковые единицы анализируются с точки зрения их культурно-языковой семантики и их роли в отражении особенностей национального мировидения. Отмечено, что числа возведены в ранг самостоятельной онтологической категории, которая имеет важное значение в репрезентации особенностей менталитета, а в лингвистической науке интерес к проблеме числа неразрывно связан с числительными. В данной статье рассматриваются семантические особенности функционирования числительных *щэ* «сто» и *мин* «тысяча» в кабардино-черкесском языке в контексте адыгской языковой картины мира. Выявлено, что в адыгском языковом сознании числительные *щэ* «сто» и *мин* «тысяча» являются употребительными в языке фольклора, устойчивых выражениях, применимы в разговорно-бытовой речи и в формулах вежливости. Показано, что семантической особенностью этих числительных является то, что они служат выражением неопределенного множества и несметно большого количества, также выступают в качестве гиперболизирующего компонента.

Ключевые слова: числительное, число, семантика, функционирование, кабардино-черкесский язык, адыгская языковая картина мира, нумератив, лингвокультурологический аспект, этнолингвистический аспект.

Числа и геометрические тела и фигуры, по утверждению А.Я. Гуревича, не являются достоянием одной лишь математики; в них выражается мировая гармония, они имеют определенные магические и нравственные значения¹. Представление о числе проделало путь от понимания числа как инструмента счета к возведению его в ранг самостоятельной онтологической и культурологической категории, лежащей в основе мироздания и культуры². Число как понятие, как лингвистическая единица представляет собой неоднородную структуру. На всех этапах развития науки числа привлекали внимание исследователей различных областей знаний. В результате на современном этапе можно в полной мере говорить о психологеме, философеме, мифологеме числа. Абстрактное понятие числа, представляющее собой одну из языковых универсалий, получает дополнительное семантическое развитие в единицах языка и приобретает статус концепта³.

Одним из приоритетных направлений современной лингвистической науки является исследование отдельных составляющих языковой картины мира, которые отражают особенности быта, традиционной культуры, мировоззренческих универсалий определенных этнических групп. В лингвистической науке интерес к проблеме числа неразрывно связан с числительными. Хотя научное изучение имен числительных кабардино-черкесского языка начинается с 19 столетия, то есть с первых попыток изучения грамматического строя адыгских языков, на современном этапе проблема изучения числительных остается актуальной.

Проблеме изучения чисел и числительных в адыгской филологии посвящены работы ряда исследователей: А.М. Камбачокова (1994)⁴, Р.Н. Долевой (1997)⁵, М.А. Кумахова (2001)⁶, И.М. Баловой (2002)⁷, Р.Х. Дзугановой (2003)⁸, Б.Ч. Бижоева (2005)⁹, Дж.Н. Кокова (2006)¹⁰, З.Ж. Кудаевой (2008)¹¹, Л.Б. Хавжоковой (2012)¹², Г.А. Мурад (2015)¹³, М.Р. Хежевой (2014)¹⁴ и т.д. Фронтальному анализу подвергаются не только грамматические, морфонологические и этимологические особенности числительных. Указанная часть речи привлекает внимание языковедов как важная и значимая часть языковой картины мира. Неоднородность семантики числительных в этнолингвистическом понимании находит свое подтверждение в лексическом, фразеологическом, пословичном пласте языка и отражает специфику национального мышления и мировидения.

Цель настоящей статьи – комплексный анализ семантики числительных *цэ* «сто» и *мин* «тысяча» в лингвокультурологическом и этнолингвистическом аспекте, путем исследования особенностей функционирования в языковых единицах различных уровней.

«Сто» – это число, символизирующее завершенность, как и 100 %. Это важная единица измерения времени – новое столетие отмечает начало новой эры, а поворотный момент часто связан с культурными переменами¹⁵.

Семантика и символические особенности функционирования числа *цэ* «сто» в адыгском языковом сознании в достаточной мере прослеживаются в языке фольклорных и литературных произведений, где указанное числительное используется для выражения несметно большого количества и имеет общую семантику «много» и «множество». Приведем некоторые наиболее употребительные выражения: *псэлыхъуицэ* «сотни женихов» – *Пицацэр къежьэу цысу цхъэ къыфIэцIа (Ерстэм)? Апхуэдэ пицацэм псэлыхъуицэ еицэ хъуицэ, и цхъэцыгу бгъэм хуэдэу цы-хуарзэу*¹⁶ / «Почему ему (Ерстему) показалось, что девушка только его и ждет? У таких девушек, наверное, множество женихов [букв.: сотни женихов], которые кружат над ними как орлы». *Биицэ* «сотни врагов»: *Лыгъэ мылътэр зэрахъэу, лIэн-къэнэну чынтым езауэ пэтми, биижьыр бжыгъэ мылътэт, зы нарт шум биицэ къыхуэзэрти нарт лъэкъыр кIуэдьнкIэ шынагъуэт*¹⁷ / «Хотя нарты в бою демонстрировали храбрость и насмерть бились с войском чинтов, на одного нартского всадника приходилось множество врагов [букв.: сто врагов], нартский род был на грани гибели».

Жьгыруицэ «сильный шум» [букв.: стократный перезвон]:

Жьышхуэм хуэдэу ар [Сосрыкгуэ] макIуэ,

Уафэхэр уафэпшэу,

Пшэхэр техъэ-текIуэ,

Хьицэ-бгьицэр зэцIэуэуэ

Уэджьыницэр зэцIэзджызджэу

Жьгыруицэр зэцIэIукIуэ¹⁸.

«Словно ветер, он [Сосруко] скачет,

Сплошную пеленою облаками небо покрывая,

Тучи разгоняя,

Сто собак – сто орлов мчатся с Сосруко,

Сто колокольчиков с грозным перезвоном,

Со стократным перезвоном».

Числительное *цэ* «сто» в языке адыгского фольклора употребляется с целью репрезентации силы и мощи, и служит средством гиперболизации.

Иуэгъуэ закъуэр

Уэгъуицэ пIалъэу,

И нэр зытеплъэр

*Шабзэм ГэцГэмыкГыу,
Лъабжъэшхуэ нартхэм тхурехъу! [Ашэмэз]¹⁹*

«Чтобы был единый
Взмах его равен
Сотне ударов,
Чтобы его стрелы
Не упустили то, что видят его глаза».

Число *цэ* «сто» употребляется в афористическом пласте фольклора: – *Лыгъэншэу лъэцГыгъуицэ къэбгъацГэрэ лъэужьыншэу укГуэдыж нэхрэ, мацГэ дьдэ бгъацГэрэ лъэцГыгъуицэкГэ уи лъэужьыр мыкГуэдыжым нэхъыфГкъэ! – жеГэ Сосрыкъуэ²⁰* / «Лучше прожить очень мало и быть прославленным на сотни лет, чем прожить **столетия** и умереть без славы! – говорит Сосруко».

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение семантических особенностей функционирования числительного *цэ* «сто» в устойчивых выражениях кабардино-черкесского языка. Как показал анализ, в пословичном пласте кабардино-черкесского языка достаточное количество выражений с числительным *цэ* «сто», большинство из которых имеют в своем составе бинарную оппозицию **зы – цэ «один – сто»**. Можно предположить, что в таком контексте семантика нумеративного составляющего *цэ* «сто» сводится к общему значению «**все остальные**», «**многие**». *Зым и гурацэр цэм я гурацэц²¹* / «Цель **одного** – цель **ста** людей». *Зы жьэм жьэдыхьэр жьыицэм жьэдохьэ²²* / «Что услышал **один**, слышат **сто**». *Зы пцГым пэжицэ егъэульий²³* / «**Одна** ложь чернит **сто** правд». *Зым и зэран цэм йокГ²⁴* / «**Один** может навредить **ста** людям». *Зы дахагъэм дагъуицэ егъэпцкГу²⁵* / «**Одна** красота скрывает **сто** недостатков». *ЩГым зы ептмэ, цэ къуетыж²⁶* / «Земле даешь **одно** [зерно], а она тебе возвращает **сто**».

В кабардино-черкесском языке есть лексема *хъэрэмэхъицэ*, в составе которого можно усмотреть наличие числового компонента *цэ* «сто». Лексема выступает в двух значениях: **1.** Узорное плетение, узорчатая решетка, ажурное вязание. **2.** Переливы цвета²⁷.

В современном кабардино-черкесском языке для передачи семантики множества, наряду с числительным *цэ* «сто», употребляется и числительное *мин* «тысяча». Число тысяча считается священным числом и на Востоке, где оно символизирует сакральный духовно-энергетический центр человеческого тела – тысячелепестковый лотос (сахасрара), и на Западе, где в нем видели «абсолютное совершенство», «куб десяти», соприкосновение с которым ведет к «совершенствованию всех родов чисел» и умножению гармонии. Мистическим корнем данного числа является единица²⁸. По справедливому замечанию А.Т. Хроленко, числительное «тысяча» – своего рода индекс чрезвычайно большого множества²⁹. Семантика и символика чисел *мин* «тысяча» и *цэ* «сто» в кабардино-черкесском языке связывается с долголетием. Данные числа часто употребляются в здравницах:

*Вагъуэм хуэдицыр ди мэу,
Гуэлым хуэдицыр ди гъэшу,
Шэрхъым хуэдицыр ди кхъуейуэ,
Гъэ минкГэ дьгъэпсэу!³⁰*

«Чтобы овец у нас было столько, сколько звезд на небе,
Чтобы молока у нас было столько, сколько воды в озере,
Чтобы сыр наш был размером с колесо,
Чтобы мы жили так **тысячи** лет!»

*Ди сабийхэр насыпыфГэу,
Ди балигъхэр акъылыфГэу,*

*ЛыфИц хужаІэу,
Іэнэм шыцысым тхьэмадэфІу,
Хьэсэм хэтым гуацІафІэу,
Фыгьгуэ дыцымыцІэу,
ЩІэм дигьэгугІэу,
ХьугьуэфІыгьуэхэр ди бацэу,
Илъэсицэхэр диугьацІэ!*³¹

«Чтобы дети наши счастливы были,
Чтобы взрослые наши умными были,
Чтобы говорили о нем «настоящий мужчина»,
Чтобы за столом хорошим тамадой был,
Чтобы в поле трудолюбивым был,
Чтобы всего было в достатке,
Чтобы новое нас радовало,
Чтобы богатства много было,
Чтобы жизнь такая **сотни лет** продолжалась».

В устойчивых выражениях кабардино-черкесского языка при функциональном участии числительных *цэ* «сто» и *мин* «тысяча» выражаются различные (отрицательные и положительные) качества человека:

1) **жадность**: *Мэл мин зиІэ жьагьэ игу пыІыркьым*³² / «Тот, у кого **тысяча** овец, жалеет одну овцу для убоя в честь гостя». *Зы джэдыкІэр шуицэм яхургьэкьу*³³ / «Одним яйцом хочет насытить **сотню** всадников»;

2) **трусость**: *Пабжьэр зыгьэхьейр дыгьужьыцэу кьыфІоуцІ*³⁴ / «Ему кажется, что куст шевелят **сотни** волков»;

3) **выносливость**: *Цыхубзым псицэ хэтиц (гугьуехь куэд и фэ докІ жьыхуиІэц)*³⁵ / «У женщины **сто** душ (много трудностей выдерживает)»;

4) **хитрость**: *Хьыицэ я кьуэкІэ еицІэ* ≈ хитрый [букв.: *знает походку ста собак*]³⁶;

5) **медлительность**: *ЖиІэнур жиІэху хьэм бадзицэ иридзыхац*³⁷ / «Пока он говорил, собака успела проглотить **сто** мух»;

б) **скромность**: *ДжэдыкІицэм яхэувамэ, зы джэдыкІэ ипІытІкьым*³⁸ ≈ тихий, спокойный, скромный [букв.: *на сто яиц наступит, ни одну не раздавит*].

Для фразеологизмов модальная окраска является одним из наиболее существенных элементов значения, ибо возникновение фразеологических единиц и их функционирование часто связано с выражением различных модальных оценок и эмоционально-экспрессивных отношений говорящего к окружающей среде³⁹. В некоторых фразеологических единицах числительное *цэ* «сто» может выступать показателем эмоциональной экспрессии и придавать усилительный оттенок соответствующим явлениям. Ср. *бэлыхь телъын* ≈ испытывать трудности и *бэлыхьыцэр телъын* ≈ испытывать сильные трудности, терзания [букв.: испытывать сотни трудностей, терзаний]. *Ауэ университетым сыцыкьуа япэ махуэ дьэдэм, си документхэм хэлъа цыхубз нэкІу хьурей цхьэц фІыцІэр мацІэу кьыпыгугьІыкІри бэлыхьыцэр стелъу зыІэрызгьэхьа колхоз справкэр кьысхуишиижащ*: – *Мыр филологическэ факультетиц, цІалэфІ, справкэр кьозытам хуэхьыж*⁴⁰ / «Однако в тот же день, когда я пришел в университет [подавать документы], смуглая и круглолицая девушка мило улыбнувшись, протянула обратно мне справку с колхоза, которую я раздобыл с большим трудом [букв.: раздобыл со ста терзаниями]: – это филологический факультет, парень, отнеси справку обратно тому, кто тебе его выдал». *Гукъанэ (хуэ)цІын, иІэн* ≈ обижаться и *гукъаницэр (хуэ)цІын, иІэн* ≈ сильно обижаться [букв.: иметь сотни обид на кого-л.]. *Хьыбар зэрыримыгьэцІам цхьэкІэ зигьэгусарэ гукъаницэр иІэу кьэкьуац Астемыр, зы шу гуп цыгьгуу*⁴¹ / «Из-за того что его не оповестили, Астемир сильно обиделся [букв.: имел сотни обид], и приехал с группой всадников».

В современном кабардино-черкесском языке числительное *мин* «тысяча» часто употребляется в разговорно-бытовом стиле и имеет семантику *апхуэдэу цыт пэтми* «несмотря на это», «хотя и так». *Апхуэдэу жумыIэ, си адэ. Сэ си ныбжьэггъу хозгъэутэнукъым, минрэ узиадеми*⁴² / «Ты так не говори, отец! Я тебе не позволю так унижать моих друзей, **несмотря на то, что ты мой отец** [букв.: будь ты в **тысячу** раз моим отцом].

Числительные *цэ* «сто» и *мин* «тысяча» являются употребительными в формулах вежливости, приветствиях, благопожеланиях. Аккумулируя многовековой опыт народа, основанный на его обычаях, образе жизни, традициях общения, отражая особенности культуры и психологии народа, его религиозные взгляды, неповторимый способ образного мышления, этикетные формулы представляют собой один из наиболее специфичных слоев языка⁴³. Так, при выходе первой книги адыги говорят ставшую общепринятой в таком случае формулу (благопожелание): *цэм и лъабжьэ (и цIагъ) ухъу!* «Пусть станет первой из сотни книг». Встретившись с охотником, у которого уже добыча, ему говорили: «**Миным** и лъабжьэ ухъу» (Пусть будет под началом тысяч таких). На это охотник отвечал: «Миным и цIагъ хъун куэд тхъэм здыдигъэгъуэт» (Пусть Бог нам даст много того, что оказалось бы под тысячу)⁴⁴.

Для кабардино-черкесского языка характерным является совместное употребление числительных *цэ* «сто» и *мин* «тысяча» с целью передачи семантики множества. Выражение *цэрэ мину* «сотнями тысячами» часто употребляется в благопожеланиях. Характерными для выражения вежливости в кабардино-черкесском языке являются фразы *Къызыхэпхар цэрэ мину тхъэм пхуигъэбагъуэ!* «Пусть твое добро [букв.: откуда ты это забираешь] преумножится в сотни и тысячи раз», *цэрэ мину тхъэм къыпхилъхъэж!* «Пусть [то, что ты потратил(а)] бог возвратит тебе преумноженной в сотни и тысячи раз». «*НтIэ, подружкэ, уи жагъуэ мыхъунумэ, мы псори сом миницэрэ хыцIрэ бгъукIэ узот. – Къызыхэпхар цэрэ мину тхъэм игъэбагъуэ!*⁴⁵ / «Тогда подружка, если это тебе не в обиду, все это я отдаю тебе за сто шестьдесят девять тысяч рублей. – Пусть твое богатство преумножится [букв.: пусть то, с чего ты забираешь преумножится в сотни и тысячи раз!].

Как и все слова, относящиеся к разряду имен числительных, нумеративы *цэ* «сто» и *мин* «тысяча» обозначают количество. Для этих числительных характерно, что они выступают как наименования чисел в абсолютном счете или определением при имени (*цIыху мин* «тысячи людей» *сомицэ* «сто рублей»). В таком случае речь идет о непосредственной конкретно-количественной функции анализируемых числительных. Однако в кабардино-черкесском языке достаточное количество случаев, когда эти числительные теряют свое конкретно-количественное значение и выступают средством гиперболизации и усиления, также служат средством передачи семантики множества.

Рассматриваемые числительные принимают функциональное участие в образовании языковых единиц различных уровней: лексем, устойчивых выражений, формул благопожеланий.

Как и во многих других культурных традициях и языках, числа *цэ* «сто» и *мин* «тысяча» у адыгов обозначают несметно большое количество и используются как составной компонент здравниц для выражения пожелания долголетия: *Илъэсщэ гъацIэ!* «Жизнь в сто лет», *Гъэ мин гъацIэ!* «Жизнь в тысячу лет».

Примечания

1. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Наука, 1972. С. 264.
2. Волошинов А.В., Рязанова Н.В. Пифагорейское учение о числе: генезис числа как объекта культуры // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2011. № 1 (52). С. 336.

3. Толстошеева Л.Ю. Семантическое развитие концепта «число» // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2010. № 2 (33): в 2-х ч. Ч. II. С. 166.
4. Камбачоков А.М. Некоторые синтаксические функции числительных в адыгском предложении. Нальчик: КБГУ, 1994. 31 с.
5. Долева Р.Н. Имя числительное в адыгейском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 1997. 24 с.
6. Кумахов М.А. Символика числа, цвета и латеральности в эпической традиции (на материале нартского эпоса) // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. Нальчик, 2001. Вып. 8. С. 186–205.
7. Балова И.М. О символике чисел в русских и кабардинских паремиях // Материалы региональной научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения К. Кулиева. Нальчик, 2002. С. 148–151.
8. Дзуганова Р.Х. Морфонологические особенности сложных числительных в кабардино-черкесском языке // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. Нальчик, 2003. № 10. С. 225–230.
9. Бижоев Б.Ч. Объективная детерминация способов функционирования частей речи // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. Нальчик, 2005. Вып. 12. С. 211–225.
10. Коков Дж.Н. Имя числительное // Кабардино-черкесский язык: в 2-х т. Нальчик: Эль-Фа, 2006. Т. I. Создание письменности, фонетика и фонология, морфология, синтаксис. С. 139–153.
11. Кудиева З.Ж. Мифопоэтическая модель адыгской словесной культуры. Нальчик: Эльбрус, 2008. 294 с.
12. Хавжокова Л.Б. Поэтический мир Хабаса Бештокова. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2012. 192 с.
13. Мурад Г.А. Символика чисел в адыгейском языке // Вестник Адыгейского государственного университета. Майкоп, 2015. Вып. 1 (52). С. 66–70.
14. Хежева М.Р. Имя числительное как средство гиперболизации в кабардино-черкесском языке // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Нальчик, 2016. № 4 (31). С. 71–75.
15. Глинн-Джонс Т. Странности цифр и чисел. Занимательная информация. М.: РИПОЛ классик, 2009. С. 161.
16. КІэрашэ Т.М. Шу закъуэ. Роман. Повесть. Хъыбархэр / зэзыхдзэклар Къармомкъуэ Хь. Налшык: Эльбрус, 1989. С. 140.
17. Нартхэр. Къэбэрдей эпос. Налшык: Эль-Фа, 1995. С. 147.
18. Там же. С. 112.
19. Там же. С. 248.
20. Там же. С. 133.
21. Адыгэ псалъэжъхэр. Налшык: Эльбрус, 1994. С. 76.
22. Там же. С. 99.
23. Там же.
24. Там же. С. 181.
25. Карданов Б.М. Кабардинско-русский фразеологический словарь. Нальчик: Эльбрус, 1968. С. 79.
26. Там же.
27. Словарь кабардино-черкесского языка. М.: Дигора, 1999. С. 738.
28. Ключников С.Ю. Священная наука чисел. М.: Беловодье, 1996. 192 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://ligis.ru/librari/2067.htm#11>
29. Хроленко А.Т. ...И жар холодных чисел // Русская речь. М.: Наука, 1975. № 4. С. 41.
30. Адыгэ хъуэхъухэр. Налшык: Эльбрус, 1985. С. 64.
31. Там же. С. 120.
32. Адыгэ псалъэжъхэр. Налшык: Эльбрус, 1994. С. 58.
33. Там же. С. 130.
34. Там же. 140.
35. Там же. С. 48.

36. Хезева М.Р. Образ человека в нумеративных фразеологизмах кабардино-черкесского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4 (70). Ч. 1. С. 187.
37. Карданов Б.М. Кабардинско-русский фразеологический словарь. Нальчик: Эльбрус, 1968. С. 107.
38. Адыгэ псалъэжъхэр. Налшык: Эльбрус, 1994. С. 126.
39. Биждоев Б.Ч. Номинативная и оценочная семантика фразеологических единиц в кабардино-черкесском языке // V Международная научная конференция: Актуальные проблемы общей и адыгской филологии»: (Материалы конференции). Майкоп: Редакционно-издательский отдел Адыгейского государственного университета, 2005. С. 43.
40. Журт Б.Къу. Си сабиигъуэм и бжьэпэ. Налшык: Эльбрус, 1974. С. 228.
41. Журт Б.Къу. Унагъуэ. Роман. Налшык: Эльбрус, 2004. С. 21.
42. КӀэрэф М. Ж. Лъэужь е лӀэужь. Повестхэр. Рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 2009. С. 210.
43. Кумыкова Д.М. Лакунарность фразеологических единиц в кабардино-черкесском и русском языках // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук. 2017. № 1 (32). С. 75.
44. Мафедзев С. Х. Адыги. Обычаи и традиции. Нальчик: Эль-Фа, 2000. С. 18.
45. Нало З.М. Дыджым и ӀэфӀыгъэ. Повестхэр. Налшык: Эльбрус, 2012. С. 78.

SEMANTIC FEATURES OF THE FUNCTIONING OF NUMERALS "ONE HUNDRED" AND "ONE THOUSAND" IN THE KABARDIAN-CIRCASSIAN LANGUAGE

Khezheva Maryana Rashadovna, Candidate of Philology, Researcher of the Kabardino-Circassian language Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), maryana.khezheva@yandex.ru

Modern linguistic science is characterized by an increased interest in linguistic semantics and symbolism. Language units are analyzed from the point of view of their cultural and linguistic semantics and their role in reflecting the features of the national world view. It is noted that the numbers are elevated to the rank of an independent ontological category, which is important in the representation of the mentality, and in linguistic science, interest in the problem of numbers is inextricably linked with numerals. In this article, semantic features of the function of the numeral "one hundred" and "one thousand" are considered in the Kabardian-Circassian language in the context of the Adyghe language picture of the world. It was revealed that in the Adyghe linguistic consciousness, the numerals "one hundred" and "one thousand" are used in the language of folklore, the stable expressions of the Kabardian-Circassian language, are applicable in colloquial speech and in the courtesy formulas of the Kabardian-Circassian language. It is shown that the semantic feature of these numerals is that they serve as an expression of an indefinite set and an infinitely large number also act as a hyperbolizing component.

Keywords: numeral, number, semantics, functioning, Kabardin-Circassian language, Adyghe language picture of the world, numerative, linguocultural aspect, ethnolinguistic aspect.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-3-38-97-103

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ

Алхасова Светлана Михайловна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), alkhass55@mail.ru

В статье впервые подвергаются анализу проблемы сохранения этнокультурных особенностей при переводе поэтического текста с кабардино-черкесского языка на русский. Также рассматриваются лексико-семантические особенности оригинала, проблема их передачи на другой язык с сохранением этнокультурных атрибутов. Предметом исследования является перевод стихотворения З. Тхагазитова «Терек» разными переводчиками: И. Кашежевой и В. Стрелковым. Цель статьи состоит в анализе перевода одного и того же поэтического текста разными переводчиками и уровня отражения этнонациональных особенностей, установлении переводческих приемов, позволяющих сохранить и выразить в них традиционные образные средства, их семантическую структуру средствами русского языка. При анализе текстов используется сравнительно-сопоставительный метод исследования. Научная оценка перевода проведена с позиций национально-культурной специфики текста. В результате анализа автор приходит к выводу: в поэтических переводах, как с русского на кабардино-черкесский, так и с кабардино-черкесского на русский, сохранение образности наблюдается, в основном, при переводе традиционных образных средств, которые имеют прозрачную семантическую структуру.

Исходя из вышеизложенного, необходимо отметить, что при переводе стихотворения «Терек» З. Тхагазитова, учитывалась национально-культурная специфика двух языков и их стилистических средств, сталкивающихся в процессе перевода. Это сняло противоречие, возникающее в творческом синтезе национальных систем (подлинника и перевода), творческих индивидуальностей (автора и переводчика).

Ключевые слова: художественный перевод, национально-культурный контекст, современная поэзия, кабардино-черкесская литература, семантическая структура текста.

Научную оценку художественного перевода рационально проводить, прежде всего, с позиций национально-культурной специфики, свойственной определенному народу, и с позиций степени владения переводчиком языком оригинала. Кабардино-черкесскую поэзию на русский язык переводили, и по сей день переводят, чаще всего, русскоязычные поэты, не владеющие языком оригинала. Известны слова Гёте: «Чтобы понять поэта – надо посетить его страну!» Считал ли Гете это условие более важным, чем знание языка? Попробуем разобраться.

Знание языка оригинала обязательным при всех условиях, – считал Гёте. Однако художественный перевод содержит в себе информацию не только о содержании поэмы, но и о культуре того народа, который он представляет.

Если рассмотреть современную кабардинскую поэзию, то музыкальная мысль, выраженная способом поэтического языка, отступает на второй план, а иногда попросту отсутствует; на первый план выходит живопись во всей полноте – знание природы и пейзажа Кавказских гор и знание того, как эту природу понимает кабардинец (черкес), – это знание является решающим. Этим объясняется то, что переводы с кабардинского Н. Гребнева, Р. Казаковой и Г. Шерговой подчас

предпочтительнее, чем переводы самих кабардино-черкесских поэтов-переводчиков, несмотря на их несомненное мастерство и владение языком подлинника. Чтобы убедиться в этом, обратимся к конкретным примерам. Вот стихотворение З. Тхагазитова «Терек»¹:

1. Схуэхъуаш гушапIэ, Тэрч, уи Iуфэр.
2. СыхыупыкIащ уэ уи толькьунхэм.
3. Си сабиигъуэ насыпыфIэр,
4. И лъэгум хэльу къэзмакъ банэ,
5. Хэщ Iуфэ пшахъуэм нобэм къэскIэ
6. Сэ седжэ пэтми – ар къэмыскIэ...
12. Седжэ пэт, ари зикI къэмыскIэ...
13.
21. ИщIынщ хьэщIапIэ уэ уи Iуфэр, –
22. Щысынщ ар бзэншэу уэ уигъафIэу...

Подстрочный перевод

1. Стали для меня колыбелью, Терек, твои берега
2. В своих волнах ты взрастил меня
3. Мое счастливое детство,
4. С застрявшей в ступне облепиховой колючкой
5. И по сей день сидит на твоих песчаных берегах.
6. Я зову его – но оно не даже не вздрогнет
12. Зову её – но она даже не вздрогнет
-
21. Станет гостить на твоих берегах, –
22. И будет сидеть она, бессловесно лаская тебя...

Литературный перевод И. Кашежевой

1. Терек от тебя мне никуда не деться.
2. Сколько спел ты колыбельных песен мне?
3. Над тобой сидит мое босое детство
4. С облепиховой занозой в ступне.
5. Окликаю я его – оно не слышит...
6.
15. Час придет – и в руки прочный посох
16. Старость мне заботливо подаст.
20. Но, до капли выпив бытие,
21. Снова я к тебе приду, мой Терек,
22. Ты и есть бессмертие моё!²

Итак, перевод стихотворения выдержан в хорее, во всяком случае, хореическая основа данного стихотворения бесспорна.

Количество строк оригинала и перевода не соответствуют:

- 22 к 24. Размер также не соответствует:
- Схема оригинала
ямб 2, 4, 8, 10 слогов v – v – v v v – v –
– 3-х стопный
- Схема перевода
хорей 1, 5, 9, 11 – v v v – v v v – v – v –
– 12 слогов 4-х стопный

Само стихотворение Тхагазитова написано классическим ямбом – это продолжение традиций русского силлаботонического стиха, открытого еще в XVIII в. Третьяковским и блестяще примененного впервые на практике в русской поэзии Ломоносовым, в кабардинской поэзии в 30-е гг. был применён А. Шогенцуковым.

Необходимо сделать некоторое отступление: нередко при оценке художественного перевода наблюдается такая закономерность: исследователи рассматривают качество подстрочника. Подлинник же остается за рамками исследования. А если и обращаются к оригиналу, то под одним углом зрения: адекватен ли ему перевод? При этом предполагается, что переводятся на другой язык только хорошие стихи. Но высокая поэзия – это не только хороший текст. Это еще и контекст. Мы предполагаем, что оценка художественного перевода состоит в другом: то, что звучит хорошо в одном национальном контексте – может звучать очень плохо в другом. Качество поэтического произведения – «лепет сердца и шепот фантазий», – по образному выражению А. Герцена, часто пропадают в переводе не потому, что переводчик не справился со своей задачей. Скорее потому, что перевод – точен, а поэтичность произведения утратилась в процессе перевода, так как текст был изъят из системы языка подлинника, из социально-исторического контекста, из контекста истории народа. В другой языковой и культурной системе текст тускнеет, становится неинтересным для иноязычного читателя. Кабардинский же оригинал ярк и интересен, но для русского читателя он мертв и скучен. Возможно, поэтому М.Ю. Лермонтов, когда переводил Гёте: «Uber allen Gipfeln ist Ruh» – «Горные вершины спят во тьме ночной», написал свое собственное стихотворение. Как известно, на русском языке стихотворение получилось более глубоким и поэтичным, чем на немецком. Русский поэт, высоко ценивший поэзию Гёте, так углубился в нее, что перевод оказался на уровне собственного сочинения. Но это – исключительное право, принадлежащее гению: «Лермонтовские «Горные вершины» лучше Гётевского оригинала. Вот исключение, которое никогда не станет правилом»; – сказал поэт и переводчик Н. Заболоцкий³.

Вспомним и другой пример из истории перевода – известное стихотворение французского поэта Аполлинера «Мост Мирабо», ставшее народной песней. По сей день не удалось осуществить художественный перевод этого стихотворения на русский язык, хотя было множество попыток талантливых переводчиков. Существует только подстрочный прозаический перевод, который предпочтительнее художественного. Русская литература по сей день довольствуется подстрочным переводом данного стихотворения. Но мы имеем дело с подстрочным переводом высокого класса, который себя оправдывает. Подстрочные переводы высокого класса – это есть то, что призвано бесконечно тревожить профессиональную совесть переводчика. В современной французской литературе, например, поэтическим переводам стихов часто предпочитают прозаические, разновидность того же подстрочника.

Впрочем, и это – исключение. В нашем случае, – при переводе стихов с кабардинского на русский, – подстрочник используется как вынужденное, подсобное, сугубо функциональное средство перевода, поскольку он используется там, где отсутствует знание языка. Он возмещает невозможность прочтения оригинала.

Вполне понятно, что текст должен состоять из трех типов или трех звеньев одной цепи: оригинал, подстрочник, перевод:



Но когда переводчик не может прочитать произведение в оригинале и он заменяется подстрочником, выпадает одно звено:



В данном случае, в приведенном выше примере, переводе стихотворения «Терек» З. Тхагазитова, принцип звуковой организации кабардинского стиха был несовместим с русским, и рифма в переводе не столько отражает сущее, сколько возмещает отсутствующее. Стихотворение Тхагазитова, соответствующее длинному

описательном подстрочнике, ни по истинному размеру своему, ни по ритмическом рисунку просто не могло вместить всех достоинств и недостатков подстрочника. В результате мы имеем перевод, достаточно не близкий оригиналу.

У З. Тхагазитова, кроме свойственной многим поэтам музыкальности стиха, сами образы и мысли крайне философичны. Поэтому мы можем предположить, что переводчица Инна Кашежева задалась целью пожертвовать всем в пользу философии поэта. Она пренебрегла и размером подлинника, и числом строк, стихов и стоп, и порядком рифм, и самой дословностью, и наконец, даже некоторыми образами – лишь бы сохранить сердцевину той философии, которую она «ухватила».

Пренебрежение размером подлинника, числом стоп, порядком рифм, образами представлено в этом переводе так ярко и наглядно, что нет никакой надобности на этом останавливаться.

Подмена Тхагазитовских образов избитыми и шаблонными штампами представлено немало: «Схуэнхъуаш гуцапIэ, Тэрч, уи Iуфэр» превращено в «Терек! От тебя мне никуда не деться»; или такие набившие оскомину обороты, как «Слушать песню вечно молодую, ту, что Терек, ты поешь всегда», или же: «Снова я к тебе приду, мой Терек, ты и есть бессмертие мое!».

Впрочем, в этом шаблонном обороте о бессмертии переводчик ставил целью выразить философию всего содержания стихотворения Тхагазитова. С 13-й строки по 24-ую – перевод становится вольным, его содержание едва напоминает оригинал.

Кашежевский перевод предстанет перед нами рельефней, если мы сравним его с другими переводами. Например, с литературным переводом этого же стихотворения «Терек» осуществленного В. Стрелковым, который также сделан по подстрочнику. Он звучит так:

Перевод В. Стрелкова:

Стали мне колыбелью твои берега.
Ты взрастил меня, Терек, баюкая тихо,
На волнах колыхая...
Бегут облака,
Как бежали тогда, и цветет облепиха.
Вижу я:
На прибрежном сидит валуне
Мое детство босое с колючкой в ступне.
Я зову его громко –
Не слышит оно.
Возвратиться к нему никому не дано!
.....⁴

Если несведущий читатель прочтет два русских перевода одного и того же стихотворения З.Тхагазитова «Терек», он едва ли поймет, что это одно и то же произведение, настолько они разнятся! К тому же, если перевод Кашежевой сжатый, краткий до предела, то перевод Стрелкова удлиннен, насколько это было возможно. 22 строки оригинала В. Стрелков перевел 34 строками.

Сравним построчно. Первые шесть строк оригинала, где содержится законченная мысль, И. Кашежева перевела сухо и кратко, но ёмко: «Терек-колыбель», «облепиховая заноза», «детство окликаю, оно не слышит». Введены не существующие в оригинале: «мне от тебя никуда не деться», «сколько спел... песен» и т.д. Несколько приземленно звучат вдохновенные Тхагазитовские: «си сабиигъуэ насыпыфIэр и лъэгум хэлъу къэзмакъ банэ» в кашежевском: «...босое детство с облепиховой занозой в ступне». Особенно режет слух непозитическое слово «ступня». Эти же шесть строк Стрелков перевел одиннадцатью строками. Введены в стих несуществующие в оригинале: «на волнах колыхая, бегут облака», «цветет облепиха», «сидит на прибрежном валуне мое детство босое». Кстати сказать, избитый штамп «босое детство» использовали оба переводчика, тогда как в оригинале

речь идет о счастливом, беспечном детстве, не обязательно босом. Но оба автора сознательно, думается, избежали другого русского штампа «Іуфэ пшахъуэм» – «на песчаном берегу», – звучащее на кабардинском языке свежо и ярко.

С другой стороны, В. Стрелков, разобравшись с содержанием, образно его домыслил и расширил, ср.: «возвратиться к нему никому не дано», введен рефрен: «вижу я» и т.д. И хотя в Стрелков половину текста прибавил от себя, добавления, сделанные им, проясняют общую картину и оттеняют основные мысли автора. Они оттеняют те детали, которые переводчик счел важными, и эти детали переданы с максимальной точностью» ср.: «ты взрастил меня, Терек, баюкая тихо»; или «я зову его громко – не слышит оно. Возвратиться к нему никому не дано».

Конечной целью переводческой манеры Инны Кашежевой является точность, но не буквализм. Сравните, в 11-й и 12-й строках: «Час придет – и в руки прочный посох Старость мне заботливо подаст»; или «Там останусь, рядом с детством где-то, Первую припоминая грусть». Во всех других строках И. Кашежева, как поэтесса, не удержалась и написала стихи Тхагазитова по-своему, ср.: «Слушать песню вечно молодую, Ту, что, Терек, ты поешь всегда»; и ничего общего не имеют 21, 22, 23 и 24 строки перевода Кашежевой с оригиналом:

«Сколько лет мне жизнь моя отмерит?
Но, до капли выпив бытие,
Снова я к тебе приду, мой Терек,
Ты и есть бессмертие моё!»

Рифмующееся с «бытиё» притяжательное местоимение «моё» повлекло за собой неточность. В конечном итоге финал стихов получился задорным, удалым вместо грустных, глубоко философичных стихов в оригинале.

У другого переводчика, В. Стрелкова, появились в горной бурлящей реке Терек ракушки: «Даже слышу, как тихо ракушки хрустят». Здесь также много вымысла, ср.: «Я зову мою юность – Не слышит она, Будто нас разделяет глухая стена»; или «Стану я, опираясь на посох резной» и др. Введена даже прямая речь: «Буду звать его громко: «Ответь же, ответь!». Но, тем не менее, перевод вобрал в себя самые существенные детали и передал их с максимальным приближением, опуская в случае необходимости второстепенные детали, или даже заменяя их, а чаще – добавляя другие. В результате перед нами возник перевод, наилучшим образом передающий смысл и дух оригинала.

Специфика художественного перевода – перевод образа образом (вернее, воссоздание образа на другом языке) исключает буквальное воспроизведение оригинала. Свобода переводчика ограничивается не лексическими и синтаксическими формами оригинала, а необходимостью оставаться верным образу, созданному автором. В тех немногих по количеству переводах, которые нам удалось проанализировать, тексты часто грешили буквализмом или неоправданной вольностью, подчас доходящих до формализма. Здесь уместно поставить вопрос об объективных и субъективных предпосылках художественного перевода: природных данных переводчика, его мирозерцании, его субъективном восприятии и т.д. Переводчик – интерпретатор художественного произведения: от полного «растворения» в континууме авторского мировидения до навязывания своего собственного прочтения оригинала, когда за звучанием перевода невозможно уловить «голос» оригинала.

Перевод образных средств занимает в приведенных выше примерах особое место. Возможны четыре способа их перевода:

- перевод с сохранением образа оригинала (полностью или частично);
- перевод с полной заменой одного образа на другой;
- перевод с утратой образности.

Следует оговорить, что сохранение образности с полным сохранением образа оригинала – чисто условное понятие, так как оно встречается крайне редко.

Приведенный нами анализ материала позволяет утверждать, что в поэтических переводах как с русского на кабардинский, так и с кабардинского на русский, сохранение образности наблюдается в основном при переводе традиционных образных средств, обладающих прозрачной семантической структурой, например: при переводе с кабардинского на русский стихотворения З. Тхагазитова «Терек» И. Кашежевой и В. Стрелкова.

Такого рода переводы можно считать нейтральными, так как они являются универсальными. Перевод национально маркированных образных средств с буквальным сохранением образа оригинала может привести к искажению национальной картины оригинала

Итак, мы пришли к выводу о том, что задачей художественного перевода является передача художественной информации, в которой преобладающее значение имеет перевод образных средств или, говоря иначе, воссоздание образа на другом языке. Приведенный нами анализ материала позволяет утверждать, что в поэтических переводах как с русского на кабардинский, так и с кабардинского на русский, сохранение образности и этнонациональной и культурной специфики наблюдается, в основном, при переводе традиционных образных средств, обладающих прозрачной семантической структурой. Наглядный тому пример – перевод с кабардинского на русский стихотворения З. Тхагазитова «Терек» И. Кашежевой и В. Стрелковым.

Примечания

1. *Тхагазитов З.М.* Напевы Терека (на каб. яз.). Нальчик: Эльбрус, 1964. С. 83.
2. *Заболоцкий Н.А.* Заметки переводчика // Перевод – средство взаимного сближения народов. М., 1987. С. 313.
3. *Кашежева И.* От второго лица. Нальчик: Эльбрус, 1990. С. 254.
4. *Тхагазитов З.М.* Рождение песни (пер. с каб.). М.: Современник, 1989. С. 126.

THE FEATURES OF THE NATIONAL CULTURAL SPECIFICS IN POETIC TRANSLATION

Alkhasova Svetlana Mikhailovna, Doctor of Philology, Leading researcher of the Department of the Kabardino-Cherkess literature of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), alkhas55@mail.ru

The issues of translation of modern poetry in Kabardino-Circassian literature still remain among the few investigated. This problem at the present stage is determined with sufficient clarity. For the first time the article analyzes the problem of preservation of ethno-cultural peculiarities of the context in the translation of the poetic text from the Kabardino-Circassian language into Russian. And also the lexical and semantic features of the original, their preservation and transfer to another language are considered. The subject of research is the translation of the poem “Terek” by different translators: Kashegeva I. and V. Strelkov’s. The purpose of the article is to analyze the translation of the same poetic text by different translators and the level of reflection of ethnonational features, the establishment of translation techniques that allow to preserve and Express their traditional figurative means, their semantic structure by means of the Russian language. The comparative method of research is used in the analysis of texts. The scientific assessment of the translation is carried out from the standpoint of the national and cultural specificity of the text. As a result of the analysis, the author comes to the conclusion: in poetic translations, both from Russian to Kabardian and from Kabardian to Russian, the preservation of imagery is observed mainly in the translation of traditional figurative means that have a transparent semantic structure.

Summing up this provision, it should be noted that the translation of the poem “Terek” Z. Thagazitov, took into account the national and cultural specificity of the two languages and their stylistic means encountered in the translation process. This removed their contradiction in

the creative synthesis of national systems (original and translation), creative individuals (author and translator).

Keywords: literary translation, national-cultural context, modern poetry, Kabardino-Circassian literature, semantic structure of the text.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-3-38-104-110

ХАРАКТЕР АВТОРСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРХАИЧЕСКОГО МИФА В ПРОЗЕ А. ТЕПШЕЕВА

Болатова (Атабиева) Асият Даутовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), bolatovaatabieva@mail.ru

Данное исследование сфокусировано на выявлении различных способов реализации мифологического пласта в эпическом пространстве художественного произведения. С этой целью в работе применен метод контекстуального анализа, особое внимание уделено расшифровке характерных элементов мифа и разъяснению их функции в структуре балкарского романа. В центре внимания проведенного исследования – примеры качественной трансформации традиционных сюжетов в национальной прозе нового образца, факты заимствования фольклорной атрибутики и плодотворного их использования в творчестве отдельного автора. Процесс перехода архаического коллективного мифа в статус авторского иллюстрируется на материале поздней прозы балкарского писателя А. Тепшеева (романы «Ас-Тох», «Баязир», «Золотой Хардар»). В ходе анализа эпического наследия указанного автора выявляется многообразие методов художественной аккумуляции архаических сюжетов в повествовательном тексте.

Ключевые слова: проза, миф, ритуал, магический реализм, мистика, мифические герои, архаический сюжет, вымысел, условность, фантастическое допущение, символика, мифологическая модель мира, трехмерность времени и пространства.

Когда речь заходит о вопросе творческого освоения традиций устного народного творчества и эволюции мифологического мышления, стоит обратить внимание на небывалую актуальность мифа в современной эпической прозе. Это объясняется в первую очередь нацеленностью национальных авторов на художественное отражение специфики эпохальных событий и стремлением к масштабности, многомерности содержания. Обращенность писателей к архаической мифологии оправдана еще и тем, что использование подобных элементов позволяет активировать глубинные исторические пласты народной культуры и тем самым достичь максимальной индуктивности образа, его обобщающей силы.

Многовековая история мифа вбирает в себя весь накопленный человечеством опыт познания окружающей действительности. Синтез мифа и литературы характерен для творчества таких принципиально разных по своему творческому стилю авторов как Дж. Джойс, Х.Л. Борхес, Г.Г. Маркес, Т. Манн, М. Булгаков, Ч. Айтматов, О. Чиладзе, М. Карим, В.М. Санги, Н.Г. Джусойты и др. Художники берут за основу условные архетипические модели конструирования фабулы. Использование мифологических ситуаций и символических образов, воспринимающихся на понятийном и подсознательном уровнях, позволяет им создать многомерные эпические полотна с множеством смысловых оттенков.

В результате творческой аккумуляции писателем традиционной фабулы и системы образов миф в литературе интерпретируется под индивидуально-авторским углом зрения и функционально служит разъяснению скрытых смыслов концептуального содержания. Трактующаяся как универсальная модель толкования мироустройства, данная форма условности является одной из наиболее архаических.

Несмотря на кажущуюся неправдоподобность, в соответствующей подаче миф может восприниматься как часть реального мира. «Сознательная выработка приемов использования мифа в художественном произведении приводит к формированию особой формы художественной условности, сопоставимой с гротеском, аллегорией, символом, притчей и т.д.»¹. Архаический культурный пласт переносится в современную прозу с целью создания параллельной плоскости, сопутствующей основному повествованию, образуя тем самым ретроспективный семиотический нарративный пласт, придающий тексту особую знаковую функцию. Для таких произведений «характерна своеобразная двойственность, прослеживаемая в структурном и содержательном уровнях»².

Одной из форм проявления мифологического мышления является и феномен тотемизма. Аспект бытования в этнической культуре анималистических образов и символических обозначений природных стихий в определенной мере указывает на вовлеченность архаического материала в современную действительность. В этой связи важно подчеркнуть, что этнические представления древних балкарцев строились на базовых принципах язычества, а первобытная социализация человека была напрямую связана с мифологией. В основу национального эпоса также положен миф.

Для чего необходимы подобные манипуляции с архаическим материалом? Писатели используют возможности художественной условности для передачи кодированной информации в мифологической форме, подводя читателя к пониманию скрытых, зашифрованных значений художественного текста. Наличие мифологического пласта характерно главным образом для крупных эпических жанров литературы. По степени употребительности мифических сюжетов доминирующим жанром в национальной прозе является роман. «По отношению к реальности всякий роман представляет собой некий идеальный план; писателю нравится смешивать объективное с субъективным...»³. По такому принципу строятся произведения ведущих балкарских писателей А. Тепеева («Ас-Таж», «Баязир», «Золотой Хардар») и З. Толгурова («Голубой типчак», «Белое платье»). Оба автора развивают в своем творчестве мировоззренческие и эстетические установки символического реализма. Сопоставляя индивидуальное мировидение с объективной реальностью, они стремятся воплощать свои размышления в мире выдуманном и конструируемом ими в соответствии с художественным замыслом.

По мнению исследователя Лукьяновой Н.А. «Процесс трансляции мифа как знаковой структуры, детерминирован особенностями первобытного и современного мышления»⁴. Необходимо указать на своеобразие этнической ментальности и ее роль в формировании национальной образности средствами символики и мифологизации. Художники слова осознанно обращаются к различным вариациям вымысла, именно такие средства выражения дают им возможность в иносказательной форме обозначить идейный смысл произведения. «Посредством вымысла автор обобщает факты реальности, воплощает свой взгляд на мир, демонстрирует свою творческую энергию»⁵.

Прием художественной условности играет важную роль в поэтике и формировании образной системы национальной прозы. Благодаря использованию условного принципа изображения, писатели получают простор для развертывания эпически масштабного сюжета. Широкое употребление в балкарской символической прозе получил мифологический тип условности, подразумевающий реконструкцию архаических образов и сюжетов в художественной ткани произведений большой формы. В этой связи приобрел актуальность жанр романа-мифа. Его структуру характеризует наличие различных мифологических элементов: тенденция к очеловечиванию природы, наличие целого ряда соответствующих персонажей, прием обожествления животных образов, отражение древних представлений человека о мироустройстве и т.п.

В настоящий момент человечество не заботит вопрос о сотворении мира или происхождении людей. Мифологический сюжет интегрируется в современный контекст с определенной художественной целью. В трактовке нынешних писателей миф выступает в качестве параллельно очерчиваемой реальности, отражающей специфику времени через обобщение, иносказание и символизацию. Действие самого мифа зачастую привязано к определенной архаической местности, на территории которой возможны любые ассоциации и допустимы любые фантастические ситуации.

Суть авторского «художественного» мифологизма наглядно иллюстрирует современная национальная литература. Заимствования из мифа в балкарской прозе нового времени выражены во множестве форм конкретного выражения, но объединяет их обобщающий характер. Формы трансляции мифа варьируются от прямого заимствования готовых моделей, творческой реконструкции архетипических сюжетов вплоть до создания уникального авторского мифа. С этой целью писатели наполняют свои произведения характерными для древнего эпоса символическими подтекстами, осознанно мифологизируют историю, создают несколько параллельных плоскостей, на фоне которых высвечивается авторская философская концепция. Для понимания и правильной трактовки обобщающего смысла такого произведения читателю необходимо приложить интеллектуальные усилия. Новые версии интерпретации заимствованных из древнего эпоса сюжетов и образов, придания им символического статуса мы можем наблюдать в творчестве З. Толгурова и А. Теппеева, которое напрямую сопряжено с этнической мифологией. Важным качеством прозы указанных писателей является то, что в их произведениях параллельно сосуществуют все три основные категории времени – прошлое, настоящее и будущее.

В данной статье мы намеренно фокусируем свое внимание на поздней прозе А. Теппеева, поскольку мифотворчество наиболее ярко реализуется в его художественном наследии, демонстрируя ярчайшие образцы ретрансляции мифа в эпически масштабном контексте. Мифологический пласт играет существенную роль в структуре большинства его произведений. В этом плане отдельного внимания достойна серия, составленная из трех последних романов писателя – «Ас-Тух», «Баязир», «Золотой Хардар». В них четко определяются мотивы из древних легенд и характерные признаки архаического мифа. Автор акцентирует внимание современного читателя на исторически обусловленной связи с прошлым. Объектом исследования в обозначенных произведениях являются бытийные реалии этноса в пору язычества. В тексте романов балкарского прозаика практически из небытия возникают мифические истории. Погружаясь в специфику этнического сознания предков, автор детально воссоздает архаическую действительность того времени, «... писатель, подобно языческому божеству, обладает необычайным даром незримого присутствия во всех делах своих героев, ставя перед ними разные задачи и препятствия»⁶.

Знаковые формы, трансформируясь под влиянием индивидуального мироощущения художника, ретранслируются в отдельно взятом произведении, чем объясняется факт некоторых расхождений в толковании архаических текстов. Содержание и смысл архетипов-символов также разъясняется через индивидуальное восприятие автора, только уже в новом воплощении. Архаические образы предстают в зримом виде и получают широкий спектр смысловых значений. Не всегда придерживаясь подлинности первоисточника, писатель видоизменяет миф, концептуально подстраивая заимствованный материал главной идее эпического повествования. В данном случае первичная структура мифа теряет свою актуальность, поскольку она заменена понятным нынешнему читателю содержанием. Хотя автор и сохраняет созвучные архетипическим образам имена (богиня сна Чомпарас – Чомпараш, имя Тейри – Тенгри или

Асман Тейри), которые вызывают ассоциации с соответствующими фольклорно-мифологическими прототипами, Теппеевым предложено несколько иное развитие и продолжение описываемых в эпосе событий. Миф используется в том ракурсе, в каком заинтересован сам писатель. Художественной манере балкарского прозаика свойственны перевес в сторону магии и мистики, тяготение к проявлению разнородных элементов фантастического.

Герои теппеевских романов (Аркес – «Ас-Тух», Баязир из одноименного произведения и Добулли в мифическом повествовании о Золотом Хардаре) созданы по типу эпических персонажей нартского эпоса, поэтому приобретают знаковый характер. Их социальная самоидентификация и осознание собственного места в родовой общине среди соплеменников перерастает в сложный и долгий процесс. Прежде, чем влиться в социум, они обязаны пройти обряд инициализации, испытать посвящение из ранга юноши в ранг мужа. Заметна также определенная цикличность, серийность в употреблении соответствующей образной атрибутики, повторяемость символических эпизодов, переходящих из одного художественного текста в другой.

Задумываясь о наличии в романном повествовании значимой концептуальной линии, следует указать, что духовный мир, очерченный автором в серии романов-мифов, наталкивает читателя на мысль о необходимости сохранения культурного опыта предков, определения нравственно-этических ориентиров в современном обществе и коррекции вектора развития в будущем. Временные координаты событий, описываемых в произведениях А. Теппеева, охватывают примерно XIV–XV вв., что, согласно авторской концепции, исторически мотивировано становлением народа *таулу* как этноса. Содержание упомянутых произведений воспринимается как призыв к национальному единству. Писатель придает первостепенное значение пониманию людьми своей этнической идентичности. Он осознает, что такие «болезни» эпохи и реалии времени как глобализация, стирание самобытности, унификация сознания впоследствии могут привести к постепенному исчезновению малочисленных народов.

В прозе А. Теппеева все образы закономерно складываются в общую мифопоэтическую систему, а «... язык древних символов обретает смысл, созвучный современному мирозерцанию»¹. Воссозданное писателем мифическое божество – Золотой Хардар, призвано оберегать и объединять разрозненные племена, вовлекая их в общее социокультурное поле. Писателем реалистически достоверно обрисованы картины быта древних народов, населявших пространство Кавказских гор, описан процесс смешения множества племен и взаимопроникновения разнополярных культур. В художественном тексте попеременно всплывают мифические эпизоды: возникают каменные изваяния языческих божеств, раздвигающиеся и захлопывающиеся скалы («Баязир»), образ лани, перевоплощающейся в девушку и указывающей герою путь, символическая нить, связующая его с прошлым и не позволяющая кануть в небытие («Ас-Тух»).

Персонажи упомянутых романов обрисованы на фоне древней исторической реальности, они способны перерождаться, менять облик при помощи волшебства и магии, подвергаться определенным испытаниям, претерпевать разительные метаморфозы духовно-нравственного порядка. В текстах употребительны видения, сны, перемещения из одного мира в другой. К примеру, каждая из запечатленных в романе «Ас-Тух» параллельных реальностей существует по индивидуальным законам. В его контексте становятся очевидными сакральность и ритуализированность мифа. Магия, мистика, архаическая символика, культовые действия и элементы ритуала пронизывают все уровни эпического повествования. Здесь также имеет место синтез архаических представлений народа и зачаточных религиозных воззрений. Известно, что на начальном этапе формирования человеческого общества именно миф служил первичной моделью религии.

Вместе с тем следует указать, что архаическая схема бытия и мира, предложенная писателем, далеко не во всем соответствует фольклорному первоисточнику. Автор ориентирован на создание определенного символического кода. Хотя с точки зрения художественности подобные тексты нелегки для восприятия, они все же являются попыткой историзации мифа. Реальность плюс условность и фантастическое допущение некоторых ситуаций в определенной степени восполняют недостатки структурно-содержательного плана. Миф в романе практически полностью авторский за исключением отголосков языческих верований в пределах табуированного социума, в котором действуют процессы магического характера.

Тенденция к одухотворению природы типична для всех этнических культур. В связи с этим первостепенен космогонический аспект мифа. «...В карачаево-балкарском эпосе мы находим чрезвычайно последовательно проведенное понимание мира как основанного на троичном делении: пространство, окруженное мировым океаном; время, разделенное на три эпохи, окруженное вечностью, подобно пространству, окруженному мировой рекой-океаном»². В прозе А. Теппеева выявляются древние представления народа о трехмерности, трехслойности структурирования пространства и времени. В мифопоэтическом цикле его романов находят проявление сакральная геометрия символов, символическая трактовка понятия триады.

В пантеоне архетипических образов, нашедших плодотворное применение в произведениях А. Теппеева, следует обозначить мифологемы *медведя, птицы, оленя, быка, горы, реки, огня* и т.д. Почитание некоторых животных как священных имело место в любой древней мифологии. Персонификация мифических образов и их обожествление продиктовано желанием человека переносить свои качества на явления природы. Отношение к ним как к разумному существу, наделение их сакральным значением играет в романах существенную роль, а все действия персонажей приобретают характер ритуала. Так в произведении «Ас-Тах» явственно отражается система анимистических представлений народа. Герои таких художественных образцов наделяются одновременно признаками человека, животного и божества. Писатель разъясняет культовые действия, совершавшиеся в прошлом древними родовыми сообществами, с которыми автор отождествляет своих предков. Зачаточные формы магии и религии определяются здесь как норма бытия этноса.

В романах А. Теппеева получают своеобразную интерпретацию миф о сотворении мира, о «метемпсихозе» – перерождении человеческой души, возможности ее различных воплощений в животных или иных ипостасях. По-своему писатель трактует и понятие о «мировом абсолюте» как о божественном присутствии. В его творчестве мы можем наблюдать характерные элементы зоософии (обожествление образов животных, поклонение им) и иные признаки языческих верований. Интересен в этом плане эпизод встречи Аркеса (главного героя романа «Ас-Тах») с медведем. Применительно к нему автор употребляет вместо фиксированного понятия «жаныуар» (животное) слово «жаныбар» (имеющий душу), что этимологически вернее с точки зрения мифологического мышления.

Своеобразны в романе и онейрические мотивы: так главной героине Нансиль во сне является золоторогий, с сияющими копытами *тур-вожак*, а в одном из своих видений девушка сталкивается на своем пути с *быком*, на темени которого горит пламя в виде огненного шара (здесь угадывается параллель с греческой мифологией, ведь по преданию Зевс принимал облик быка, чтобы быть неузнанным среди людей). Кроме того в повествовании обрисована *лань*, обретающая женский профиль, и Нансиль понимает, что перед ней богиня сна Чомпарас («тюш анасы Чомпараш»), на голове у нее рога, под одним локтем – тьма, под другим – свет.

В роли высших духовных сущностей в тексте представлены: первопредок – древнее божество, предстающее перед героем в облике дичи («кийик къабында жюрюючю Къайберген») дух, оберегающий род и называемый «Алтын Хардар» –

Золотой Хардар (возможно, это более древний эквивалент бога охоты Апсаты), золотокопытный тур как олицетворение живой природы. Далее в содержании романа возникают: персонаж, называемый «Къая къызы» – Дочь скалы, божество «Асман Тейри», сидящее на серебряном троне, бог семьи – Байчи, «Тюш анасы» – богиня сна Чомпарас, Шибилы – бог молнии. Помимо упомянутых божеств в тексте произведения обыгрываются мифические образы *черного быка*, *маралихи*, превращающейся в девушку (по аналогии с дочерью Апсаты), *крылатого коня* (соответствующего пегасу из древнегреческой мифологии).

Образы различных мифологических существ (двуглавые чудища, драконы, минотавры, и т.п. химерические животные) являются результатом сознательного вычленения из исторической памяти этноса олицетворений врага или зооморфных предков или божеств-защитников. Зооморфные образы все чаще употребляются в качестве символической составляющей сюжета. Пантеон божеств и вся система фантастических персонажей, обрисованных в текстах вышеупомянутых произведений, восходят к этнической мифологии (хотя и не тождественны ей, поскольку чаще всего подобные образы либо выдуманы автором, либо значительно переосмыслены им в соответствии с собственным художественным замыслом) и подаются в сопряжении с магией, мистикой, культом и ритуалом. Элементы обрядово-ритуальных действий присутствуют едва ли не в каждом эпизоде романов-мифов А. Теппеева. В эпическом тексте часто упоминаются оракул, считывающий и расшифровывающий информацию, получаемую от божественных существ, а также священные для племени святилище и алтарь подношений для Тейри.

В серии романов А. Теппеева представлены древние сообщества людей, фиксированно сохранявших и передававших индивидуальный культурный код своим потомкам. Исходя из содержания этих произведений, типичным для жизненного уклада древних родовых групп являются походы, обряды жертвоприношений, поклонение языческим богам и т.п. Об этом свидетельствуют также бытование в этнической среде обряда инициации, элементов ритуала, фактов языческих жертвоприношений божеству Тейри (в общетюрко-монгольской версии – Тенгри) и многое другое. Все они играют роль символического обобщения в контексте эпического повествования. Стремление наших предков к театрализации, ритуализации любых действий, интуитивное следование инстинктам находит прямое воплощение в романах А. Теппеева. В них выделяется специфическая символика, восходящая к древним религиозным представлениям тюркских народов.

Примечательно, что у каждого из героев этих эпических повествований есть свой двойник, некая астральная проекция – сущность, наделенная их памятью и характерными чертами. Признаки раздвоения личности улавливаются в образах главных героев романа «Ас-Тах» Аркеса и Нансиль. Оба осознают себя не теми, кем они являются в обыденной жизни, кем их привыкли считать соплеменники. Сознание героев подвергается множеству испытаний. Так по сюжету в душе Аркеса борются два волка, а во время своего путешествия в иные миры он постоянно меняет свой облик – то он превращается в орла и парит над землей, то вновь становится волком. В минуты наития или озарения героям романа становятся доступны параллельные миры, в подсознании часто всплывает память о прошлых жизнях, во сне или в видениях их посещают магические существа. Они также склонны переживать нехарактерные для человека ситуации (случаи левитации, примеры оборотничества). Таков эпизод перевоплощения табуна диких лошадей в воинствующих дев – амазонок («эммечле»). В повествовании часты переходы из одной пространственно-временной координаты в другую. Находясь в ином мире, персонажи Теппеева получают чудесные способности, наделяются большей силой. В мифологической интерпретации, которой следует писатель, в верхнем мире существуют божества, в нижнем – люди. Во всем ощущается симметрия времени и пространства.

Исследуемый тип мифологического мышления диктует характерную образную атрибутику и композиционную организацию эпического повествования, наполняя произведение комплексом символических подтекстов. Романы А. Теппеева характеризуются циклической структурой, с соответствующими временными ориентирами и условными пространственными характеристиками. Автор дает развернутую модель действительности в точках пересечения нескольких реальностей мифологического и исторически допустимого. В тексте подобных произведений наблюдается множество примеров фантастического допущения необычных для обыденной жизни ситуаций (левитация людей, говорящие животные, частые внешние метаморфозы и перевоплощения). На ассоциативном и подсознательном уровнях восприятия все эти фантастические события воспринимаются как нечто возможное в действительности.

Как уже было отмечено, объектом мифологизации в романах А. Теппеева становятся реалии далекого прошлого. В качестве мифологических компонентов в структуре художественного текста присутствуют не только архетипические образы. Следует обратить внимание на своеобычие имен героев и топонимических координат, многие из которых также несут в себе сакральный смысл и символическую нагрузку. Что касается лексической организации и специфики художественного языка, произведения автора изобилуют архаизмами (*кёпелеу* – фантазия, воображение, *хаишкен* – жрец, *олуя* – чудотворец, *ажайыт* – маг, магическое действие и т.д.).

Следует подчеркнуть, что анализируемые произведения А. Теппеева, хотя и являются продуктом сублимированной мыслительной энергии зрелого писательского дарования, характеризуются некоторой надуманностью сюжетных линий, чрезмерным перевесом в сторону вымысла. Обращает на себя внимание и хаотичный набор разрозненных эпизодов из жизни табуированного социума, наскоро сцепленных в единый строй романного сюжета. Главные персонажи обрисованы по образу и подобию эпических героев, наделены необычными свойствами, однако они остаются статичными ввиду того, что нет предыстории развития характеров. При анализе художественного текста становится очевидным тот факт, что осознанное мифотворчество писателя заметно видоизменяет миф. Он несколько отличается от первичного материала, хотя и сохраняет архаические признаки.

В современной неомифологической прозе первостепенна роль авторского мышления, поскольку писатель нацелен на отражение определенной идеи, ради осуществления которой он и обращается к древнему мифу. Произведения А. Теппеева иллюстрируют наличие редуцированных форм мифотворчества в современной балкарской прозе. При сопоставлении текста архаического и художественного значительны также расхождения в событийном плане. Первообразы и фиксированные сюжеты видоизменяются, интерпретируются по-новому.

В результате анализа эпического наследия писателя мы приходим к закономерному выводу о том, что в методах реализации художественного мифологизма автор достиг качественных и весомых результатов, особенно в последний период своей творческой биографии. Писатель силен в воссоздании архаики, исторических реалий рассматриваемых эпох и в передаче самобытного этнического колорита. На примере новых романов балкарского прозаика становится очевидным глубокое знание А. Теппеевым национального фольклора и мифологии, хорошее владение языком архаического эпоса («*Ас-Таж*», «*Баязир*», «*Золотой Хардар*»).

Благодаря усилиям таких авторов, как А. Теппеев, символический реализм как форма мифоэпического мышления приобретает в национальной прозе новаторский характер, объединяя прямой и метафорический смыслы эпического повествования. Отличительной чертой произведений подобной направленности является выраженная философская проблематика, оформленная стилистическими средствами художественной условности. Иллюзия достоверности достигается писателем путем внедрения в текст периферийных сюжетных линий,

заимствованных из мифа и художественно адаптированных к содержанию конкретного произведения.

В данной работе мы постарались выявить концептуальное ядро теппеевской прозы, которое в виду своей неординарности и духовной ориентированности обретает еще большую актуальность в контексте современной геополитической ситуации. Художественное наследие А. Теппеева является уникальным явлением в национальной литературе и по достоинству оценено его современниками.

Примечания

1. *Медведева Н.Г.* Миф как форма художественной условности»: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1984. 174 с. // Научная электронная библиотека: www.disscat.com/content/mif-kak-forma-khudozhestvennoi-uslovnosti (дата обращения: 22.09.2017).
2. *Пьянзина В.А.* Авторский миф как жанр современной литературы // Электронный научный журнал UNIVERSUM. Филология и искусствоведение. № 9 (43), 2017. URL:<http://7universum.com> (дата обращения: 23.03.2018).
3. *Борхес, Хорхе Луис.* Зеркала [Сборник: перевод с испанского]. М.: Издательство АСТ, 2016. С. 45. 464 с.
4. *Лукьянова Н.А.* Автореф. дисс. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс]: www.disscat.com/content/semioticheskie-mekhanizmy-translyatsii-mifa. (дата обращения: 21.03.2018).
5. *Ковтун Е.Н.* Художественный вымысел в литературе XX в. [Электронный ресурс]: www.capta.ru/book1100-43.shtml, 2015 (дата обращения: 16.05.2018).
6. *Габаева А.* Алим Теппеев // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2010. С. 682. 808 с.
7. Там же. С. 682.
8. *Джуртубаев М.* Мифология и эпос карачаево-балкарского народа. Нальчик: Эльбрус, 2011. С. 312. 488 с.

THE NATURE OF THE RETRANSMISSION OF ARCHAIC MYTH IN A. TEPPEEV'S PROSE

Bolatova (Atabieva) Asiat Dautovna, Candidate of Philology, Senior researcher of Sector of Balkarian literature of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), bolatovaatabieva@mail.ru

This research is focused on the identification of different ways of realization of the mythological layer in the epic space of the artwork. For this purpose, the method of contextual analysis is applied, special attention is paid to deciphering the characteristic elements of the myth and explaining their function in the structure of the Balkarian novel. In the field of our view there are examples of qualitative transformation of traditional subjects in the national prose of a new sample, the facts of borrowing of folklore attributes and their fruitful use in the work of an individual author. The transition from archaic myth to the status of the author is illustrated by a late Balkarian prose writer A. Teppeeva (novels “As-Tagh”, “Bayazir”, “Golden Hardar”). In the course of the analysis of the epic heritage of this author the variety of methods of artistic adaptation of archaic subjects in the narrative text is revealed.

Keywords: myth, ritual, magic realism, mysticism, mythical heroes, archaic plot, conventionality, fantastic assumption, symbolic notation, mythological model of the world, three-dimensionality of time and space.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-3-38-111-118

К РАЗГРАНИЧЕНИЮ ЖАНРОВ АДЫГСКОГО НАРОДНОГО ЭПОСА

Гутов Адам Мухамедович, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), adam.gut@mail.ru

В статье ставится и предлагается решение одной из актуальных задач адыгского (черкесского) и кавказского эпосоведения, жанровое и функциональное разграничение двух основных разновидностей героического эпоса. В частности, признавая одним из важнейших критериев характер отношения к действительности, предлагается конкретно обратить внимание на существенные различия в системе условностей той и другой разновидности эпоса, а особенно — на характер художественного осмысления явлений. Обращается внимание на то, что данный фактор оказывает значительное влияние на структуру эпического текста и на его художественный язык. К изучению привлекается обширный фактический материал из архивных источников и научных публикаций фольклора. Сделанные выводы имеют обобщающий характер и значимы в целом для общей теории эпоса.

Ключевые слова: героический эпос, функции, формальные признаки, мотив, сюжет, композиция.

Как известно, историко-героический эпос в адыгском фольклоре определяется не по какому-либо основному жанровому признаку, а по совокупности существенных особенностей, что отмечается исследователями, которые затрагивали в своих трудах данную тему¹. Прежде всего, в плане формальном это *лиро-эпические песни* и *прозаические повествования*, и уже здесь заключена одна из серьезных проблем: тем самым в единую жанровую группу объединяются произведения двух разных форм бытования – прозаической и песенно-поэтической, которые связываются между собой общей темой и на этой основе образуют бинарный цикл. Правда, певческая, декламационная и повествовательно-прозаическая формы отмечаются и в нартских циклах, и это было отмечено еще первыми собирателями. Однако в плане функциональном прозаический и поэтический тексты в историко-героическом эпосе и эпосе архаическом принципиально различны, что нами было ранее отмечено². К данному жанру принято относить по содержанию циклы широкого тематического диапазона – о борьбе с внешними врагами, о подвигах отдельных героев, о богатырском или «молодеческом» соперничестве наездников, о межфеодальных распрях и столкновениях, а также о случаях из обыденной жизни всего общества или же отдельных личностей. Некоторые мотивы и сюжеты могут порою быть весьма далекими от подлинно эпического духа. Благодаря связи с конкретными реальными событиями и явлениями в системе младшего эпоса, которые в событийном плане гораздо более разнообразны, нежели стандарты мифо-фольклорных нарративов эпоса о нартах, значительная часть сюжетобразующих компонентов и формирующихся вокруг них сюжетов характеризуются оригинальностью и многообразием, что значительно обогащает общий тематический диапазон жанра. Однако некоторые циклы образованы на мотивы и сюжеты, которые

уже стали универсальными и отмечены в фольклоре и литературе разных народов не только кавказского ареала, но иногда и различных регионов всего мира. Так, популярны некоторые мотивы, известные в фольклористике и литературоведении под условными названиями «эдипов комплекс» (например, цикл Боры Могучего³), «война богов с титанами» (цикл князя Лежероко⁴), «уничтожение всех мужчин рода или фамилии» (цикл вдовы Жансоховых⁵) и т.п.

Несмотря на общее обозначение, помимо песен и преданий подлинно историко-героического характера в данную группу циклов входят по формальным жанровым признакам также произведения, возникновение которых прямо не связано с подвигами, воинскими походами. Их жанровая идентификация обусловлена комплексом признаков, в их числе единой поэтикой и стилистикой песен и сказаний.

Наряду с термином *историко-героический эпос* традиционно употребительны также иные обозначения данного жанра: *исторический эпос*, *героико-исторический эпос*, *героические песни и предания*, *поздний эпос*, *младший эпос*. Подобный разнобой не всегда следует считать свидетельством недостаточной разработанности терминологии или путаницы какого-либо иного рода. Как правило, каждое из приведенных понятий мотивировано контекстом, в котором оно употребляется, хотя, надо признать желательность более строгого упорядочения в сфере терминологии. Скорее всего, речь может идти о том, что сам рассматриваемый предмет как явление народной культуры необычайно многогранен, поэтому выбор того или иного обозначения не всегда оказывается произвольным, а в большинстве случаев он бывает продиктован тем ракурсом, в котором рассматривается то или иное конкретное явление и на котором хочет акцентировать внимание исследователь. Во всяком случае, использование разных терминов не разрушает целостного представления о сущности самого понятия.

Исследователи отмечают очевидную преемственную связь между двумя жанровыми разновидностями фольклора адыгов, нартскими сказаниями и циклами младшего эпоса, что можно признать полностью соответствующим действительности. В то же время, историко-героические предания и песни, относимые по типу к младшей разновидности, которую исключительно для удобства в употреблении терминов принято обозначать как отдельный эпос, весьма не однородны как по стилистике, так и по тематике. Здесь представлены песни, посвященные памятным сражениям, песни героически величальные в честь конкретного героя или же события, в котором проявило себя сразу большое число воинов (по определению Султана Хан-Гирея — «песни многих мужей»⁶), песни мемориальные, сложенные, чаще всего, или в память о важных для всего общества событиях (больших сражениях, нашествиях жестоких врагов), или о погибших воинах. В одном ряду с ними оказываются произведения более личного характера, это величальные песни-плачи, посвященные погибшим, или песни-сетования от лица лирического героя, в том числе песни-плачи и песни очистительные (по классификации З.М. Налоева⁷), а также порою песни любовно-лирические, смеховые сатирические или шуточные. Соответственно, и предания, входящие в единый цикл вместе с песнями, могут быть по своей тематике различными, и всё это рельефно проявляется в стилистике повествования. В то же время, объединяясь под «крышей» одного жанра или жанрового образования, значительное число тематически разнородных, но стилистически достаточно близких друг другу произведений существенно раздвигает доминирующие утвердившиеся в сознании представления о данном жанре адыгского фольклора.

Коренные отличия названного фольклорного феномена от типично архаического эпоса о богатырях-нартах, архаического по многим своим характеристикам близкого к типу, обозначаемому термином «классический эпос», потребовали бы более обстоятельного разбора. Здесь же, в связи с нашей задачей, будет достаточно обратить внимание хотя бы на одну из представляющихся важными особенностей, по которым различаются две разновидности жанра или же, по мнению

некоторых исследователей, два разных жанра народного героико-эпического эпоса адыгов. Как не однажды было отмечено, основной источник мотивов и сюжетов нартских сказаний – это мифология, вернее, система представлений, актуализируемая в устойчиво функционирующих устных нарративах или же устойчиво сохранявшихся обрядовых церемониях, которые свойственны язычеству или же своими истоками восходят к нему. Это никак не означает, что мы рассматриваем каждое сказание старшего эпоса как прямолинейно облеченная в поэтическую форму иллюстрация к этнически маркированной мифологической системе. Но совершенно определено, что фактически с самого своего зарождения основой чуть ли не всякого эпического нарратива из числа сюжетов архаического характера служит именно опосредованный характер связи его событийной основы с действительностью, но никак не опора на конкретные явления, воспоминание или упоминание о которых запечатлелись в фантастических образах, порожденных осознанно мобилизованным творческим воображением или конкретного песнетворца, или всего народа. То же относится и к эпическим этнонимам, и к части нартской топонимики, которая должна трактоваться не иначе, как органическая часть системы, выстроенной эпическим мировосприятием. Это и позволяет считать эпическое время «Нартов» отстраненным, абстрагированным от реального времени, а персонажей и пространственные ориентиры (сюда резонно отнести фактически всех персонажей, а с ними большинство топонимов, ойконимов, гидронимов, описаний местности, кроме того и мифо-эпические этнонимы) в значительной мере дистанцированными от реальной действительности или откровенно вымышленными. В этом причина того, что пространственно-временные атрибуты архаического эпоса определяются как своего рода «островные», не имеющие однозначных прямых линейных связей с миром, в котором обитают обычные люди, определяемые в представлении адыгов расхожим понятием «цыху цыху» – *маленький человек, маленькие люди*. Там же, где эти связи все же обозначаются, они нередко оказываются иллюзорными, условными, иначе — мифическими. Без сомнения, мир древних эпических сказаний имеет свои каналы связи с реальностью, но эта связь все же настолько условна и опосредованна, что можно говорить о дискретности или «островном» характере представлений о пространстве и времени как о типическом признаке «Нартов». Это – одно из родовых свойств данного явления фольклор не только у адыгов, но и других народов Кавказа.

В поэтической системе младшего эпоса отношение к действительности принципиально иное: многие события и персонажи, упоминаемые или описываемые в нем, имеют свои событийные или осязаемо предметные параллели в исторической действительности, хотя с точки зрения эстетической и песня и даже связанное с ней предание (иногда несколько преданий), будто бы призванное «комментировать песню, чаще всего тяготеют отнюдь не к фактологии, а к осознанно художественному отражению действительности – в полном соответствии с системой условностей, свойственной данной системе устного бытования. В сказаниях нередко встречаются утверждения о том, как определенное событие или история с тем или иным человеком не просто явились толчком к созданию песни, но даже стали причиной прямого «заказа» на ее сложение, сделанного осознанно, даже в соответствии с уже существующей традицией. Песнетворцы-джегуако только «принимали» и меньшим или большим успехом выполняли такой заказ, который мог исходить от всего общества, от рода или фамилии, от конкретного заинтересованного лица. Это одна из причин того, что в фольклорной памяти сохранились имена подлинных или же легендарных авторов тех или иных известных народных песен, о чем пишут и многие исследователи (См., напр., комметарии к многим песням в сборниках, составленных З.П. Кардангушевым⁸, который считал своим долгом в публикациях текстов отмечать данную особенность как существенное явление). Справедливее будет сказать, что в данном жанре обычно органически

сочетаются реальность, отраженная в сознании народа через призму ее художественного осмысления (например, вражеское нашествие, битва, подвиг или судьба конкретного героя, гибель знатного воина и пр.), и те эстетически аккумулярованные образы, возникновение которых имеет своей основой сознательные художественные опыты самих песнетворцев-джегуако.

При первичном же ознакомлении с фактическими материалами оказывается очевидным, что старший эпос опирается чаще всего на мифо-фантастические точки зрения современного человека представления, архаическая природа которых не вызывает сомнений, а младший – на подлинные факты действительности или же на такие сюжеты, существование событийной основы которых не менее, чем вероятно в реальном мире, если и не может быть локализовано во времени и пространстве с указанием реальных личностей.

Если обратиться к вопросам поэтики, то именно по этой причине в сознании непосвященного слушателя может возникнуть вопрос, вызываемый данным обстоятельством: не допустимо ли, что первый из названных типов эпоса, который представляется наиболее абстрагированным от конкретности, способен дать гораздо больше свободы воображению и потому не представляет ли он собой более высокоорганизованный продукт поэтического воображения, нежели второй, требующий от песнетворца соблюдения правды факта, а порою сложенный специально для занесения на скрижали конкретного события или личности в коллективной памяти? С точки зрения элементарной логики постановка такого вопроса, конечно же, представляется вполне правомерной, если исходить из принципов так называемого здравого смысла. Но в данном случае следует учитывать, что фантастические образы нартских сказаний это, чаще всего, явления синкретического плана; если позволительно так выразиться, это продукты отнюдь не осознанного художественного творчества, стоящего в прямой оппозиции *правда – вымысел* или *искусство – не искусство*, а какая-то своя особенная, отстраненная от обычной реальности и в определенной степени «охудожествленная правда», правда фольклорная, а сказать точнее – *эпическая*. При том, что всякое явление, преломленное сознанием через призму искусства, по своей природе обретает полифункциональность, оно так же имеет собственную систему условностей, в малой или большой степени специфическую, представляет собой совокупность характерных типических сюжетов и образов. В героико-исторических песнях и преданиях такой особенностью можно считать то, что атрибутика и конкретная предметная оболочка всякого мотива это в большинстве своем результаты аккумуляции конкретного факта эстетической системой, форма осознанно *художественного* отражения действительности: джегуако как песнетворец, а вернее, как профессиональный автор произведения, запечатлевает явление не с историографической точностью, а представляет его поэтическую интерпретацию, функционально призванную «задокументировать» факт. Но все же происходит это по законам искусства, то есть в образах, подчиняемых определенным эстетическим критериям. Есть немало наглядных примеров того, как реальное событие и даже этические оценки явлений и поступков преподносятся песенным текстом иногда в принципиально ином ракурсе, по-своему интерпретируя, конкретные образы и целые события, поскольку у поэтического творчества свои собственные законы и стандарты⁹. И это принципиально отличает их от сказаний архаического эпоса, так как ам подобного рода проблема даже не может быть поставлена, так как и события, и персонажи, и время действия, и даже отчасти пространство дистанцированы от реальной действительности.

Событийной основой цикла младшего эпоса может послужить и только что свершившееся явление, оказавшее впечатление на песнетворца, и услышанный рассказ о только что произошедшем событии, и, что не исключено иногда, явление из сравнительно далекого прошлого, пробудившее творческие силы эпического

певца. Но осмысление первопричины всегда предполагает ее аккумуляцию в эстетическом поле художественного творчества. Иными словами, творцы и хранители обеих разновидностей эпоса могут с одинаковым успехом живописать те или иные явления, при этом объективные художественные достоинства могут быть более выраженными как в одном, так и в другом произведении – независимо от стадияльного статуса. Но в одном случае это *живописание* происходит, скорее всего, спонтанно, произвольно, без осознанно художественного осмысления фактов и явлений, а в другом – вполне сознательно, как результат заданного творческого процесса, то есть сочинения песни как явления культуры в ее широком понимании, в данном случае – в сочетании словесно-музыкального искусства с квази-историей. Согласно мнению фактически всех авторов, которые писали об адыгском историко-героическом эпосе, исследователи единодушны в том, что одной из наиболее частых ситуаций возникновения песни является сознательное сложение песни по следам того или иного общественно значимого явления (нередко общество в той или иной форме вменяет это в обязанность песнетворцам); позднее или же одновременно с этим в фольклорный обиход инкорпорируется прозаический компонент цикла – рассказ о событии, героях или об отдельном герое. Генезис же архаического эпоса способен привести и наверняка приводит не к историческому событию или реальной личности, а к формам объективации мифа – представлению, доминирующему на стадияльно выделяющемся этапе эволюции сознания, обряду, ритуалу с магической функцией во главе угла. За текстом сказания нартского эпоса нет ни реального, ни гипотетического конкретного лица его создателя, который может именоваться автором данного повествования и от которого произведение пошло впоследствии в устный обиход. Из этого следует, что, как это ни представится невероятным, в природе не существовало того предполагаемого исходного инвариантного текста, от которого с течением времени и в результате устной природы веером пошли впоследствии варианты. Резонен вывод, что сказание никогда специально «в один присест» не сочинялось, что особенно важно, а формировалось спонтанно, в течение относительно продолжительного времени продуктивной жизни, с течением времени поступательно, в ходе изустной трансмиссии обретая ту форму, в какой она дошла до собирателей фольклора и до исполнителей, по времени близких к нам.

Песня же историко-героического плана чаще всего сочиняется специально и сознательно, причем не анонимным автором и с совершенно определенной практической целью – запечатлеть явление, важное с точки зрения общества или же отдельной личности. Делается это, как правило, в соответствии с заданной практической целью и с идейной установкой – запечатлеть в сознании современников и донести до потомков в «художественно-документальной» форме то или иное важное явление, обычно имеющее важное значение для всего общества. Связанное же с ним предание рождается обычно как правдивое (или якобы-правдивое) повествование о событии, а возможно целой цепи взаимосвязанных событий, линейно выходящих к действительности. Видимо, подобное различие определяет и многие другие особенности, очевидные в сюжетике, поэтическом языке и структурных особенностях двух основных разновидностей героического эпоса.

Примечания

1. *Алиева А.И.* Историко-героический эпос адыгов и его стадияльная специфика. Типология народного эпоса. М.: Наука, 1975. С. 139–151; *Аутлева С.Ш.* Адыгские историко-героические песни XVI–XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 2018. 248 с.; *Хут Ш.Х.* Историко-героический эпос адыгов. Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2005. 164 с.

2. *Готов А.М.* Народный эпос: традиция и современность. Нальчик: КБИГИ, 2009. С. 7. 226 с.

3. Адыгэ пшыналъэ. Зэхэзылъхьар КъардэнгъуцІ З. (Адыгская мелодия / сост. З. Кардангушев). Налшык: Эльбрус, 1992. С. 74–75. 224 с. (На кабард. яз.); *КъардэнгъуцІ Зырмамыку*. Тхыгъэ къыхэхахэр. (З.П. Кардангушев. Избранные труды). Налшык: Издательство М. и В. Котляровых, 2009. (На кабард. яз.). С. 321–324. 756 с.; Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. 3. Ч. 2. М.: Советский композитор, 1990. С. 344–351. 488 с.

4. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1898. Вып. 25. Отд. 3; Народные песни и инструментальные... Т. 3. Ч. 2. С. 304–307; Адыгэ пшыналъэ... С. 58, 205.

5. Къэбэрдей урэдхэмрэ псалъэжъхэмрэ. Зэхэзылъхьар Шортэн А., Елберд Хь., ЩоджэнцІыкы Іэ. (Кабардинские песни, пословицы и поговорки / сост. Шортанов, Х. Эльбердов, А. Шогенцуков). Налшык: Къэбэрдей къэрал тхылъ тедзапІэ, 1948. 196 с. (На кабард. яз.). С. 66–68; Адыгэ пшыналъэ. С. 120–121, 205.

6. *Султан Хан-Гирей*. Черкесские предания. Русский вестник. СПб., 1841. Т. II. № 5. С. 292–377.

7. *Налоев З.М.* Этюды по истории культуры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 2009. С. 128–158. 498 с.

8. Адыгэ пшыналъэ, 1992; Народные песни... 1990 и мн. др.

9. *Гутов А.М.* Художественно-стилевые особенности адыгского эпоса. Нальчик: Изд-во КБГУ, 2013. С. 84–89. 219 с.

ABOUT THE DIFFERENTIATION OF THE GENRES OF ADYGHE NATIONAL EPOS

Gutov Adam Mukhamedovich, Doctor of Philology, Professor, chief researcher of the sector of Adyghe (Circassian) folklore of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), adam.gut@mail.ru

On the analysis of specific folklore material in the article is posed and solved relevant for the Adyghe (Circassian) eposologya problem of genre and functional differentiation of the two main varieties of the heroic epic in the folklore of Circassians. In particular, recognizing one of the most important criteria of the nature of the relationship to reality, it is proposed specifically to draw attention to significant differences in the system of conventions of both the epic variety, and especially – the nature of the artistic interpretation of the phenomena. The author draws attention to the fact that this factor has a significant impact on the structure of the epic text and its artistic language. The study involves extensive factual material from archival sources and scientific publications of folklore. The conclusions are generalizing and are significant for the General theory of the epic.

Keywords: the heroic epic, function, formal features, style, plot, composition.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-3-38-119-124

СЮЖЕТНО-МОТИВНЫЙ СОСТАВ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ БЫЛИЧЕК О ЛЕШЕМ

Гергокова Лейла Созакбайовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), leylagergokova79@mail.ru

В данной работе рассматривается проблема систематизации представлений об одном из демонологических персонажей карачаево-балкарского фольклора – лешем «агъач киши», который обитает в лесу. Исследуются сюжетно-мотивный состав, особенности описания образа, традиционно упоминаются места появления и обитания лесного духа.

Фактическим материалом для анализа послужили разновременные фольклорные записи об этом мифологическом персонаже. Актуальность исследования состоит в том, что до настоящего времени в карачаево-балкарской фольклористике отсутствуют научные работы о лешем «агъач киши», хотя он очень популярен в народе. Основная информация о нем стала доступна благодаря записям, зафиксированным в полевых экспедициях и хранящимся в архиве ИГИ КБНЦ РАН, публикациям в сборниках сказок и устных повествований, а также собственным разысканиям автора, что позволило уточнить многие особенности образа и связанных с ним представлений, определить дату, место фиксации, степень популярности сюжетов.

Анализируя мотивы, встречающиеся в карачаево-балкарских рассказах о лешем «агъач киши», мы определили сходство и различие их с мотивами о лесном человеке у других народов.

Ключевые слова: леший, лесной дух, охотник, быличка, лесное существо, мифология, мифологический персонаж.

С каждым годом современные исследователи фольклора проявляют все больше внимания к изучению жанров несказочной прозы. Актуальными становятся проблемы исследования особенностей поэтики, бытования и формирования мифологических рассказов, которые вызывают особый интерес не только у фольклористов, но и у представителей разных народов. Несмотря на повышенное внимание исследователей устного творчества, эти произведения остаются до настоящего времени недостаточно изученными с точки зрения фольклористики.

«Поскольку рассказы, связанные с русскими народными верованиями, до сих пор изучались лишь этнографически, т.е. только как источник познания народных верований, но не как явление народного искусства, игнорировались как особый жанр устной прозы, их специфика до сих пор не раскрыта, не рассмотрены, в частности, роль и характер мифических существ в качестве персонажей несказочной прозы» верно рассуждает Э.В. Померанцева¹.

Как известно рассказы о подобных мифологических существах довольно распространены в фольклоре карачаево-балкарцев, так же как и у многих других народов мира. Следуя давно установившейся терминологии, мы считаем презентативным называть эти повествования, а иногда не развернутые нарративы, а информацию, термином «былички».

«Быличка является одним из жанров устной народной прозы. Ее жанровые признаки характеризуются своеобразной системой образов и композиционными

приемами, формой исполнения и тематикой. Сюжетная организация былички, изображение персонажей в ней, описание природной ситуации, образ самого рассказчика – все это обусловлено целевой установкой и подчинено одному – доказать наличие в мире сверхъестественных существ и заставить слушающего поверить в них»².

Как известно, при исследовании текстов о мифологических существах на первый план выдвигаются демонологические герои, которые изображены в разных сюжетах как огромные, уродливые, но все же антропоморфными существами. Именно в воображении человека, носителя традиционной культуры, под воздействием определенных обстоятельств возникает данный персонаж, наделенный подобающими архетипическими признаками. При этом роль человека, с которым контактирует это человекоподобное существо, остается незамеченной, хотя без его участия сам фольклорный сюжет утратил бы всякий смысл, так как именно с человеком вступает в диалог мифологический герой, благодаря чему наступает завязка. Несмотря на это, в подобных фольклорных произведениях сверхъестественный герой занимает основное место, отодвигая человека на второй план, отводя последнему подчинительную роль.

Исследователи фольклора Грахова С.И. и Исмаилова Н.И. классифицировали мифологических персонажей в связи с особенностями их художественного изображения на: «жителей верхнего (светлого, небесного) мира: Бог, святые, ангелы; нижнего (темного, потустороннего) мира: демоны, черти; упыри и пр.; параллельного мира: духи природных пространств (Леший, Домовой, Водяной и пр.)³ и т.д., что также приемлемо и для карачаево-балкарских быличек.

Следовательно, в карачаево-балкарском фольклоре персонаж – лесной дух, леший – «агъач киши» (букв. «агъач» – лес, «киши» – мужчина, человек муж. рода), является представителем параллельного мира, как констатируют вышеназванные ученые. Этот демонологический герой, судя по существующим представлениям, всегда относится враждебно к охотникам и вообще ко всем людям, входящим в лес.

Одни исследователи считают, что лешие «живут в лесных трущобах и пустырях»⁴; другие, что он «обитает во всем лесу, однако больше всего любит коряги, вывернутые с корнем дерева...»⁵. Отсюда можно сделать вывод, что местом обитания лесных существ – леса и прилегающая к ним территория.

Фольклорные тексты о леших просты, излагаются кратко и являются одноэпизодными, без высоких вступительных и заключительных устойчивых оборотов, что и привлекает внимание слушателей. В таких мифологических рассказах «происходил постепенный перенос деятельности персонажей низшей мифологии из сферы аграрной магии в сферу семейного быта, сообразно чему описание неожиданных встреч с духами приобретало значение все более не столько культовое, сколько нравственное. Со временем представители нижнего континуума ... становились участниками взаимоотношений человека с окружающим миром...»⁶.

Эти встречи с лесным человеком древние люди объясняли тем, что давным-давно человек жил в абсолютной гармонии с природой. «Люди знали, то есть располагали сведениями, обладали знаниями относительно устройства мироздания, понимали действующие в нем установления, признавали законы бытия, соблюдали запреты и ограничения. Ощущая над собой власть потусторонних сил, наши предки считались с ними, зная свое место в мире, не превышая меру дозволенного»⁷, справедливо отмечает Н.А. Криничная. Но когда человек начал вторгаться в покой лесных обитателей, то равновесие между ними нарушилось.

Материалы фольклорных изысканий показывают, что в региональной традиции есть и специфика в описании внешности лешего. «Это и физические параметры персонажа (его рост, толщина или худоба), и одежда, и присущие ему атрибуты. И, безусловно, поскольку мы имеем дело с существами, способными к изменению своего облика, доминирующим в описании персонажа народной демонологии

будет считаться тот образ, который видится человеку, согласно текстам демонологических преданий⁸. Но во многих быличках долго не сообщается о сущности этого существа, только в конце повествования раскрывается, кто это был.

В карачаево-балкарских мифологических рассказах леший «агъач киши» – это существо, охраняющее лес и животный мир, он олицетворяет дремучую лесную глушь и дикую природу. Анализируя былички о лешем, можно отметить то, что в фольклорных произведениях сказителями его образ подробно описывается: «Уллу, узун адам. Кёкюрегинде бир дукъуру бар. Юсю къап-къара тюк, сакъалы да – тюк. Дунияны башында зат болуп, андан эриши жан болмаз эди. Мангылайында да бир уллу кёзю. Тиллери уа, къанатлылача, чыкъынжикле кибик, чыкъырдап сёлешедиле» – «Огромный, высокий человек. С выступом на груди (как острие топора). Весь покрыт черными волосами, борода тоже покрыта волосами. На земле нет никого уродливее его, а на лбу один огромный глаз. Разговаривают они (лешие), как птицы щебечут»⁹.

В карачаево-балкарских быличках ясно описывается, что на груди у лешего это не топор, а выступ в виде топора, которым он может разрубить человека. Основные поступки этого мифологического героя направлены на то, чтобы испугать, навредить охотникам.

Подобное же описание Мэзитла (адыгский леший) встречается и в адыгском фольклоре «Мэзитл представлен человекоподобным существом, одноглазым, волосатым, кровожадным чудовищем, которого нарты, как правило, побеждают хитростью»¹⁰. У причерноморских шапсугов есть поверье, как пишет Л.И. Лавров: «Старики шапсуги описывали нам лесных полумужей в таких чертах: они голые, покрыты шерстью, с топором на груди, одноногие и одноглазые»¹¹, что идентично и для описания лесных повелителей и у других народов.

В быличках демонологические персонажи всегда представляют опасность для людей. «Таинственный и трагический характер сюжета, а также то, что событие нередко происходит с человеком, когда он находится один в безлюдном месте, как бы между сном и явью, усиливает мифологичность былички и веру в рассказываемое»¹². Многие былички о лесном духе заканчиваются драматически: после встречи с представителем из параллельного мира человеку грозит смерть.

Существует поверье, что леший никогда не показывается на глаза людям, а если кто-то его увидит, то это становится предвестием несчастья. «Ведь издавна многие верили, что проклятия или пожелания подобных мифических существ исполнялись. По таким верованиям и созданы подобные рассказы»¹³.

Один из таких текстов «Агъач киши» – «Лесной человек»¹⁴ – о встрече одного выходца из Абеевых, из их двенадцатого колена, Чегембая с лешим. Лесной дух, проклял его, чтобы у того в семье до двенадцатого колена больше одного сына не было. С той поры у Абеевых от отца к отцу кроме одного сына не было сыновей.

Подобные былички про леших сказителями передаются из уст в уста, тем самым распространяясь на определенной территории. Рассказчики, сами не являясь свидетелями происшествий, ссылаются на честность человека, поведавшего им этот рассказ. Подобное наблюдается в тексте «Агъач кишини сыфаты» «Образ лесного человека»¹⁵: «Алай айтыгучу эди Кипкеланы Осман, ётнюрюкчю адам туюлю эди» – «Так сказывал Кипкеев Осман, он не был вруном».

Чаще всего былички о леших рассказывали охотники и пастухи, которые по роду занятий долгое время находились в окружении девственной природы с ее непонятными явлениями.

Можно заметить, что структура быличек имеет свои особенности, что и отмечает О.И. Тиманова: «... наличие как минимум двух различных описаний природы («до» или «после» – и непосредственно «в» момент встречи с мифологическим персонажем); быструю смену обстановки действия; основной сюжетный мотив – мотив встречи со «страшным»; специфическое построение»¹⁶.

Широко распространены у карачаевцев и балкарцев мифологические рассказы с подобной структурой построения сюжета: леший приходит к охотникам, жарящим оленя, и пугает их. В одном из таких рассказов «Учу бла Агъач киши» – «Охотник и Лесной человек»¹⁷ повествуется о том, как охотник по имени Чук, в поисках добычи вошел в густой лес в окрестностях Бурьш Сырт. Пока он снимал шкуру с оленя, не заметил, как стемнело. Он развел огонь. Только изжарились шашлыки, как из леса вышел лесной человек.

Он, поздоровавшись, без спроса съел все его шашлыки и грубым тоном пригрозил ему, что если Чук и дальше будет охотиться у него в лесу, то съест его, как те шашлыки. Только за три истины, лесной человек мог его отпустить.

Смышленный охотник, недолго раздумывая, ответил, первое, что никогда как сегодня он не пугался; второе: никогда в жизни не видел более безобразного существа, чем его гость; третье: если он сегодня останется жив, то его нога никогда не ступит в эти места.

За эти три правды лесной человек отпустил его, но пригрозил, что убьет, если охотник кому-либо расскажет об их встрече.

Чуку хотелось рассказать о произошедшем, но угрозы лесного человека не давали это сделать, и это сильно его угнетало. Изо-дня в день охотник становился все угрюмее и в конце слег. Лекари были бессильны. Тогда пригласили знаменитого ясновидца, осмотрев больного, который сказал, что Чук ничем не болен, просто ему нужно кому-нибудь поведать секрет.

Чук не соглашался, но как-то он вышел на берег реки, там он свой секрет рассказал большому пню. Вся тяжесть, лежащая на его сердце, перешла пню, и тот раскололся надвое. Охотник после этого выздоровел.

«Вот какова была сила и мощь слов лесного человека», – заключает рассказчик.

Подобный мотив описывается в песне «Гуёну жыры» – «Песня о Гуё»¹⁸, где главный герой Гуё был очень храбрым и сильным охотником.

*Меркер улу батыр Гуё-жютюкёз,
Тюзню таба, таша жолну жюрюмез.
Чаришлеле бир кишиге оздурмагъан,
Гутушханда сыртындан салдырмагъан.*

«Сын Меркера, Храбрый Гуё – остроглазый.
Который любил ходить у всех на виду.
Который на скачках никому не уступал,
Кого в борьбе на спину никто не положил».

У Гуё была одна плохая черта: он любил рубить деревья, вопреки наказам отца. Однажды к нему в лесу пришел лесной человек и сказал, что только три правды спасут Гуё от его мести. На что герой песни ответил, так же как в предыдущем рассказе, что ужаснее никого не видел, что больше чем сейчас никогда не боялся, и третья правда, что если леший его отпустит, никогда он не будет рубить лес.

Леший признал, что это все – правда, и отпустил Гуё, но строго наказал, больше не рубить деревья.

Мы согласны Х.Х. Малкондуевым в том, что «в образ реального Гуё привносятся мотивы мифологической всеильности героя.

Покровители беспощадны к жестокости, несправедливости и злу. Они не прощают ошибок людей. Наказывают и предупреждают, а в случае нарушения людьми табу в их владениях, убивают их»¹⁹.

Кроме того бытуют рассказы о том, что от лесного существа зависит удача в земледелии. Считается, что в древности люди не умели пахать землю, этим мастерством владел только лесной человек. В рассказе «Сабан сюрюю»²⁰ – «Вспашка поля», рассказывается, как люди пошли к лешему с вопросами о том, как вспахать поле, но тот не захотел отвечать. Тогда люди разозлили его, потому как знали, что

леший отвечал только тогда, когда был злой, и ушли домой. У лесного существа было обыкновение, разговаривать с самим собой. Леший шел в лес и ругался сам на себя, раскрывая секреты земледелия.

Люди подслушали и поведали друг другу. С тех пор они научились земледелию. Как известно, кто последует совету лешего, того ждет успех.

Многие моменты, детали образов лесного человека в карачаево-балкарском фольклоре совпадают с образом лешего у других народов, а также существуют одинаковые мотивы повествований. Например, таковы адыгский Мэзитл, грузинский Очокочи и карачаево-балкарский «Агъач киши». Например: «Однажды охотник Гуталия (у грузин), гнался за оленями по отвесным вершинам гор, убил он там оленя.

Вечером развел он костер и стал жарить шашлыки. Вдруг перед ним появилось какое-то громадное косматое человекоподобное существо. Не было на нем никакой одежды, и шерсть стояла дыбом. На груди существа был заостренный выступ, подобный лезвию топора. То был Очокочи. Сел напротив он, у костра, съел весь ужин. После этого существо скрылось в лесу. Когда окончательно стемнело, охотник приготовился ко сну²¹.

Подобный рассказ встретится и в карачаево-балкарском фольклоре, как могучий охотник Ажо убил на охоте тура. Ажо был огромным, волосатым, как лесной человек, и кричал он подобно ему. Решил переночевать в пещере. Развел костер, подождал, пока догорит и на углях начал жарить мясо. Как вдруг заметил у пещеры огромное похожее на человека существо. Ажо увидел перед собой человека еще более огромного и противного чем он, на груди был заостренный выступ, напоминающий топор. Существо без спроса село у огня, и этот человек, дав понять, что голоден, съел всего тура. Лесной человек, оставив Ажо только кости, скрылся в лесу²².

Дальше действие в рассказах происходило однотипно: охотники, показав, будто они спят, подложили под одеяло охотничий нож, рукояткой в землю, лезвием вверх, и прикрыли буркой. Сами же спрятались за деревом, зарядив ружье. Через некоторое время из леса выскочил лесной человек, заметил бурку и мигом навалился на нее грудью. (Люди верили в то, что леший рубит деревья и врагов острым выступам на груди, навалившись на них). В ту же минуту охотники выстрелили ему в спину. Раздался страшный рев, но леший скрылся в лесной чаще.

Этот сюжет встречается и в адыгском фольклоре. Например, Мэзитл (леший у адыгов) тоже представлен одноглазым, волосатым, кровожадным человекоподобным существом. Сюжет предания о Мэзитле «Как Орзэмэс взял в жены Дадух» таков: «Нарт Орзэмэс, зная коварство лесного мужа, заверившего его, что «всю жизнь они будут друзьями, будут ходить друг к другу», а сам решил погубить нарта и завладеть его вещами, пятнадцать ночей оставлял вместо себя на ложе чурбан, накрытый буркой. Целые ночи он простаивал в углу своего жилища и ждал прихода чудовища. На шестнадцатую ночь пришел Мэзитл, набросился на чурбан, который он принял за нарта, и проткнул его своим мечом-маисом²³.

Таким образом, Агъач киши, Мэзитл и Очокочи очень похожи друг на друга: безобразные, человекоподобные мужи с выступом на груди. Эти лесные люди подстерегают охотников, когда те собираются съесть мясо. Ведут с ними диалог, а после пытаются их убить.

В этих текстах интересно сходство охотников, так же как и лесных существ. Им удается победить врага благодаря лишь своей сноровке и богатому опыту.

Рассказывая былички о демонологических персонажах, сказитель доносит до слушателя факты встречи человека с представителем параллельного мира, о впечатлениях и переживаниях главного героя в тот ключевой момент, произошедший в данное время.

Мы согласны с С.И. Граховой²⁴, что ситуацию «контакта человека с демоническим существом можно представить следующим образом:

1) Вход в ситуацию – неожиданное проявление «гостя» из параллельного мира: «Ажо вдруг заметил, что у входа в пещеру остановился какой-то огромный зверь».

2) Пребывание в ситуации – описание увиденного. Демоническое проявление всегда вызывает у персонажа страх, тревожность, удивление, вводит его в оцепенение, в состояние растерянности: «Ажо насторожился, схватил лук, вскочил на ноги».

3) Выход из ситуации – исход встречи – связан с исчезновением демонического существа. Часто рассказчики дают информацию и о дальнейшей судьбе человека, ставшего невольным очевидцем происшествия: «Ажо много раз слышал его (лешего) крики (проклятия), но его не нашел».

В карачаево-балкарском фольклоре сохранились и мифологические песни, посвященные встрече человека с «агъач киши».

*Жангыз кёзлю Агъач киши,
Керти сёзлю Агъач киши,
Жаз башында терекге минмеген,
Кюз артында терекден тюшмеген,
Жаи терекле кесдирмеген,
Агъач жаныуарлагъа тийдирмеген,
Акъ ажирни сояйыкъ,
Анга юлюш къояйыкъ.*

Одноглазый Агъач киши,
Верный своему слову Агъач киши,
Весной не залезающий на дерево,
Осенью не слезающий с дерева,
Не позволяющий рубить молодые деревья,
Не позволяющий убивать лесных зверей.
Зарежем белого жеребца,
Угостим нашего хозяина леса,
Оставим ему его долю²⁵.

Анализируя это поэтическое произведение Малкондуев Х.Х. верно обратил внимание на то, что «В песне отразились отголоски древнетюркского мифологического сознания. Не случайно упоминание в ней лошади белой масти. Очевидно, балкаро-карачаевцы сохранили из далекого прошлого своей языческой истории отголоски культа этого животного»²⁶.

Ритуал приношения в жертву белого коня у мирового дерева совпадает у многих тюркоязычных народов, что отражает древние контакты между ними. Белый конь отождествляет божественные силы, борющиеся со злом. С белым цветом связывали понятие святости, чистоты и мужества.

Нельзя обойти вниманием фольклорное поэтическое произведение «Агъач киши бла Маккуруш»²⁷ «Лесной человек и Маккуруш». Как известно из вышеизложенных фольклорных текстов «Агъач киши» – «леший, лесной человек» – антропоморфный персонаж, охраняющий лес, а «Маккуруш» – «Повелитель животного мира» зооморфное существо с огромными острыми рогами подобно мечам, который обладает громадной силой. Противостоять Маккурушу ни кто не мог.

*Апсатыдан, Аймушдан
Аны кючю залим эд,
Тенг болаллыкъ жаланда
Жокъ эд бир инсан анга.*

Больше чем у Апсаты и у Аймуш
Была у него сила.
Ему равным стать
Ни кто не мог.

Интерес в произведении представляет конфликт Маккуруша с лесным человеком: каждый из персонажей считает себя повелителем той местности и уступать не хочет. После долгой словесной полемики в виде диалога, Маккуруш и лесной человек вступают в поединок, в ходе которого, пострадали оба персонажа.

*Маккуруш ёлдю дейле
Сюйген Милял талада.
Агъач киши жан берди
Башилни терен агъачында.*

«Маккуруш умер, говорят
На любимой поляне Милял.
Лесной человек испустил дух
В чаще леса местности Башил».

Развязка данного произведения интересна тем, что «согласно ее содержанию, Маккуруш как мифический персонаж умирает на воспетой язычниками в ритуально-обрядовой и мифической поэзии поляне Милял Дурку, о существовании которой в реальной жизни сказочники и исполнители народных песен ничего определенного не могли сказать, т.к., искусно вписываясь в тексты обрядово-мифологической поэзии, легенд, преданий и сказок, она оставалась загадочной, как и сами многие мифосказочные мотивы»²⁸.

Таким образом, былички о лесном духе рассказываются как правдоподобные истории, на самом деле имевшие место случаи из жизни людей. Соединение реальности с фантазией (встреча с лесным существом человека) является ядром эмоционального воздействия таких рассказов. Леший, как мифологическое существо (нечеловеческое), расположен вредить человеку. В фольклорных повествованиях при встрече людей с антропоморфным существом, последний предстает перед слушателями как исключительно враждебная человеку сила, действия которой грозят ему гибелью. Однако, судя по некоторым записям, в образе этого существа просматриваются и черты древнейшего культурного героя (введение тайнами земледелия).

Анализ мифологических рассказов о лешем в карачаево-балкарском фольклоре показывает типологическое сходство и вполне вероятную общность происхождения или же совместной разработки сюжетов и мотивов у карачаевцев и балкарцев и соседних народов Северного Кавказа.

Примечания

1. Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. 194 с.
2. Каскабасов С.А. Жанр былички в казахском фольклоре // Советская тюркология. Баку, 1987. № 6. С. 32–35.
3. Грахова С.И., Исмаилова Н.И. Устные рассказы о домашнем духе: психология контакта // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (31): в 2-х ч. Ч. II. С. 64–67.
4. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М.: Индрик, 1994.
5. Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа. М.: ООО Издательство Астрель; ООО Издательство АСТ, 2000. 528 с.
6. Тиманова О.И. Мифологические персонажи восточнославянского фольклора и особенности их воплощения в «малороссийских былях и небылицах» С. 44–58 [Электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/v/mifologicheskie-personazhi-vostочноslavyanskogo-folklor-a-i-osobennosti-ih-voploscheniya-v-malorossiyskih-bylyah-i-nebylitsah-o-m/> (дата обращения: 7.08.2018).
7. Криничная Н.А. «Я с лешим на разговорах был...» (Повествователь в мифологических рассказах) // Русская речь. М.: Наука, 2015. № 1. С. 119–127.

8. *Басангова Т.Г.* Демонологические персонажи в фольклоре калмыков // Электронный научный журнал «Новые исследования Тувы». www.tuva.asia. № 2–3. 2011. С. 95–98.
9. «Агъач кишини сыфаты» // Къарачай-Малкъар мифле. Нальчик: Эльбрус, 2007. 496 с. (156).
10. *Кук А.С.* Образ мифологического божества мзэитха в мифологии и эпических сказаниях адыгов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствознание. 2013. № 1 (114). С. 23–30.
11. *Лавров Л.И.* Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев: исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований // Труды института этнографии им. В.И. Миклухо-Маклая. М., 1959. Т. 1. С. 121.
12. *Каскабасов С.А.* Указ. соч. С. 32–35.
13. *Гергокова Л.С.* Мифологические персонажи в карачаево-балкарских быличках и бивальщинах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6–2 (72). С. 24–26.
14. «Агъач киши» // Къарачай-Малкъар мифле. Нальчик: Эльбрус, 2007. 496 с.
15. Къарачай-Малкъар мифле. Нальчик: Эльбрус, 2007. 496 с. (156).
16. *Тыманова О.И.* Мифологические персонажи восточнославянского фольклора и особенности их воплощения в «малороссийских былях и небылицах» О.М. Сомова // Общество. Среда. Развитие. 2007. № 3. С. 44–58.
17. «Уучу бла Агъач киши» – «Охотник и Лесной человек» // Къарачай-Малкъар мифле. Нальчик: Эльбрус, 2007. 496 с.
18. Фольклорный фонд Малкондуева Х.Х. «Гуёну жыры» – «Песня о Гуё».
19. *Малкондуев Х.Х.* Древняя песенная культура Балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус, 1990. 157 с.
20. «Сабан сюрюу» – «Вспашка поля» // Къарачай-Малкъар мифле. Нальчик: Эльбрус, 2007. 496 с. (156).
21. Грузинские народные предания и легенды / пер., предисл., примеч. Е.Б. Вирсаладзе. М.: Наука, 1973. С. 75.
22. Ажо // Къарачай-Малкъар мифле. Нальчик: Эльбрус, 2007. 496 с. (156).
23. *Кук А.С.* Указ. соч. С. 23–30.
24. *Грахова С.И.* Народные демонологические рассказы: принцип двоимирия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 1–2 (31). С. 64–67.
25. Архив КБИГИ. Ф.ф. Ед. хр. 13. Д. 4.
26. *Малкондуев Х.Х.* Обрядово-мифологическая поэзия балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 272 с.
27. Архив КБИГИ. П. 6. Фонд Малкондуева Х.Х.
28. *Малкондуев Х.Х.* Карачаево-балкарские народные сказки о животных. Мотивы об овце и козе (Аймуш и Маккуруш) // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук. Нальчик: Изд-во: ИГИ КБНЦ РАН, 2015. № 3 (26). С. 81–91. (90).

PLOT AND MOTIVE COMPOSITION OF KARACHAY-BALKAR COSSACKS ABOUT LESHY

Gergokova Leila Sozaakbayovna, Candidate of Philology, Researcher of the Sector of Karachay-Balkar folklore of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), leylagergokova79@mail.ru

In this paper, the problem of systematizing the notions of one of the demonological characters of the Karachai-Balkarian folklore is considered – a leshy “agach kishi”, which lives in the forest. The subject-motivational composition, the features of the description of the image, are traditionally mentioned places of appearance and habitat of the forest spirit. The actual material for the analysis was the various folklore records about this mythological character. The relevance of the research is that to date there has been no scientific work on Karachay-Balkar folkloristics about the “Aghach Kishi”, although it is very popular among the people. The basic information about him became available thanks to the records recorded in the field expeditions and stored in

the archive of the IGI KBSC RAS, publications in collections of fairy tales and oral narratives, as well as the author's own research, which made it possible to clarify many features of the image and related representations, place of fixation, the degree of popularity of plots. Analyzing the motifs encountered in the Karachay-Balkar tales of the leshy "*agach kishi*", we determined the similarity and difference between them and the motives of the forest man from other peoples.

Keywords: Leshy, forest spirit, hunter, she-bird, forest creature, mythology, mythological character.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-3-38-125-133

ФОЛЬКЛОР В ТРУДОВОМ ВОСПИТАНИИ (на материалах животноводческого цикла адыгского фольклора)

Гутова Ляна Адамовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), adam.gut@mail.ru

В статье рассматриваются основные особенности отражения в фольклоре методов воспитания подрастающего поколения, связанных с животноводством в традиционном адыгском обществе. Сопоставляются достоверные сведения историко-этнографического характера и особенности их художественного осмысления в различных жанрах народного устно-поэтического творчества. Анализ построен на этнографических и фольклорных материалах разных жанров – пословицах и поговорках, приметах и поверьях, притчах, песнях, эпических поэмах-пшинатлях, легендах, преданиях, а также благопожеланиях, адресованных животным, их хозяевам или мифологическим божествам-покровителям диких и домашних животных. Устанавливается не только характер отражения в словесном искусстве места и роли животноводства в адыгском обществе, но и отражение основных этапов трудового воспитания. Также отмечается влияние отдельных фольклорных произведений на формирование личности в свете идеального отношения человека к живым существам, к домашним животным не только как к богатству, но и как к органической части гармонично устроенного мира.

Ключевые слова: пословицы и поговорки, приметы и поверья, притчи, песни, легенды, предания, мифологические божества, Амыш, Пшишан, Хакусташ, Ахынова корова, Ахынова роца.

Известно, что животноводство в быту адыгов, как и у многих других народов, возникло гораздо раньше, чем земледелие, поскольку одним из первых занятий человека была охота на диких животных, а затем и последующее их приручение. О животноводстве у адыгов в прошлом сохранилось много свидетельств. Так, например, автор первой половины XIX в. С.М. Броневский писал: «Черкесы содержат многочисленные стада рогатого скота и овец <...>. По числу лошадей и скота измеряется у них богатство частных лиц»¹. Как пишет М. И. Мижаев, «...с конца II и начала I тысячелетия до н.э. у адыгов, проживающих на степной территории, скотоводство было главным занятием»².

Важным компонентом трудового воспитания считалось приобщение подрастающего поколения к навыкам ухода за животными. Это начиналось для мальчиков примерно с 8–12 летнего возраста. Чем старше становился ребенок, тем более глубоко вовлекали его в трудовой процесс. Чаще всего это происходило на полевых станах кошах, когда мальчики в качестве подпасков помогали старшим в меру своих сил и наблюдали за их работой, перенимая нужные навыки и набираясь опыта. Здесь они обретали начальные знания о повадках разных животных и первые навыки обращения с ними. Особенно важно было развить в детях наблюдательность. К примеру, перед выжеребкой, окотом или отелом животные едят мало, отделяются от стада, часто мочатся. По этим признакам старшие учили распознавать состояние животных. В этот период нельзя было быстро гонять их, пасти в наветренных местах, а поить следовало только из теплых источников.

Особенно тщательно наблюдали за матками-первородками и их приплодом, и это ответственное дело было совместным для взрослых и подростков. Юные помощники в силу особенностей своего сознания с легкостью перенимали знания старших и сами с интересом познавали все тонкости нелегкого труда, обучались правилам ухода за животными.

Опытный чабан подбирает такую местность, чтобы стадо могло пастись свободно, врассыпную, причем так, чтобы все они были у него на виду. Он же учил подростков тому, как это делать. При наступлении непогоды нужно было вовремя укрыть стадо в безветренное место или успеть перегнать его в загон, а это требовало от молодых помощников не только резвости, но и наблюдательности, предусмотрительности, самодисциплины. Всякое послабление себе со всей очевидностью сказывалось на благополучии всего хозяйства.

Каждый скотовод должен был особенно тщательно следить за животными в период наиболее жаркой поры лета – *шылэ*. Из всех трех летних месяцев это срок самых знойных дней. Это время, когда трава начинает высыхать, особенно активизируются и размножаются паразитические личинки насекомых, которые разводились у скота под кожей в спинной части. В этот период пастухам нужно было быть особенно бдительными и по возможности не выгонять животных в места солнцепека, где больше всего скапливались паразиты. Подростки и юноши посвящались в секреты народных средств борьбы с этими и другими напастями.

Одно из самых ответственных общих дел всего летнего животноводческого сезона – это заготовка фуража. Для подростков это превращалось в многоступенчатый курс приобщения к работе. Вначале дети отроческого возраста выполняли обязанности подручных: в сферу их ответственности входило носить косарям воду для питья и инструменты для периодического затачивания кос. Поскольку и то и другое было одинаково важно для общего успеха, водоносы и держатели инструментов могли ощущать себя не просто на вторых ролях, а чуть ли не наравне с самими косарями. Более крепким подросткам могли затем доверить и работу с вилами – сбор сена и стогометание. При этом успешно сложить сено в копну было делом ответственным и требующим особого умения: плохо сложенное сено могло при первом же дожде промокнуть сверху донизу и затем сгнить. Поэтому подросток должен был получить достаточные навыки, чтобы от сборщика валков сена дойти до укладчика в копну или стог. Следующей ступенью было приобщение к самому престижному роду занятий на заготовке – сенокосению. Вначале мальчикам давали косы малых размеров, так называемые детские – от 5–6 номеров и затем уже выше. На этой стадии их учили правильно держать косу и умело пользоваться ею, чтобы не просто физической силой, а мастерством вести ряд вместе со всеми косарями.

Ребятам знакомили и с рядом примет, имеющих отношение к поведению животных, этим самым определяли погоду на ближайшее время. Например, считалось, что если у козы округлялись глаза, это говорило о скором наступлении ночи – *Бжэным и нэр хьурей хьуамэ, жэщ хьуащ*³. Или же, если скотина начинала без особой причины резвиться в поле, верили, что это к дождю – *Губгьуэм ит быллымыр джэзгумэ, дунейр кьызылхьэнуц*⁴. Если корова опускалась наземь, уткнувшись носом в землю, опасались землетрясения – *Жэмым и нэр щылым егулауэ гьуэлгьым, фыккьым – щыыр мэхьей жалэрт*⁵. Дурным знаком считалось поднимать сидящих животных, толкая их ногой – *Иц щысыр ельэпауэу кьагэтэдждэтэккьым*⁶.

Эти и множество других примет, казалось бы, странных и не имеющих логического объяснения, возникли в результате длительных наблюдений и внимательного «этикетного» отношения к животным. Молодых людей приучали к тому, что непременно перед тем, как хороший хозяин приступит к заботам о самом себе, он обязательно должен сделать все процедуры, связанные со скотом. Только после того, как скот будет напоен, ухожен, определен в стойло и обеспечен кормом, можно было самому приступить к трапезе. Люди считали, что соблюдение этих

правил предписано заповедями, это имело немаловажное значение не только в уходе и содержании скота, но и в собственном благополучии.

Глубокая вера в сверхъестественные силы и их покровительство прививалась и детям. Им с детства рассказывали о боге-покровителе мелкого рогатого скота Амыше, о боге крупного рогатого скота Ахыне, об обрядах посвященных этим божествам. Их значимость и влияние в животноводческой культуре отражены в фольклоре. Несмотря на принятие монотеистической религии (христианство, позднее – ислам), когда дело касалось конкретных отраслей практической деятельности, у адыгов все же сохранялись многие поверья и представления языческого периода. Так, с мифологическими персонажами Амышем и Ахыном связывались многие повествования, песни и обрядовые действия.

М.И. Мижаев приводит имена еще двух божеств: Пшишан и Хакусташ. «Пшишан, – пишет он, – впервые упоминается у Л. Люлье, который относит его к главным домашним божествам. По Н. Трубецкому, Пшишан является богиней-покровительницей овец и коз. По сведениям Л.И. Лаврова, собранным в Шапсугии, Пшишан – покровитель коров. Хакусташ, как сообщает Л. Люлье, почитается натухаевцами и шапсугами как хранитель и покровитель пахотных волов»⁷. Вероятно, сфера их популярности была ограничена одним субэтническим образованием или даже одной местностью.

Наибольшей известностью в пастушеской среде и среди владельцев скота пользовался Амыш. Особое отношение к этому божеству в народе связано с почитанием мелкого рогатого скота адыгами, о чем говорит и М.А. Меретуков, апеллируя к тому факту, что баран был тотемным животным. Как пишет этот исследователь, баран был настолько культивирован в адыгской среде, что в прошлом к стене очага адыги пристраивали небольшое возвышение (до полуметра) из глины «*етІэбай*», на котором изображали голову барана⁸. Такое отношение к культуре головы данного животного, по всей видимости, объяснялось тем, что мясо барана адыги считали более чистым и благородным из всех видов мяса, а расположение изображения головы барана над очагом наверняка было символом чистоты, непорочности и главенства семейного очага над остальными ценностями. Возможно, по этой причине голова барана являлась почетной частью в любой праздничной трапезе адыгов и подавалась только старшему. Вероятно, расположение изображения бараньей головы символизировало присутствие старшего в семье, его почетный статус блюстителя многовековых традиций.

М.И. Мижаев также упоминает о почитании овцы адыгами и приводит следующее свидетельство: «Кости этого животного обнаружены, например, в погребениях раннесредневекового периода. Более того, в ходзинском кургане (Адыгея) обнаружены погребения, в которых овцы захоронены по всем правилам погребального обряда»⁹. Здесь же ученый приводит суждение П.А. Дитлера, который считает, что в жизни племен, которым принадлежит этот курганный памятник, овца играла первостепенную роль и почиталась как божество.

Подросткам рассказывали об Амыше легенды, восхваляли его в песне и учили почитать. С. Хан-Гирей пишет о нем следующее: «Язычники почитали это божество покровителем овцеводства и в честь него совершали празднество осенью, при случке баранов»¹⁰. То, какое сакральное значение имел этот бог для людей, отражено и в фольклоре, в заклинании, адресованном самому Создателю и Амышу, как его заместителю:

*Ди тхъэ, тхъэишхуэ,
Амыш зи къуэдзэ
Дзэ Іумысу зы Іэц,
Іусу Іэщицэ*¹¹ –

Наш бог, бог великий,
Амыш чей заместитель,

Беззубую одну скотину <дай>,
С зубами сотню <скотин>дай.

Это заклинание хозяин произносил у ворот прежде, чем загнать во двор приобретенный скот. Естественно, что свидетелями таких ритуальных действий были и дети, которые получали определенное представление об Амыше, как о всесильном отраслевом покровителе.

Он представлялся юному поколению как антропоморфное существо, подобное обычному пастуху, но огромного роста, бесконечно влюбленное в своих подопечных. Он отличается не только большой заботой и любовью к животным, но с полным вниманием относится к людям, помогает им приручать животных. В фольклорной записи, впервые опубликованной в издании «Адыгэ IуэрыIуатэ» (*Адыгский фольклор*), Амыш характеризуется так: «Амыш безвыходно находился в лесу. Он ловил в лесу обитающих там животных разных видов, а у тех, кого не мог приручить, забирал детенышей и отдавал их людям. <...> Так люди обрели скот. А того, кто помог им обрести животных, стали почитать... <...>¹².

Согласно нартским сказаниям, Амыш брат бога-покровителя земледелия и растительности Тхагаледжа. Он обладает такими же магическими способностями, как и его брат: из кусочка мяса его овцы получалось такое количество варева, что им можно было накормить целое войско, так же как и из горстки проса Тхагаледжа вываривался целый котел пасты¹³.

В фольклорных материалах нет подробного описания внешности Амыша. Воспеваётся лишь его золотая палка и плетёная из хвороста шапка:

«... Уэ дыцэгүэ баш,
Дыцэ баш бгъэцIычэцI,
Уи чы пыIэр Iэтацхъэм щолъэцI...¹⁴–

О наш золотой посох,
Из золотого посоха ты звук издаешь,
Свою хворостяную шапку ты
на вершине стога протираешь ...».

По всей видимости, под золотой палкой Амыша подразумевается пастушья свирель, к которой прислушивалось стадо, и по ее звучанию определяло свое направление. В силу таких волшебных возможностей, в народе свирель Амыша прозвали «золотой палкой». Здесь же считаем уместным упомянуть и инструментальный наигрыш под названием «*Мэлегажъэ*»¹⁵ – *Вывод отары*, посвященное этому божеству: «Сказители утверждают, что стоит только начать его наигрыш, как тут же, с первыми его звуками отара трогается без каких-либо окликов или других действий. Возможно, этот наигрыш имел магическое значение для чабанов и он, по-видимому, связывался с именем Амышаша»¹⁶.

Хворостяная же шапка, о которой говорилось в песне об Амыше, на наш взгляд, символизирует приближенность к народу, как самого бога, так и вида его труда. По сути, само выражение «*чы пыIэр*», *хворостяная шапка* можно объяснить тем, что плетёные загоны для овец изготавливались в форме круга и могли напоминать шапку Амышаша.

Несколько иначе описывается внешний облик Амышаша в смеховой песне «*Пишнатль о Лашиш*»:

«... Уи бжъамишьжъыр жъыуэ кьогъаджэ,
Уи мэл гуартэшхуэр джабэм кIэрохуэ.
Дагъэр уи нэкIум кьыревыкI,
Мэл хъэпIатIэр уи пицэм кIэрымыкI¹⁷ –

Свирелью своей <старой> ты рано звук издаешь,
Большое стадо свое на склон горы выгоняешь,
Жир из лица твоего сочится,
Овечий клещ с шеи твоей не выводится! [перевод наш]

Красавица Лашин весьма брезгливо отзывается об Амыше, но надо учитывать, что для традиции смеховой песни характерно гипертрофирование некоторых особенностей объекта безобидного осмеяния.

Несмотря на такую, казалось бы, не очень лестную характеристику Амыша, в народе он был любим и почитаем, как символ трудолюбия и добродушия, заботливый покровитель животных. В одной из песен его представляют как кана (здесь слово «кан» употребляется в значении «любимец»), светлоликого, не возвышающего себя над людьми, а стоящего на одной иерархической лестнице с простым людом, за что он, по всей видимости, и был особо почитаем. Вот фрагмент из текста песни:

*Уэр, Амыш ди кьан,
Уэр, Амыш ди нэху,
Хуэдэ и унэ зи щласэ,
Уэ ди мэлыхуэв, ... –*

Ор, Амыш наш кан,
Ор, Амыш наш свет,
Кто равных себе любит,
О, наш бык чабанский¹⁸.

В «Пшинатле об Амыше» он характеризуется как творец, любимец Бога, не только покровитель животных, но и добрый помощник людей:

*... Тхэм и щласэри кьигъэщлц.
Щцаклуэ ящлри кьытокI,
Уи мэлыфэри щэкIытлцу,
ВитI зимыIэми хэщахуэ¹⁹ –*

... Богом любимого он создал,
С него добывается то, из чего изготавливают бурку,
Твоя баранья шкура – основа для тканья,
У кого нет пары волов, для того ты обретение.

В фольклорных материалах представлено два варианта сказания о смерти Амыша. В одном, наиболее распространенном, рассказывается, как однажды, выгоняя в горы свое многочисленное стадо овец, которым он сам не знал счету, Амыш заметил, как ветер всколыхнул бороду его могучего козла-предводителя отары, стоящего на вершине горы. Это стало верным предвестником конца жизни самого Амыша. По возвращении домой, он раздал все свое стадо людям, пожелал им приумножить богатство, после чего умер. То, как Амыш относился к животным, отражено в его завещании: «Я, – сказал Амыш, – с детства провел свою жизнь среди животных, всегда любил их. Ничем больше не занимался в жизни. Мои овцы так приумножились, что я потерял им счет. Не было ни у кого больше овец, чем у меня Теперь я окончил свое пастушество. Теперь вы пасите, приумножайте, любите их так, как я любил»²⁰.

Другой вариант ухода из жизни Амыша представлен в более раннем издании нартского эпоса. Здесь Амыш приходит к красавице нартов Ахумиде, вероятно добиваться ее руки, как и многие знаменитые нарты. Девушка запирает Амыша в черном сундуке и умерщвляет его. Далее она вывешивает тело и вялит его, а кровь разводит с водой и опрыскивает ею весь скот, таким образом, приумножая

его. Мясо умерщвленного божества красавица выставляет напоказ всем нартам и ставит условие, что тот, кто угадает, чье это мясо, станет ее мужем²¹. В первом варианте Амыш уходит из жизни при более или менее реалистических обстоятельствах, хотя не без элементов мистики. Во втором он типично мифическое божество, кровь и плоть которого способны воздействовать на обретение земных благ. Это свойство впоследствии было перенесено и в монотеистическую религию.

В отличие от Амыша, который был любим и близок к людям, Ахын, бог крупного рогатого скота, воспринимался людьми как грозное божество, несколько дистанцированное от народа. Его образ действовал настолько устрашающе, что если человек поклялся именем Ахына, то его слова не подвергались сомнению. «Ахын, не отдам!» «Ахын, не знаю»²². Подросткам рассказывали о силе и могуществе этого бога, его именем устрашали. В отличие от Амыша, Ахын почитался часто как зооморфное существо. Но в одном из сказаний он представлен как человекоподобный великан, имеющий уродливую внешность. «Родом он из басхагов*. Ахын охотник на диких зверей, умерщвляет животных своим длинным итхьком»²³. Л.Я. Люлье пишет относительно облика Ахына, что ноги его имеют раздвоенные копыта²⁴. Образ Ахына связывается также со стихией воды, так как при помощи своего посоха в сто саженой, он способен перепрыгивает через широкую бурную реку. По преданию, он окапывал глубокий ров с водою, погружался в него и спал, опершись на дно своим посохом, он перепрыгивал с одного берега реки или водоема на другой²⁵.

Возможно, что Ахын приобрел статус покровителя крупного рогатого скота в ходе эволюции образа. Согласно некоторым источникам, изначально Ахыном называли Черное море «...– море студеное, очень холодное. Бушуют на нем ветры. Налетают с того моря на берег частые ураганы и бури»²⁶. Ветра и ураганы приносили много вреда людям. Народ верил в то, что это Ахын напускает на них зло, отсюда и страх перед ним. Чтобы умиловить его, закалывали корову, причем исключительно черной масти. Хан-Гирей называет такую корову «самошествовавшая Ахынова корова»²⁷. Корова, якобы избранная Ахыном, сама дает о себе знать разными движениями и ревом и сама же идет к месту заклания. Это происходило в период половодья, когда реки выходили из берегов, но корова, переплывала их и сама шла на место заклания. Это обстоятельство тоже подтверждает связь образа Ахына с водной стихией. Видимо, жертвоприношение ему коровой и стало причиной того, что со временем он стал почитаться не только как божество водной стихии, но и как покровитель крупного рогатого скота.

Об истоках зарождения обычая принесения жертвы Ахыну М.И. Мижаев приводит легенду, записанную А.Х. Зафесовым в ауле Кичмай (Адыгея). В ней повествуется о том, как в священной Ахыновой роще враги поймали старушку. От нее потребовали, чтобы та разделася, станцевала и спела что-нибудь. На мотив песни старуха прочитала молитву:

*Сытхьуако, соукуацъэ,
Дзашэ итхьэу
Ахынэ итхьэчIэгъ,
Мы дзэу тызыкьотхьыгьэр
Дзэ ебыхэу торегьэтэкьох*²⁸–

Я пляшу, танцую,
Бог Дзаша,
Роща Ахына,
Сделай, чтобы войско, разграбившее нас,
Провалилось сквозь землю.

Когда мольба старушки стала исполняться, один из воинов, понимавший ее язык, обратился к Ахыну:

*Ахынэу зипсыхъу
Мыц сыхэпхыжмэ
Гъэ къэс
Къурмэн фэсицъын –*

О Ахын, кому принадлежит эта община,
Если сможешь выйти из этого положения,
Каждый год буду приносить тебе жертву.

Благодаря молитве и старуха, и тот воин остались в живых. Старуха, вернулась в свой аул, а Дзыба (имя воина) в свой аул, откуда по преданию и приходила «Ахинова корова».

Представляет интерес и другой вариант легенды. В нем вместо старушки неприятели заставили плясать пленниц. Одна из них, будучи беременной, обратилась к Ахыну: «*О Ахын, поневоле пляшу!*»

После ее слов земля разверзлась, и враги стали проваливаться в нее. Только один из них выжил, так как в отчаянии воскликнул: «*О Ахын! Если возвратишь меня домой, то через каждые три года буду пригонять к твоей роще корову в жертву!*» Он был спасен и исполнил данное обещание²⁹. Относительно обряда приношения жертвы Ахыну, Хан-Гирей пишет: «... И по сие время есть в горах одно семейство, которое в известное время осени обыкновенно выгоняет одну корову из своего стада к священной роще или дереву, привязав к ее рогам сыр и хлеб»³⁰. Думаем, что хлеб и сыр на коровьих рогах были символом богатого урожая, удося и вообще изобилия.

«Замечательно, что при совершении этого жертвоприношения на месте заклания не сдирали кожи, на том же месте, где снимали кожу, не варили мяса; а где варили, там не ели, а постепенно переносили с одного места на другое, и в продолжение времени приготовления яств народ, собравшийся под деревом жертвоприношения, плясал с обнаженными головами при громком пении особенных молитвенных песен»³¹. В дошедших до нас фольклорных материалах не представлено текстов молитвенной песни посвященной Ахыну. Единственный доступный вариант приводится А.Т. Шортановым на абхазском языке:

*О Оббе, я Ахин!
Агчен – бе ясти!
Отчен – бе ясти! –*

О боже, О Ахин!
Если пойду, даруй мне,
Если приду – даруй мне!³²

Смысл текста ученый трактует так: «Когда пойдут на войну – даруй мне, и когда придут неприятели – даруй, чтобы добыча досталась нам!»³³

По преданию, Ахын погибает от рук своего тестя, который во время сна Ахына, подпиливает его посох. Проснувшись, тот, как обычно, хочет перепрыгнуть через ров, но посох ломается, а сам он падает и тонет³⁴.

Результаты наблюдений дают основание заключить, что рассмотренная тематическая группа произведений по своей природе полифункциональна, и это характерно для устного словесного искусства. Оригинально то, насколько органично в каждом конкретном случае воспитательно-дидактическая функция сочетается с эстетической как главной функцией фольклора вообще. Когда речь идет о пословицах и поговорках или приметах и поверьях, мы вправе признать приоритет содержания, императива, автологического значения каждого слова. В них запечатлены умозаключения, ценные прежде всего своей лаконичностью в сочетании с практической приуроченностью. Но оформление по законам словесного

искусства делает их не только истинными, но и легкими для восприятия, усвоения и последующего воспроизведения, что само по себе является фактом искусства. В жанре благожеланий та же утилитарная функция представляется первичной, хотя их четкая ритмическая организация, высокий стиль, параллелизмы, а также другие атрибуты поэтической речи сделали их не столько частью ритуала, сколько полноправными художественными произведениями. Более близкой к практической назидательности можно было бы признать прозаические жанры. Однако в них обычно редки прямолинейные наставления, которые обычно «в одно ухо влетают, в другое вылетают» (адыгский аналог: «наставление читают в один день, помнят – три дня»). Поэтому главная ставка здесь на занимательности сюжета и яркости реплик и персонажей, причем некоторые реплики сами становятся афоризмами. Сочетанием практической целесообразности и занимательного изложения достигается двойной эффект – приобщение к высокому искусству и ненавязчивые уроки трудового воспитания.

Примечания

1. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. С. 380.
2. *Мижсаев М.И.* Мифологическая обрядовая поэзия адыгов. Черкесск, 1973. С. 73–74.
3. *ГьукIэмыхъу А.М., КъардэнгъуцI З.П.* Адыгэ псалъэжъхэр. Нэщэнэхэр. Налшык: Эльбрус, 1994. Н. 271.
4. *Мафедзев С.Х.* Очерки трудового воспитания адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1984. С. 143.
5. *ГьукIэмыхъу А.М., КъардэнгъуцI З.П.* Адыгэ псалъэжъхэр (томитIу зэхэлъу). Налшык, 1965. 1967 гъ. Н. 279.
6. *ГьукIэмыхъу А.М., КъардэнгъуцI З.П.* Адыгэ псалъэжъхэр. Нэщэнэхэр. Налшык: Эльбрус, 1994. Н. 303.
7. *Мижсаев М.И.* Мифологическая обрядовая поэзия адыгов. Черкесск, 1973. С. 74.
8. *Меретуков М.А.* Культ очага у адыгов // УЗ АНИИ. Этнография. Майкоп, 1968. Т. VIII. С. 312–313.
9. *Мижсаев М. И.* Мифологическая обрядовая поэзия адыгов. Черкесск, 1973. С. 75.
10. *Хан-Гирей С.* Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1978. С. 98.
11. Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 10. П. 3.
12. Адыгэ Iуэрыуатгэхэр. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапIэ, 1963. Н. 68.
13. Там же. С. 65–67.
14. Там же. С. 40.
15. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов / под ред. Гиппиуса Е.В. М.: Советский композитор, 1980. Т. I. С. 54.
16. *Шортанов А.Т.* Адыгская (черкесская) мифология и культуры. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2016. С. 134–135.
17. Адыгэ Iуэрыуатгэхэр. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапIэ, 1963. Н. 277.
18. Нарты. Адыгский эпос / под общ. ред. А.М. Гугова. Нальчик: Тетраграф, 2012. Т. I. С. 62.
19. Там же. С. 63–64.
20. Там же. С. 67.
21. Нарты. М.: Детгиз, 1957. С. 257.
22. Кабардинский фольклор. М.–Л.: Academia, 1936 (переиздание). Нальчик: Эль-Фа, 2000. С. 100.
23. Там же. С. 101.
24. *Люлье Л.Я.* Верования, религиозные обряды и предрассудки черкесов // Зап. Кавк. Отд. РГО. 1862. Кн. 5. С. 127.
25. *Лавров Л.И.* Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Труды института этнографии. Новая серия: Т. 51 «Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959. С. 211.
26. Кабардинский фольклор. М.–Л.: Academia, 1936 (переиздание). Нальчик: Эль-Фа, 2000. С. 100.

27. Хан-Гирей С. Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1978. С. 97.
28. Мижаев М.И. Мифологическая обрядовая поэзия адыгов. Черкесск, 1973. С. 84.
29. Шортанов А.Т. Адыгская (черкесская) мифология и культы. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2016. С. 151.
30. Хан-Гирей С. Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1978. С. 97.
31. Там же. С. 97.
32. Шортанов А.Т. Адыгская (черкесская) мифология и культы. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2016. С. 153.
33. Там же.
34. Лавров Л.И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Труды института этнографии. Новая серия: Т. 51 «Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований». М., 1959. С. 211.

FOLKLORE IN LABOR EDUCATION (on the livestock cycle materials)

Gutova Lyana Adamovna, Candidate of Philology, Senior researcher of the Sector of Adyghe (Circassian) folklore of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), adam.gut@mail.ru

The article considers the main features of the reflection in the folklore of the methods of upbringing of the younger generation associated with livestock in the traditional Adyghe society. Here also compared reliable reports of historical and ethnographic character and peculiarities of their artistic understanding in various genres of oral poetry. The analyses is based on ethnographic and folklore materials of different genres-proverbs and sayings, signs and beliefs, parables, songs, epic poems, legends and well-wishes addressed to animals, their masters or mythological idols of patrons of wild and domestic animals. It sets not only a reflection of the nature of literary art in the place and role of livestock in Adyghe society, but also a reflection on the basic stages of labor education. Also notes the impact of individual cultural works on the formation of personality in the light of the ideal relation of man to beings, to pets, not only as to wealth, but also as an organic part of the world harmoniously arranged.

Keywords: proverbs and sayings, signs and beliefs, parables, songs, legends, epic poems, mythological idols, Amysh, Akhyn, Pshishan, Hakustash, Akhyn's cow, Akhyn's Grove.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-3-38-134-142

Информация для авторов журнала «ВЕСТНИК КБИГИ»

Журнал принимает к рассмотрению работы, которые не публиковались прежде и не находятся в процессе подготовки к публикации в других изданиях.

1. Редакция журнала принимает для публикации статьи по следующим направлениям:

- история;
- филология;
- проблемы развития современного общества;
- культурология.

2. Требования к оформлению статей:

2.1. Рекомендуемый объем для статьи – до 15 с. (с учетом требований п.п. 2–4), включая текст, таблицы, примечания, иллюстрации.

2.2. УДК (индекс статьи по универсальной десятичной классификации).

2.3. Название статьи на русском языке прописными буквами полужирным шрифтом.

2.4. Сведения об авторе/авторах на русском языке (фамилия, имя, отчество (без сокращений), ученая степень, ученое звание, должность, место работы, электронный адрес).

2.5. Аннотация (не менее 100 слов) и ключевые слова на русском языке – шрифт 12 pt.

2.6. Текст статьи должен быть набран шрифтом Times New Roman 14 pt через полуторный интервал; страницы должны быть автоматически пронумерованы. При использовании в статье аббревиатур и сокращенных названий необходимо давать их расшифровку в конце статьи после «Примечаний» под заголовком «Принятые сокращения». Иллюстрации должны быть хорошего качества и представлены дополнительно в виде графических файлов (в формате TIFF или JPEG).

2.7. Примечания помещаются в конце статьи (затекстовая ссылка) и вносятся автоматически; нумерация сквозная, например:

1) Фотометрия и радиометрия оптического излучения. М.: Наука, 2002. Кн. 5. С. 24.

2) Археология: история и перспективы: сб. ст. I межрегиональной конференции. Ярославль, 2003. С. 156.

Нумерация в основном тексте должна полностью соответствовать нумерации и тексту ссылки.

В выходных данных книг следует указывать фамилию и инициалы автора (выделить курсивом), полное название книги, место издания, издательство, год издания, том или выпуск, общее количество страниц. А в выходных данных статьи – фамилию и инициалы автора, название статьи, название журнала, год издания, том, номер, первую и последнюю страницы статьи.

2.8. В конце текста статьи после примечаний приводятся данные (пп. 2.3.–2.5.) на английском языке.

3. Авторы представляют в журнал один распечатанный экземпляр работы и файл (MS Word, формат DOC или RTF). Первая страница статьи подписывается автором.

4. Вместе со статьей в редакцию представляются:

- 4.1. направление организации, в которой работает автор;
- 4.2. акт экспертизы / заключение о возможности публикации.

Внимание: Вся информация на электронном носителе должна полностью соответствовать бумажному экземпляру и представлять собой окончательный вариант научного труда.

Рукописи и электронные носители авторам не возвращаются.

Решение о публикации или отклонении статей принимается редакционной коллегией.

Усл. печ. л. 12,6

Формат 70x108 $\frac{1}{16}$
Цена свободная

Гарнитура Times
Заказ 218

Учредитель: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН (ИГИ КБНЦ РАН)
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Отпечатано в Редакционно-издательском отделе ИГИ КБНЦ РАН:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. Редакционно-издательским отделом *И.Х. Кушова*
Компьютерная верстка *А.В. Гергоковой*
Техническое редактирование *А.В. Гергоковой*